

Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, профессор (Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, профессор (Осакский университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, профессор (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, профессор (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, профессор (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, профессор (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, профессор (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, профессор (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- Д. Смил д-р истории, профессор (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
- И. Халфин д-р истории, профессор (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, профессор (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

Andrey V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

Alexandr N. Alekseenko	Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
Vladimir P. Buldakov	Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Wakio Fujimoto	Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
David Wolff	Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Viktor Dönninghaus	Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
Larisa V. Deriglazova	Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
Sergey V. Kondratiev	Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
Alexander S. Lavrov	Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
Shukhrat B. Mukhamedov	Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)
Gennadiy G. Pikov	Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Serguey Yu. Saprykin	Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
Jonathan Smele	Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)
Igal Halfin	Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)
Peter Holquist	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
Vladimir I. Shishkin	Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Тельминов В. Г.* *Invidia status* и *imperium maris*: к вопросу об интерпретации визуальных осей на древнеримских *villae maritimae* 9
- Басов И. М.* Антиведовской дискурс в польской печати XVI века 29
- Кутищев А. В.* Людовик XIV против Виктора Амадея Савойского. Военная кампания 1704 года в Савойе 40
- Прилуцкий В. В.* Сецессия Юга и Гражданская война в США на страницах российского журнала «Отечественные записки» (1861–1865 годы) 53
- Чан Суан Хиен, Нгуен Хьу Фук, Ле Хоанг Кьет, Нгуен Туан Бинь, Чан Тхи Тхо.* Сравнительное исследование образовательной политики Нидерландов в Индонезии и Великобритании в Малайе в XIX–XX веках (на англ. яз.) 65
- Мезенцев В. Ф.* Советский Союз в британском общественном мнении накануне и в начале Второй мировой войны 82

Российская история

- Космовская А. А.* Оброчные мельницы Прикамья в XVII–XVIII веках (социально-экономическая и пространственная перспектива) 90
- Проскурякова М. Е.* «В разные годы в пьянстве малые кражи чинил»: преступления служащих нижних чинов Выборгского и Кексгольмского гарнизонов в 1710–1740 годах 113

<i>Редин Д. А., Копырина С. Н.</i> Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы)	127
<i>Игнатьева Е. А.</i> Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация ранне- советского сельского социума? К переосмыслению подходов	144
<i>Запорожченко Г. М.</i> «Важнейшим из кино для нас является искусство»: общественное значение деятельности кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы)	156
In memoriam	
Памяти Сергея Григорьевича Скобелева (08.10.1956 – 20.12.2024)	168
Список сокращений	170
Информация для авторов	171

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 1: History

CONTENTS

World History

- Telminov V. G. Invidia status and imperium maris: Interpreting Visual Axes on Ancient Roman villae maritimae* 9
- Basov I. M. Anti-Witchcraft Discourse in the Polish Sixteenth-Century Printed Books* 29
- Kutishchev A. V. Louis XIV versus Victor Amadeus of Savoy. Military Campaign of 1704 in Savoy* 40
- Prilutskiy V. V. Secession of the South and the American Civil War on the Pages of the Russian Magazine "Domestic Notes" (1861–1865)* 53
- Tran Xuan Hiep, Nguyen Huu Phuc, Le Hoang Kiet, Nguyen Tuan Binh, Tran Thi Tho. A Comparative Perspective of Educational Policies of the Netherlands in Indonesia and Great Britain in Malaya during the 19th and 20th Centuries* 65
- Mezentsev V. F. British Public Opinion toward the Soviet Union on the Eve and at the Beginning of the Second World War* 82

Russian History

- Kosmovskaya A. A. Levies from Mills in Prikamye in the 17th – 18th Centuries (Socio-Economic and Geographical Perspective)* 90
- Proskuryakova M. E. "From Time to Time, Being Drunk, He Committed Petty Thefts": Crimes of Lower-Ranking Military Men of the Vyborg and Kexholm Garrisons in the 1710–1740* 113

<i>Redin D. A., Kopyrina S. N.</i> The Practice of Social Discipline in Early Yekaterinburg and in the Factories of the Yekaterinburg Department (1720s – 1750s)	127
<i>Ignatieva E. A.</i> Stalin’s “Revolution from Above” or the Radical Etatization of the Early Soviet Rural Society? To Rethink Approaches	144
<i>Zaporozhchenko G. M.</i> “The Most Important of Cinema for Us Is Art”: The Social Significance of the Activities of the “Sigma” Film Club in Novosibirsk Akademgorodok (1960s – 1980s)	156
In memoriam	
In memory of Sergey G. Skobelev (08.10.1956 – 20.12.2024)	168
List of Abbreviations	170
Instructions to Contributors	171

Научная статья

УДК 94(37)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

Invidia status* и *imperium maris*: к вопросу об интерпретации визуальных осей на древнеримских *villae maritimae

Вячеслав Григорьевич Тельминов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

telminoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2260-1558>

Аннотация

На основе литературных источников и с опорой на результаты раскопок виллы Сан Марко в Везувианском регионе формулируется новый взгляд на проблему визуальных осей в древнеримской репрезентативной жилой архитектуре поздней Республики и раннего Принципата, в первую очередь на приморских виллах нобилитета (*villae maritimae*, *villae otium*). В полемике с Уоллесом-Хэдриллом и его представлением о фронтальной визуальной оси, объединяющей все основные помещения и демонстрирующей перспективу социальной мобильности, автор обосновывает наличие боковых перспектив, которые могли вызывать иные смыслы и ассоциации у посетителей (суггестии). Всё многообразие осей группируется в систему из двух главных типов перспективы: *invidia* (*status*) – «претензия на статус», и *imperium* (*maris*) – «контроль над состояниями природы».

Ключевые слова

Древний Рим, *villae maritimae*, политическая коммуникация, Spatial Studies

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00133)

Для цитирования

Тельминов В. Г. *Invidia status* и *imperium maris*: к вопросу об интерпретации визуальных осей на древнеримских *villae maritimae* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 9–28. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

Invidia status* and *imperium maris*: Interpreting Visual Axes on Ancient Roman *villae maritimae

Vyacheslav G. Telminov

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russian Federation

telminoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2260-1558>

Abstract

The article considers from a new perspective the concept of visual axes in ancient Roman representative residential architecture, employing Villa San Marco as a case for the study of typical seaside villas of the nobility. The private estates of the Roman nobility, including domus, villa suburbana and villa maritima, functioned not only as retreats but also as venues for hosting guests and engaging in political discussions and decisions. Such residences were designed to accommodate large gatherings while serving as a status instrument and showcasing their owners' taste and wealth. Within these villas, public representative spaces and private areas coexisted not in a random manner but following several structural principles, including that of a visual axis. Wallace-Hadrill introduced the concept of a frontal visual

axis that linked almost all public and private spaces within a domus, thus demonstrated a certain prospect of social and loyalty mobility. The author of the article argues for the existence of lateral perspectives that could evoke different meanings and associations among guests, offering additional layers of interpretation. All identified axes are classified into groups according to their location and possible suggestions as *invidia* – “claim to a new status”, and *imperium* – “control over nature”. By introducing these two new types of perspectives, the article enriches the previously established idea of a single axis, thereby enhancing our understanding of the public-private landscape of a Roman seaside villa.

Keywords

Ancient Rome, *villae maritimae*, Political Communication, Spatial Studies

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-78-00133)

For citation

Telminov V. G. *Invidia status and imperium maris: Interpreting Visual Axes on Ancient Roman villae maritimae*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 9–28. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

В античности сфера публичности распространялась на более широкий круг ситуаций и сценариев жизни гражданина и, в особенности, политического деятеля. Римляне редко оставались одни и поэтому очень подозрительно относились к тем, кто собирался за закрытыми дверями. Так, в постановлении сената «De Vassahanlibus» 186 г. до н. э. в вину подозреваемым особенно вменяется именно тайный характер собраний, что имплицитно и становится главным составом преступления адептов данного культа¹. Постоянное «присутствие на глазах» у *clientes* и, шире, *populus romanus* было пререквизитом любой политической карьеры.

Любое «присутствие» и «выступление» включает в себя как выступающего, так и зрителей, а их коммуникации требуется подходящее пространство. Одной из арен для подобных выступлений в Древнем Риме была загородная резиденция. Более того, по мере накопления сведений из археологии римская вилла начинает всё больше представлять не просто в качестве одного из мест политической коммуникации, но и в некотором смысле как один из важнейших центров социальных ритуалов в римском мире [D’Arms, 1970, p. 5]. Это касалось не только нобилитета, но и других групп общества, соединенных с первым разнообразными социальными связями. Этимологически термин «nobilis» неслучайно восходит к слову «gnobilis» (известный, наглядный)². Члены римского нобилитета постоянно находились в условиях *conspectus populi* (что можно вольно перевести как «народный контроль»). В этой связи уместно вспомнить эпитафию на погребении консула 259 г. до н. э. Луция Корнелия Сципиона, содержащую слова: *hic fuet apud vos*³.

Многие из социальных ритуалов на римских виллах включали в себя значительный экономический аспект. Действительно, в античной экономике процесс обмена материальными благами сложно отделить от того, что Маусс назвал «обменом любезностями, развлечениями, ритуалами и праздниками»⁴. Таким образом, социальная активность на виллах была сплетена множеством связей не только с политическими, но и с экономическими отношениями, которые в античном обществе не обладали автономностью.

По выражению Хабенштайн, при анализе римской политической коммуникации следует учитывать статус не помещений, какими бы приватными они ни казались, а *людей*, которые в данных помещениях пребывали. Поэтому политика, понимаемая как общение и взаимодей-

¹ На это красноречиво указывает тот факт, что в данном постановлении сами по себе культовые собрания не запрещаются – запрещается лишь собираться без предварительной «регистрации» у претора, то есть втайне: «Sacra in oquoltod ne quisquam fecise uelet, neue in poplicod neue in preiuatod neue exstrad urbem sacra quisquam fecise uelet, nisei pr(aitore) urbanum adieset, isque de senatuos sententiad, dum ne minus senatoribus adesent quom ea res cosoleretur, iousisent» (15–18 // CIL I², 581).

² Nobilis [Lewis, 1890].

³ Consol censor aidilis hic fuet apud vos (CIL I², 9).

⁴ Цит. по: [Marzano, 2007, p. 6].

ствие элиты, могла происходить буквально в любом месте, где друг с другом встречались римские сенаторы, независимо от того, происходило ли это в Риме или на загородной вилле [Habenstein, 2015, p. 51–94]. Виллы больше не предстают, как в предыдущих исследованиях, в качестве «частных» убежищ, но, наоборот, начинают восприниматься как изысканная арена для общения и дистинкции, т. е. в качестве среды, где римский нобилитет осознанно демонстрировал свой утонченный образ жизни, целью которого было представлять или конституировать свои *честь* и *статус*. Данное утверждение можно перевести на язык социальной психологии и архитектуры следующим образом: несмотря на «интровертный» вид римских роскошных вилл, которые часто напоминали обращенные внутрь себя крепости, за их стенами скрывалась важная политическая деятельность⁵.

Таким образом, мы можем утверждать, что на вилле представителя римского нобилитета кроме обычного, физического пространства существовало еще и *пространство политики*, или, другими словами, четвертое, «политическое», измерение.

Согласно Цицерону, доступ на виллу к политическому деятелю был открыт большому количеству людей: «Доступ к тебе весьма легок <...>; ни одному человеку <...> не закрыт доступ <...> не только к твоему трибуналу, куда допускается весь народ, но также в твой дом и твою спальню <...>»⁶.

В письме, адресованном своему другу Марку Марию, Цицерон сожалеет, что остался в Риме вместо того, чтобы отдохнуть на вилле, и с завистью описывает, как его друг Марк Марий «открыл себе» из своей стабианской виллы вид на море и окрестные города⁷. Известно, принимал ли Марк Марий у себя такое же число гостей, как Цицерон, но здесь красивый пейзаж сравнивается со сценой театра, от которой недалеко и до *политической* сцены.

В трактате «Об обязанностях» Цицерон пишет, что вилла предназначена для приема самых разных гостей, называя совокупность гостей словом *multitudo* (толпа): «Et hospites multi recipiendi et admittenda hominum cuiusque modi multitudo» (Cic. Off. I, 139). Здесь Цицерон, неоспоримый знаток и ценитель роскошных вилл, указывает на важную особенность частных резиденций, которые не просто годились в качестве площадки для приема гостей, но, по сути, *специально* возводились или приобретались для этого. Их целью было, таким образом, производить впечатление, служить статусным инструментом, демонстрировать вкус, богатство, влияние хозяина, а также контроль над пространством и природой⁸. Кроме того, приморские виллы (*villae maritimae*) были особенно ярким воплощением божественного стиля жизни римских нобилей.

Вилла была местом, связанным с исполнением социальных обязанностей, которые в Древнем Риме сложно отделить от политических отношений. В усадьбе проходили деловые встречи и организовывались ритуалы, включавшие разный круг гостей и свидетелей. Социальные формы, в которые облекалась политическая коммуникация, могли включать в себя ужины, собрания, совместные «отпуска» и т. д.⁹ Так, Цицерон упоминает о встрече на вилле с шурином Цезаря Бальбом, на которой они обсуждали (вероятно, в числе прочего) политику Цезаря (Cic. Off. II, 3). Также он, очевидно, именно в своей усадьбе планировал встретиться с Милоном, добивавшимся на момент написания письма (56 г. до н. э.) претуры (Cic. Off. IV, 12).

⁵ В своей монографии Хабенштайн демонстрирует, как благодаря использованию вилл в рамках политической коммуникации представители римского нобилитета продолжали активно участвовать во всех важнейших процессах, даже физически отсутствуя в Риме [Habenstein, 2015, p. 33–34].

⁶ Cic. Q. fr., I, 1. Здесь и далее пер. В. О. Горенштейна по изданию: Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I, годы 68–51. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

⁷ Neque tamen dubito, quin tu in illo cubiculo tuo, ex quo tibi Stabianum perforasti et patefecisti Misenum (Cic. Fam. 7, 1).

⁸ По поводу контроля за сенсорными впечатлениями посетителей римских вилл см.: [Platts, 2019].

⁹ «Social interactions between members of the elite and their peers, friends, and clientes took place in maritime villas more or less regularly, depending on the villa-density in the area and the vicinity of towns. Dinner invitations were exchanged, political meetings convened, and invitations for a holiday sojourn extended to friends» [Marzano, 2007, p. 18].

Упоминается и обед у Помпея, которого автор «отвлеч... от всяких иных мыслей и склонил к намерению защищать свое (Корнелия Лентула Спинтера¹⁰) достоинство»¹¹. Отметим, что речь в данных эпизодах идет именно про обсуждение политических вопросов (ср. [Хоуи, 2017, р. 240]). Усадьба, таким образом, выступала как средство привлечения к себе новых политических и деловых партнеров и повышения престижа (Cic. Comm. pet.). В итоге социальный статус хозяина мог зависеть от уровня социальной активности, которая часто происходила именно в пространстве виллы [Wallace-Hadrill, 1988, р. 45].

Личное пространство политического деятеля как фактор, который влияет на статус ее хозяина, представлено не только в личных письмах, но и в текстах, рассчитанных на широкую аудиторию. Так, Цицерон в речи в защиту Лициния Мурены подчеркивает, что римский народ ненавидит роскошь и пышность у частных лиц, но ценит их в общественных делах (Cic. Pro Mur. 76). Указание на нежелательность пышности в контексте защиты свидетельствует о значимости этого фактора и подтверждает то, что оформление пространства участвовало в формировании образа человека и, соответственно, влияло на политику.

Аналогичная идея присутствует у Варрона в рассуждении об «общественном здании» (*villa publica*) в контексте электоральных мероприятий: «Но скажи, разве эта вилла, которую построили наши предки, не скромнее и не лучше твоей реатинской со всеми ее украшениями и отделкой? <...> И эта вилла является общим достоянием всего народа, а та – только твоим; она построена, чтобы граждане и прочие люди могли зайти сюда с Поля; она служит для дел государственных: сюда собираются толпы, созданные консулом для набора, сюда приносят для осмотра оружие, сюда цензоры приглашают народ для переписи»¹².

Практика строительства загородных вилл, предназначенных для отдыха [Astin et al., 2008, р. 509–510], приходит в Древний Рим в позднереспубликанское время. Постепенно возникают три главных области курортной застройки, в отношении которых действовала определенная сезонность. В марте и апреле нобилитет собирался на кампанском курорте в Байях, летом переезжал в Альбанские горы или на озера северной Италии [Mayer, 2005, р. 28, 30]. Сезонность акцентировала социальный характер такого отдыха. Хотя эти курорты предлагали различные удовольствия и вне общепринятого сезона, в самое комфортное время там концентрировался весь свет и «полусвет» римского общества [Mayer, 2005, р. 15–16; Хоуи, 2017, р. 239].

В состоянии постоянного общения каждому человеку требуется время, чтобы прийти в себя. И Цицерон не был исключением – наоборот, его даже можно назвать одним из самых известных интровертов античности, так как он эксплицитно жаловался на недостаток приватности в нескольких фрагментах своих писем и трактатов. Так, однажды он сетовал в частной переписке, что не может спокойно отдохнуть на своей вилле: «У меня не усадьба, а базилика, большое стечение формийцев... Но я оставляю в стороне простой народ: после четвертого часа эти остальные не в тягость. Гай Аррий – мой ближайший сосед, а сейчас уже даже сожитель; он говорит, что не едет в Рим для того, чтобы целые дни философствовать здесь со мной»¹³.

О большом количестве посетителей в усадьбах свидетельствуют и такие фразы, как «в утреннее время мой дом переполнен» (Cic. Att., I, 18), «Только я написал эти строки, вот и Себос. Не успел я вздохнуть, как Аррий уже говорит мне: “Здравствуй”. И это значит удалиться из Рима! <...> если я не смогу быть один, то лучше буду общаться с деревенскими, чем с этими слишком городскими людьми» (Cic. Att., II, 15). В другом письме Цицерон называет

¹⁰ Публий Корнелий Лентул Спинтер (ок. 101–46 гг. до н. э.) – политический союзник Цицерона.

¹¹ Cic. Fam., I, 2.

¹² Varro. Rust. 3, 2, 2. Перевод М. Е. Сергеев по изданию: Варрон Марк Теренций. Res rusticae. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹³ Cic. Att., II, 14. В Древнем Риме базилика представляла собой здание, которое использовалось для проведения торговых сделок и заседаний суда. Тем самым Цицерон указывает, что его вилла была в большей степени общественным зданием, чем местом приватного отдыха.

Кумы «малым Римом», а свою виллу городской усадьбой *domus*, намекая на плотное соседское окружение (Cic. Att. V, 2).

Как мы увидели выше, отчасти в необходимости интенсивного общения на своих виллах был «повинен» сам Цицерон, который предпочитал иметь виллы в наиболее престижных курортных местах, тем самым повышая свой престиж (*dignitas*). Путем приобретения виллы в таком месте в довесок к недвижимости возникала социальная обязанность общения с соседями¹⁴. Уже в эпоху империи, когда публичность стала играть меньшую роль в политической карьере, Плиний Младший выбрал Тускулум, так как там было меньше статусных соседей и можно было отдохнуть¹⁵.

Итак, античную виллу вполне можно причислить к категории общественных пространств.

Но если мы будем воспринимать и обозначать все пространство виллы в качестве общественного, не пытаясь категориально и содержательно осмыслить структуру, это может завести в тупик. На наш взгляд, у Маргарет Кон есть весьма уместное определение в этой связи¹⁶. Общественным является то пространство, которое в независимости от того, кто его контролирует, является доступным для многих людей и поощряет их взаимную коммуникацию. В случае с *villa maritima* общественной можно называть ту часть виллы, где происходило общение между *pater familias*, членами его семьи, друзьями, клиентами и разного рода случайными посетителями и просителями.

Получается, сфера общественного пространства проникала внутрь виллы и создавала некий сплав приватности и публичности. Если допустить, что «частное» и «общественное» пространства внутри виллы сосуществовали не спонтанно, но подчиняясь неким закономерностям и структуре, становится заметным ряд структурирующих принципов. Один из таких принципов – перспективу – впервые описал Уоллес-Хэдрилл применительно к римским виллам и (в большей степени) к городским усадьбам.

К архитектурному устройству древнеримских усадеб обращались многие исследователи: Дж. Д. Армс [D'Arms, 1970; 1974], А. Уоллес-Хэдрилл [Wallace-Hadrill, 1988; 1997], Дж. Кларк [Clarke, 1991], Дж. Смит [Smith, 1998], Й. Майер [Mayer, 2005], Ж. Кастекс [Castex, 2008], А. Марцано и Метро [Marzano, Metraux, 2018], П. Гарделли [Gardelli, 2016]. Данные работы важны с точки зрения описания архитектурного наполнения, визуальных систем маркировки, функций комнат и свидетельств перестройки в ходе ремонтных работ¹⁷. Однако авторы, как правило, не ставили перед собой задачу определить наличие зонирования и способы его проявления в пространстве вилл, а также их трансформацию в ходе социально-общественных и политических преобразований. Интерес на этом фоне представляет статья Хоуи, в которой он сформулировал концепцию «взаимопересекающихся» пространств в перистильях стабианских вилл. Особая планировка садового пространства открывала гостям сразу несколько ракурсов [Хоуи, 2017, р. 243–246]. Выводы Хоуи отлично дополняют результаты нашего исследования в том, что касается перистильной части римской приморской виллы.

Уоллес-Хэдрилл сравнивал визуальную ось римского богатого дома с анфиладами дворцов в стиле барокко, которые пленяли и уводили взгляд посетителя в «дурную бесконеч-

¹⁴ «The desire to own a villa in a specific place as a status symbol could result in overcrowding, as well as in heavy social obligations, making the ideal of a quiet retreat and relaxation impossible» [Marzano, 2007, p. 18].

¹⁵ Plin. Ep. 5, 6: «Habes causas cur ego Tuscos meos Tusculanis Tiburtinis Praenestinisque praeronomam. Nam super illa quae rettuli, altius ibi otium et pinguius eoque securius: nulla necessitas togae, nemo accersitor ex proximo, placida omnia et quiescentia».

¹⁶ «A public place, although being in actual ownership of the state or a private, is accessible to many people and/or fosters communication and interaction, thus facilitating unplanned contacts between people» [Kohn, 2004, p. 9].

¹⁷ Также до сих пор весьма перспективными представляются обобщающие работы на обширном материале, археологическом и литературном. В 2007 г. А. Марцано начала закрывать эту лакуну, отмечая новаторский характер поставленной задачи [Marzano, 2007, p. 9], но пока эта работа выполнена лишь по ряду аспектов и регионов обширной Римской империи.

ность» блистательного абсолютизма [Wallace-Hadrill, 1988; 1997; 2022]. Отметим, что у Уоллеса-Хэдрилла описан только один тип визуальной оси – от входа (*vestibulum*) сквозь все важнейшие помещения (атрий, перистиль и / или триклиний)¹⁸. Такая ось, как правило, наблюдалась только в городских усадьбах (*domus*), на виллах же вместо сквозного обзора есть *другие* перспективы, расположенные в разных местах виллы. Если предположить, что они также имели *значение*, то, по всей видимости, они должны были выполнять разные функции, потому что были явлены разным категориям посетителей.

Какими могли быть эти категории? У Цицерона мы встречаем обозначение разных групп людей в зависимости от уровня доверительности. По одной версии, в порядке возрастания дистанции к хозяину виллы, это были друзья, клиенты, гости, вольноотпущенники и рабы¹⁹. По другой, более краткой, друзья, гости и клиенты²⁰. Обратим внимание, что в более длинном и детальном перечислении гости находились после клиентов и до вольноотпущенников, в более краткой – между друзьями и клиентами. Положение категории гостей после клиентов в более подробной версии позволяет нам делать вывод о большей точности именно этой версии – детальность перечисления обуславливает большую точность в отношении каждого из элементов ряда.

Предположим, что данная классификация могла коррелировать с уровнем доступа в пространство виллы. Письма Цицерона, на наш взгляд, довольно информативны в данном отношении. Как эго-документы они в полной мере выражают субъективное отношение Цицерона к пространству усадеб и его участие в политических *делах*. Именно восприятие пространства, его использование и структурирование представителями римского нобилитета является для нас ключевым.

В «Кратком наставлении по соисканию» (*Commentariolum petitionis*) младший брат Цицерона Квинт Туллий пишет о том, как следует себя вести кандидату на выборную должность: «К числу друзей ты должен относить всякого, кто проявит хотя бы некоторое расположение и внимание к тебе, всякого, кто будет частым посетителем твоего дома» (Cic. Comm. pet. V, 16), «надо также заботиться о том, чтобы тебя ежедневно провожали люди всякого рода, словесия и возраста» (Ibid. IX, 34).

В этом фрагменте речь идет о соискании консульства, т. е. политической должности. Цицерон подчеркивает, что приход гостей к кандидату влияет на результаты выборов. Здесь он не указывает на непосредственное решение политических вопросов в усадьбе, однако, несомненно, обозначает роль, которую играет пространство виллы и его доступность в политике. Для более точной интерпретации данного места необходимо обратиться к продолжению следующего фрагмента: «на основании множества их (гостей) можно будет сообразить, каковы будут твои силы и возможности на самом поле. При этом бывают люди трех родов: первые приветствуют, приходя на дом; вторые провожают на форум; третьи сопровождают постоянно».

Соответственно, помимо посещения усадьбы, сторонники того или иного политика следовали за ним и в эксплицитно общественных пространствах, в частности на форум. В рассмотренном эпизоде вилла выступает не как место, где решались политические вопросы, а в качестве индикатора политической популярности. Также здесь проявляется функция усадьбы как одного из инструментов повышения социального и конкретно политического статуса: «Покажи тем, кто приходит к тебе в дом, что ты замечаешь; дай это понять их друзьям, чтобы те сообщили им об этом; повторяй об этом им самим. Так люди, обходя многих

¹⁸ Кастекс продолжил подход Уоллеса-Хэдрилла, подробно описав визуальную ось в помпейском Доме Фавна в своем компендиуме по архитектуре наиболее выдающихся зданий на территории Италии [Castex, 2008, p. 68].

¹⁹ Nunc, si me amas, si te a me amari scis, enitere per **amicos, clientes, hospites, libertos** denique ac **servos** tuos, ut scida ne qua depereat (Att., I, 20).

²⁰ Auctoritate gratia mea sic utantur in omnibus, publicis privatis, forensibus domesticis, tuis **amicorum hospitum clientium** tuorum (Fam., V, 8).

соперников и видя, что один из них обращает на их любезность наибольшее внимание, часто отдают свои голоса именно ему и оставляют прочих» (Ibid. IX, 35; IX, 34), «нужно, чтобы люди заполняли твой дом с ночи, чтобы многих привлекала надежда на защиту с твоей стороны, чтобы уходили от тебя настроенными более дружески, чем пришли» (Ibid. XII, 49).

Имея в распоряжении подобный список групп людей, которые сопровождают видного политика в общественном пространстве, было бы любопытно проследить, как эта социальная лестница менялась, будучи приложенной к пространству виллы.

В «Сатириконе» Петрония говорится о посещении виллы Трималхиона совершенно неизвестными людьми, ищущими приключения: в одном из эпизодов герои отправились на пир в качестве незваных гостей, что не помешало им принять участие в празднестве (Petron. Sat. 26–28). Из этого следует, что усадьба могла восприниматься как общедоступное место. В подтверждение приведем также цитату Варрона: «К нему в усадьбу приезжают поглядеть не на картинные галереи, как к Лукуллу, а на хранилища для фруктов» (Varro. Rust. II, 10).

Оставляя в стороне такой аномальный компонент, как незваные гости, и двигаясь снизу вверх по социальной лестнице, применимой к контексту виллы, начнем с понятия гостя (*hospes*). Цицерон говорит о госте (*hospes*) как о том человеке, с которым установлены отношения взаимного гостеприимства (Cic. Att., I, 13). Такой посетитель, к примеру, представляется автору наиболее надежным для передачи личных писем при принятии у себя. Не сумев найти «гостя», Цицерон вынужден повременить с отправкой важного письма. По набору прав и обязанностей понятие *hospes* сближается с понятием *vicinus* (сосед)²¹ – например, Секст Росций из Америи обладал статусом соседа в отношении сразу нескольких знатных родов, включая Метеллов (Cic. Rosc. Am. 15–18, 27).

Благодаря большому количеству подобных гостей, которыми окружал себя богатый римлянин, усадьба последнего могла восприниматься как своего рода «гостиница». Знатный римлянин Скавр, по сообщению Цицерона, «*приезжал, нигде, кроме как у меня, не пожелал остановиться, хоть еще у его отца были приятели, что живут у самого моря*» (Petr. Op. cit. LXXVII)²². С приемом гостей могли быть связаны и серьезные риски. Один из героев «Сатирикона» Петрония сетует на то, что «*принял в дом свой гостя, жестокостью превзошедшего Ликурга*» (Petr. Op. cit. LXXXIII).

Следующий тип посетителя у Цицерона именуется термином *cliens*. Это уже не просто гость, а партнер, вступивший с хозяином в отношения взаимовыгодного сотрудничества, правда, находящийся по-прежнему в иерархическом соподчинении. Наконец, следует друг (*amicus*). В письмах Цицерона вилла часто предстает в качестве места встречи друзей. В ряде писем он предлагает Титу Помпонию Аттику возможность выбрать, на какой вилле увидеться: в Формиях, Анции или Тускулуме (Cic. Att. II, 8–10). Также известно о встречах на вилле Цицерона с Аттиком, которому адресована почти половина из всего корпуса сохранившихся писем Цицерона. В пространстве вилл происходили также встречи Цицерона с семьей Аттика. В этих и подобных источниках вилла предстает приватным местом взаимодействия близко знакомых людей: «*обедай у меня вместе с Пилией*²³ на другой день после календ. Ты, конечно, это сделаешь» (Cic. Op. cit. IV, 12).

Составив представление о типичных категориях посетителей, перейдем к вилле Сан Марко, чтобы на ее примере рассмотреть их возможный маршрут. Вилла Сан-Марко была расположена на склоне холма Варано к юго-востоку от Помпей и вместе с остальными виллами, деревнями и городами Везувианского региона была уничтожена в ходе извержения 79 г. н. э.

²¹ Подробнее о *vicini* и *hospes* см.: [Lomas, 2012, p. 199–209].

²² Это нашло любопытное продолжение в традиции именования резиденций короля, а затем особняков аристократии в Париже словом *Hôtel*.

²³ Имеется в виду тесть Аттика Квинт Пилий Целер.

Эта роскошная усадьба была построена во время правления Августа, с внесением изменений и дополнительным строительством в эпоху Клавдиев [Howe, 2018, p. 107]. Впервые она была найдена в XVIII в. и раскапывалась инженерами короля Карла VII с применением шахтной технологии, затем засыпана и забыта и заново переоткрыта и тщательно изучена начиная с 1950–1960-х гг. по инициативе сначала директора местной школы Либерио д’Орси, а затем Археологической инспекции Помпей [Howe, 2017, p. 236–237].

Невозможно провести точные границы и траектории маршрутов из-за принципиальной эпистемологической недоступности данной сферы римской повседневности. Но точные контуры нам и не понадобятся – для выявления возможных визуальных осей и связанных с ними смыслов нам будет достаточно разделить всех гостей на три условные категории (*hospes* – *cliens* – *amicus*). Таким образом, мы опишем центр и края диапазона доступности, что, с одной стороны, не будет противоречить базовой трехчастной структуре большинства общественных феноменов, а с другой – позволит не претендовать на излишнюю точность в материях, не обеспеченных должным числом источников.

Начнем с *hospes*. К этой категории примыкают, поглощаются или накладываются также остальные малознакомые категории посетителей, перечисленные у Цицерона: вольноотпущенники и рабы, а также незнакомцы, обсужденные выше²⁴.

В сферу пространственной доступности гостя попадали, судя по расположению, интерьерным деталям и функции, следующие помещения: вестибулум с лавками для ожидания патрона (56) и атриум (54). Маршрут нанесен мной красными линиями поверх плана помещений виллы Сан Марко (рис. 1)²⁵. Обратим внимание на то, что этой категории посетителей уже доступна визуальная ось. На схеме она обозначена как *Perspectiva 1* (здесь и далее визуальные оси обозначены на схемах синим цветом).

Понимание того, что пространство виллы использовалось для приема разных категорий посетителей, поможет нам сделать еще один шаг. Наличие визуальных перспектив в разных местах виллы, доступных разным типам гостей, можно интерпретировать как результат сознательного применения одного и того же архитектурного приема в расчете на разных зрителей. Как же отличалось содержание транслируемых и внушаемых смыслов и ценностей по мере движения посетителей по своим маршрутам?

Рассмотрим перспективу 1, которая объединяет атриум (44), таблинум (59) и рабский перистиль (67). Ее, а также классическую сквозную перспективу, описанную Уоллесом-Хэдриллом, мы интерпретируем как визуальную суггестию (рис. 2), связанную со следующими ценностями, состояниями и смыслами: благочестие семьи (*pietas*, связанная с культом предков, чьи маски и бюсты могли храниться как в атриуме, так и в таблинуме), контроль над рабами в составе *familia* (так как из кабинета хозяина открывается вид на перистиль, объединяющий хозяйственные помещения *pars rustica*), щедрость *pater familias* по отношению к своим рабам (постройка перистиля для рабов была довольно редким явлением). Данную визуальную ось, на наш взгляд, можно также обобщенно охарактеризовать как внушающую *зависть*. Проблеме зависти в древнеримском обществе будет посвящено дальнейшее исследование, так как эта проблема ранее не получала пристального внимания в науке²⁶ и поэтому требует отдельного рассмотрения.

²⁴ Nunc, si me amas, si te a me amari scis, enitere per *amicos, clientes, hospites, libertos* denique ac *servos tuos*, ut scida ne qua depereat (Att., I, 20).

²⁵ Источник схемы помещений: Scavi archeologici di Stabiae. Pompeii. Soprintendenza Pompei, Castellammare di Stabia, 2016. P. 8–9.

²⁶ Недавно опубликованное исследование Э. Сандерса [Sanders, 2014] посвящено анализу зависти в Древней Греции, по Древнему Риму такое обзорное исследование еще не появлялось. Когнитивные предпосылки чувства зависти описаны у Клейна [Klein, 1957]. Отдельные аспекты понятия *invidia* в Древнем Риме упоминаются у Константа [Konstan, 2006] и Марцано [Marzano, 2007].

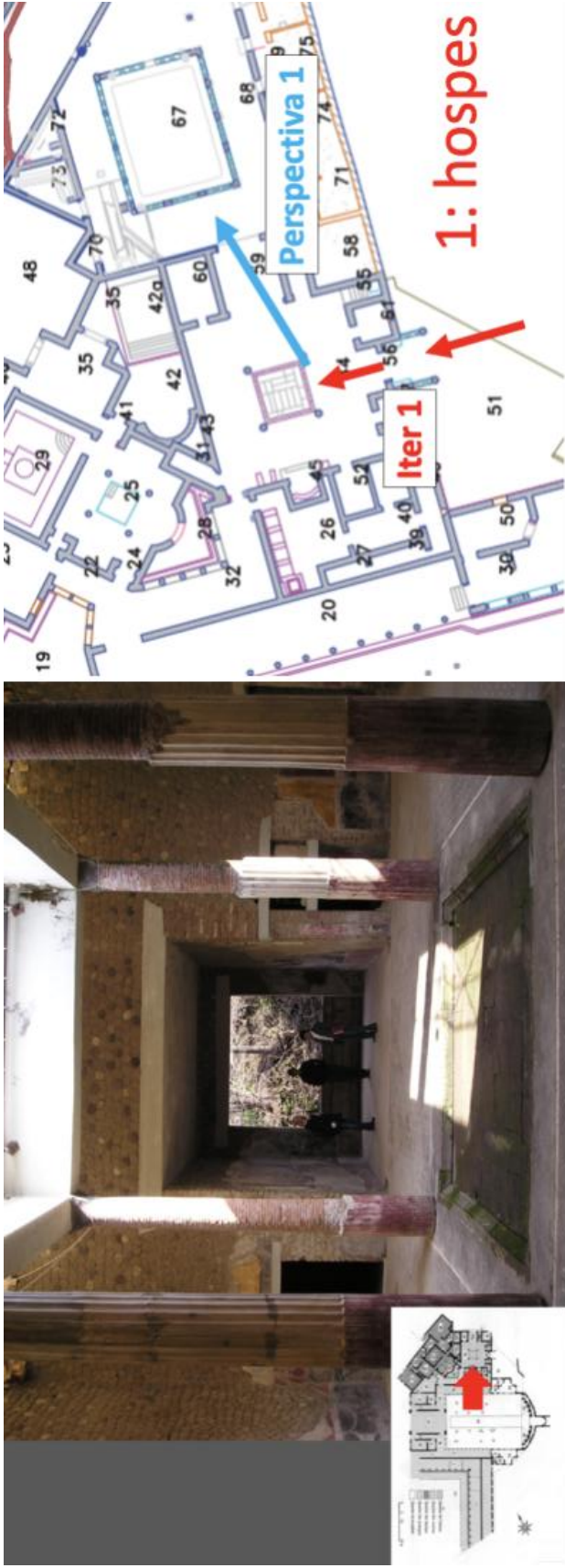

Рис. 1. Маршрут для *hospes*. Фото атриума виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).

План помещений виллы Сан Марко

Fig. 1. The route for *hospes*. Photo of the atrium of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).
Floor plan of Villa San Marco

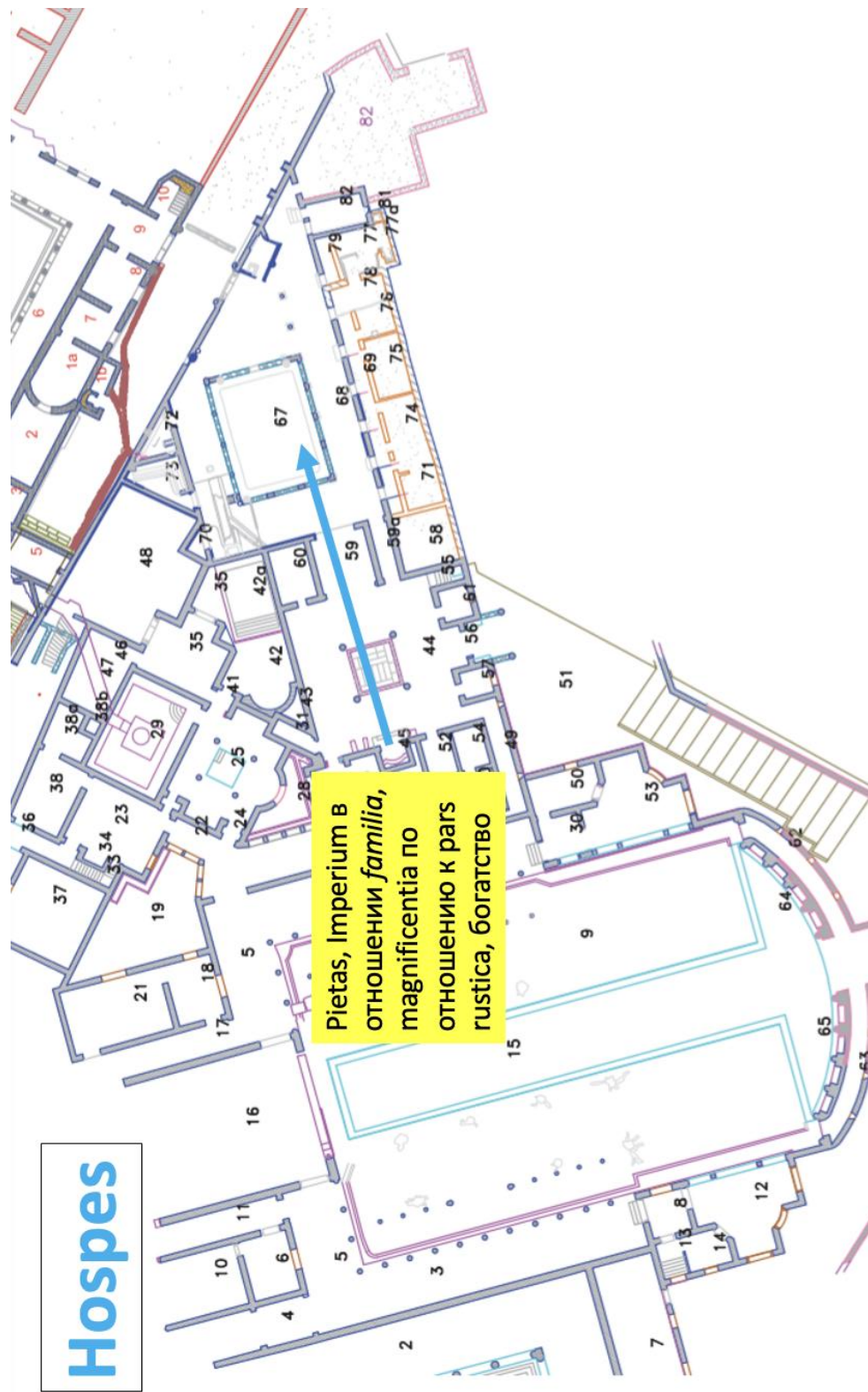

Рис. 2. Суттестии для hospes. План помещений виллы Сан Марко
Fig. 2. Suggestions for hospes. Floor plan of Villa San Marco

Теперь рассмотрим маршрут движения клиентов или союзников (*clientes, socii*). Он пролегает через помещения 59 (таблинум), 32 (коридор, объединяющий атриум и зону термального комплекса), а также 22, 24, 25, 29, 35 и др. помещения терм (рис. 3). Во время движения посетителей данной категории доступны визуальная ось 2: через помещение 28 (виридарий) и фригидарий термального комплекса (25), перспектива 3: в триклиний (19), а также 4 (вдоль короткой стороны перистилия). В качестве суггестии для этой категории посетителей (рис. 4) мы отмечаем *контроль в отношении природных сил*. Так, на примере 1 перспективы посетитель мог видеть, что в виридарии (зимнем саду) круглый год растут теплолюбивые растения. Это демонстрировало контроль хозяина над растительным миром и / или контроль над температурой среды. Через виридарий взгляд проникал дальше, во фригидарий, чья форма и угловое расположение по отношению к остальным постройкам виллы явно свидетельствовали о *жилом* происхождении. Дело в том, что ранее здесь была другая вилла, стоявшая под углом к помещениям 43, 59, 60 и др., примыкающим к атриуму 44. Хозяин виллы Сан Марко, по всей видимости, в какой-то момент докупил владения соседа и превратил жилую архитектуру в рекреационную. Но форма атриума с комплвием в крыше была сохранена, чтобы служить в новом качестве уже фригидарием (помещением с холодным воздухом и водой). Так апроприация помещений соседской виллы могла продолжать транслировать контроль нынешнего хозяина над архитектурой, а также богатство, позволяющее не только содержать термальный комплекс размером с целую виллу, но и заполнять образованные стенами промежутки зимними садами.

Наконец, перейдем к последнему маршруту (рис. 5), который был характерен для посетителей высшей степени доверительности (*amicus*). Этот маршрут пролегает через пространства 3, 5, 20 (перистиль), 8, 12, 30, 53 (элегантно оформленные в 4 стиле помпейской живописи комнаты для дневного отдыха – *dietae*), а также криптопортик 62–63. Также друзьям, безусловно, доступны комнаты для пиршеств, в частности парадный триклиний 16, выходящий одновременно и на море, и к длинному бассейну (5), упирающемуся в нимфей (65–64).

Что касается суггестий, то здесь мы видим развитие уже наблюдавшейся на предыдущей стадии темы контроля над природой (рис. 6). Здесь, однако, эта тема раскрывается в полную силу: всепоглощающая перспектива 5 выражает полный контроль как над речной водой (выраженной здесь в форме нимфея 64–65 и бассейна 5), так и над морской, великолепным видом на которую может похвастаться помещение 6 (парадный триклиний). Кроме того, тема контроля здесь выражена и в остальных частях маршрута – фрески на стенах перистилия с изображением тех же самых растений, что красовались в саду, приводили к амплификации визуального опыта и характерного для римской живописи 2 и 4 стилей «стереоэффекту», внушая тем самым идею контроля хозяина даже над визуальными ощущениями, не говоря уж о самой природе. Наконец, криптопортик, защищенный от внешних воздействий, шума, дождя, ветра и жары, позволял ощутить над собой *изолирующий* контроль хозяина²⁷.

Отдельно следует сказать о контексте пира, на который друзья, несомненно, допускались. Для тех, кто был приглашен в триклиний для пиршеств, актуализировался новый набор суггестий и перспектив.

В контексте пира хозяин мог демонстрировать свой престиж, контроль и статус множеством способов: дороговизной и разнообразием блюд, богатством столовой утвари, числом слуг, красотой фресок, пышностью цветов в декоре, коврами, канделябрами, мозаиками и т. п. [Weeber, 2003, p. 23–36]. В Тускуле у Лукулла был еще один интересный пример

²⁷ Марцано отмечает, что к I в. до н. э. *villae maritimae* стали метафорой контроля, осуществляемого человеком над природой и символом цивилизации в естественной среде [Marzano, 2007, p. 21]. Архитектура действительно может выражать собой власть человека или общества над пространством [Drerup, 1965]. Подробнее о мотиве контроля хозяев загородных вилл над силами природы см.: Stat. Silv. 2.2.

Рис. 3. Маршрут для *cliens*. Фото перистилия виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).

План помещений виллы Сан Марко

Fig. 3. The route for *cliens*. Photo of the peristyle of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).

Floor plan of Villa San Marco

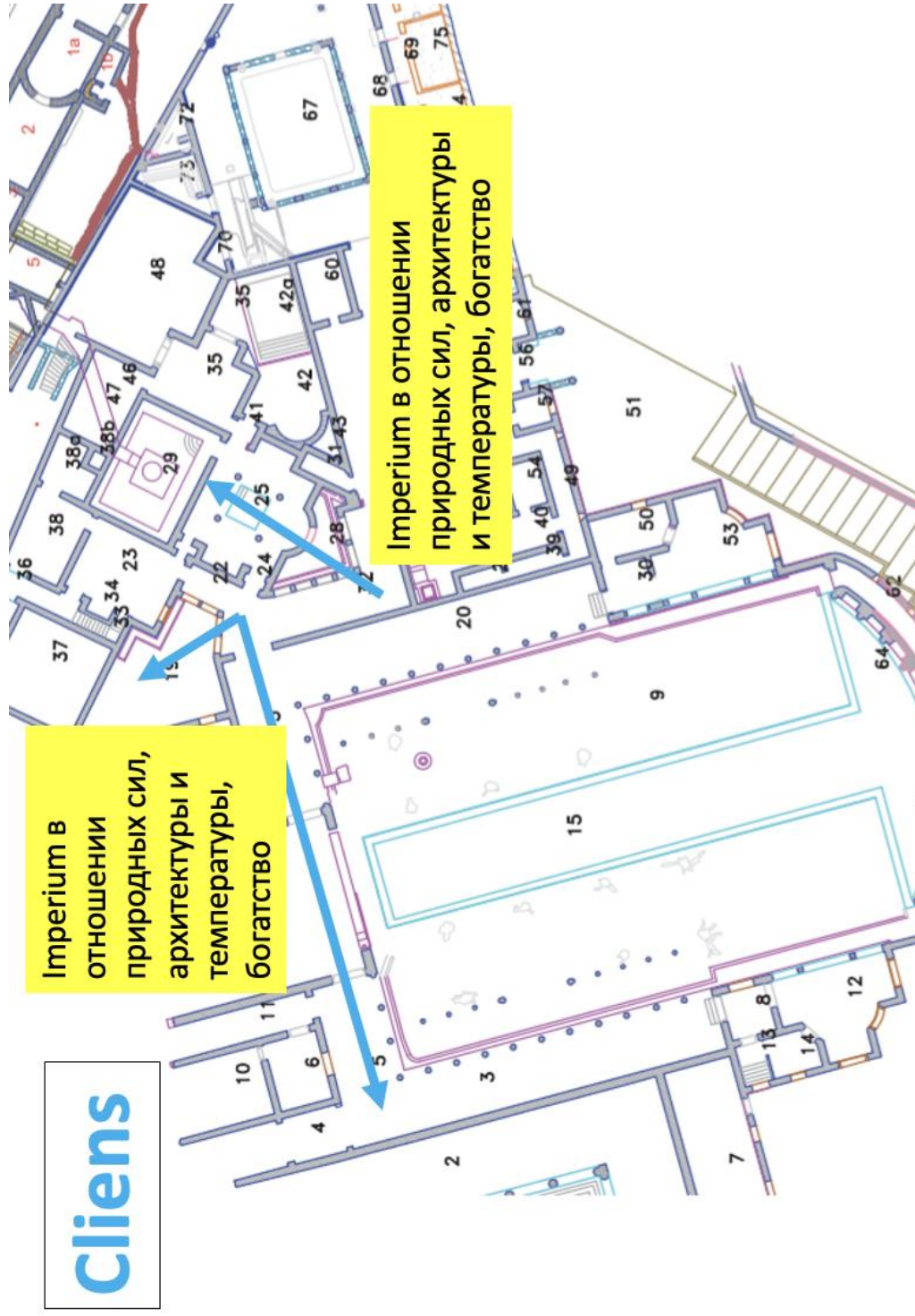

Рис. 4. Суггестии в отношении *clens*. План помещений виллы Сан Марко
 Fig. 4. Suggestions regarding *clens*. Floor plan of Villa San Marco

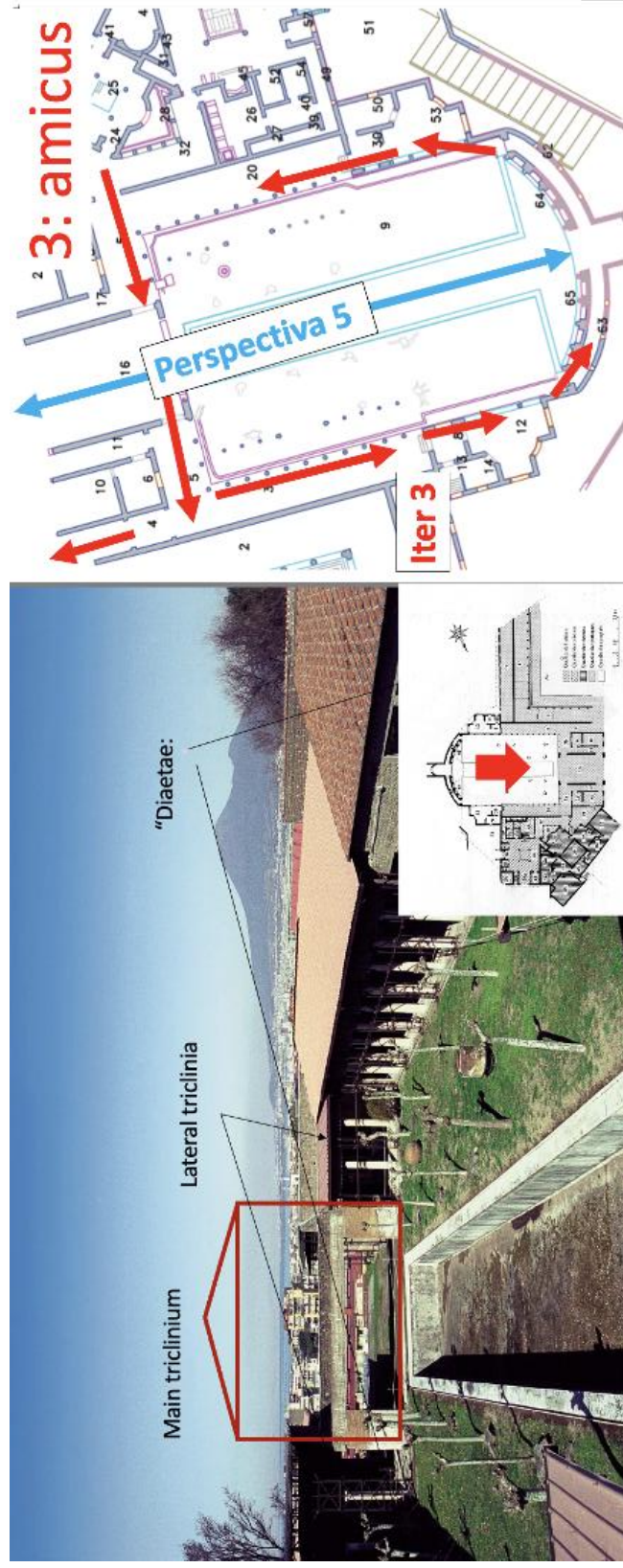

Рис. 5. Маршрут для *amicus*. Фото перистилия виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).
План помещений виллы Сан Марко

Fig. 5. The route for *amicus*. Photo of the peristyle of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).
Floor plan of Villa San Marco

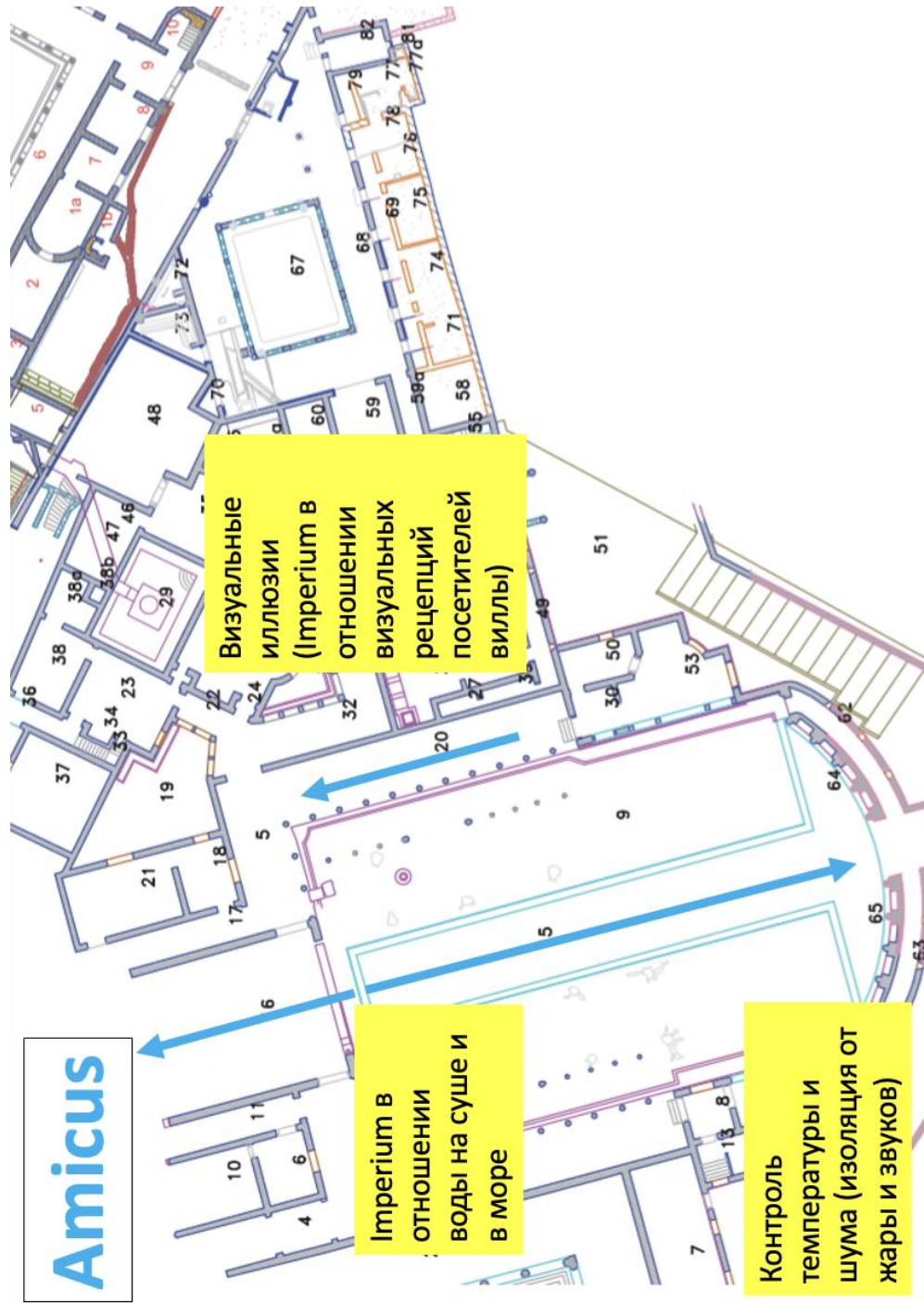

Рис. 6. Суттестии в отношении *amicus*. План помещений виллы Сан Марко
 Fig. 6. Suggestions regarding *amicus*. Floor plan of Villa San Marco

перспективы – во время банкетов, где подавали птицу, гости могли прямо из триклиния наблюдать за птицами в вольере. Пиршественный зал был встроен в вольер, поэтому можно было одновременно видеть приготовленную птицу (убитую по воле хозяина и лежащую на тарелке) и еще живую. Такая перспектива воплощала идею своеобразного контроля над миром животных (Varro. Rust. III, 4, 3) ²⁸.

Опираясь на тезисы, высказанные в монографии Хабенштайн, Лундгрин показал, до какой степени устарел образ Лукулла, предающегося только удовольствиям в садах и живущего вдали от политики. Через призму политической культуры Римской республики он убедительно показал роль обстановки, оформления, а также прочих атрибутов банкетов на его вилле (и других подобных виллах) в качестве формы политического общения и демонстрации социальных аспектов дистинкции в рамках римской знати [Lundgreen, 2019, p. 99–100].

В завершение представим кумулятивную схему визуальных осей, которые, сознательно или бессознательно, внедрялись на римские *villa maritimae* для оказания воздействия на посетителя (рис. 7). Слева представлена классическая визуальная ось римской городской усадьбы (*domus*) по Уоллесу-Хэдриллу. Справа – выявленные визуальные оси на загородных виллах.

1. «Перспектива социальной мобильности» (*Perspectiva mobilitatis socialis*, Pmob): вестибюль – атриум – таблинум – перистиль (триклиний).
2. «Перспектива зависти (претензии) к статусу» (*Perspectiva invidiae status*, Pinv) – боковые виды на недоступные помещения.
3. «Перспектива контроля» (*Perspectiva imperii*, Pimper) ²⁹: связывает помещения и окружающий ландшафт.

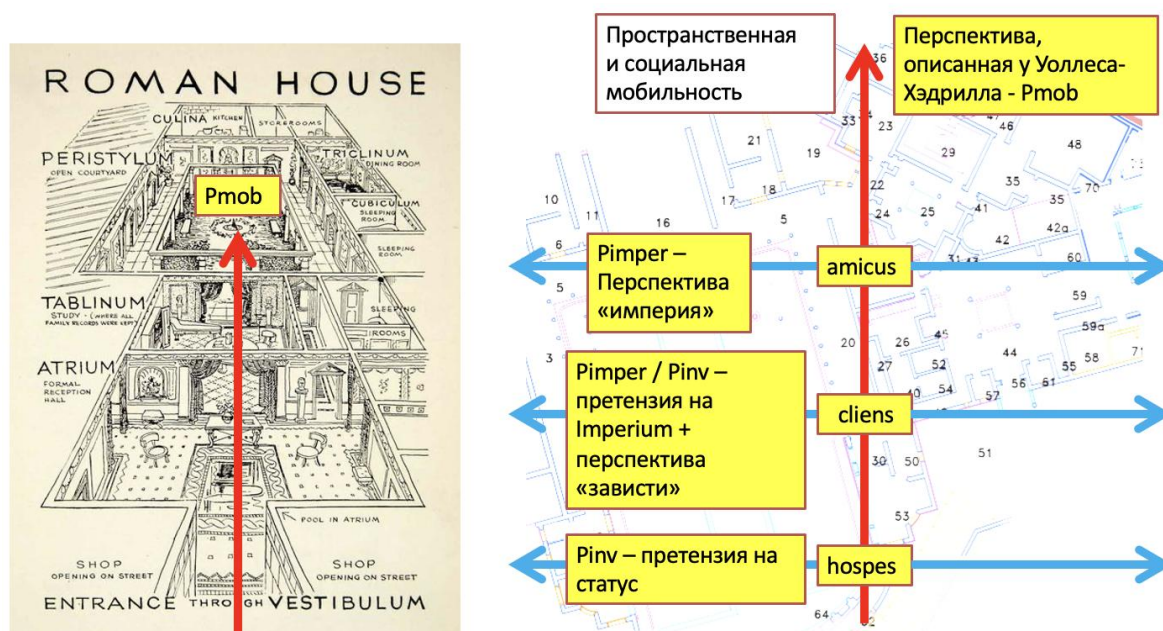

Рис. 7. Классификация типов визуальных осей на римских *villae maritimae*
Fig. 7. Classification of types of visual axes on Roman *villae maritimae*

²⁸ Ср.: [D'Arms, 1970, p. 19].

²⁹ Использование публично-правового понятия *imperium*, свойственного магистратам, в отношении природных сил и температуры, которые контролировались владельцем усадьбы в рамках ограниченного пространства как частным лицом, является в данной статье исключительно метафорическим средством и не содержит в себе юридического смысла.

Итак, на основе литературных источников и с опорой на результаты раскопок виллы Сан Марко в Везувианском регионе нами был сформулирован новый взгляд на типологию визуальных осей на *villae maritimae* в эпоху поздней Республики и раннего Принципата. В полемике с Уоллесом-Хэдриллом [Wallace-Hadrill, 1988; 1997; 2022] и его тезисом о фронтальной визуальной оси, объединяющей все основные помещения усадьбы и демонстрирующей перспективу социальной мобильности, было обосновано наличие боковых перспектив, которые могли вызывать иные смыслы и ассоциации у посетителей (суггестии). Всё многообразие осей группируется в систему из двух главных типов перспективы: *invidia (status)* – «претензия на статус», и *imperium (maris)* – «контроль над состояниями природы (в первую очередь над стихией воды)».

В дальнейшем предстоит взглянуть на археологическую реальность всех известных на данный момент приморских вилл, чтобы проверить валидность типологии визуальных перспектив и их вариативность на более широком материале. Таким образом, вывод, сформулированный с применением кейс-метода, в дальнейшем может быть верифицирован с опорой на репрезентативную выборку приморских вилл по всей Римской империи.

Список литературы

- Хоуи Т. Н.** Прогулки с властью: движение и виды на виллах римской элиты в Стабиях // Шаги / Steps. 2017. Т. 3, № 4. С. 234–250.
- Astin A. E., Frederiksen M. W., Ogilvie R. M.** The Cambridge Ancient History. Rome and the Mediterranean to 133 BC. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2008. 650 p.
- Castex J.** Architecture of Italy. Westport: Greenwood Press, 2008. 230 p.
- Clarke J. R.** The Houses of Roman Italy, 100 B.C. – A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration. Los Angeles: Uni. of California Press, 1991. 448 p.
- D’Arms J. H.** Romans on the Bay of Naples: A Social and Cultural Study of the Villas and Their Owners from 150 B.C. to A.D. 400. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1970. 296 p.
- D’Arms J. H.** Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: A Social and Economic Study // The Journal of Roman Studies. 1974. Vol. 64. P. 104–124.
- Drerup H.** Architektur als Symbol. Zur zeitgenössischen Bewertung der römischen Architektur // Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung. 1966. Bd. 73, Ht. 1/2. S. 181–196.
- Gardelli P.** Stabiae and the Beginning of European Archaeology: from Looting to Science // Actual Problems of Theory and History of Art. 2016. Vol. 7. P. 681–690.
- Habenstein A.** Abwesenheit von Rom: aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit. Heidelberg: Heidelberg Uni. Press, 2015. 361 p.
- Howe T.** The Social Status of the Villas of Stabiae // The Roman Villa in the Mediterranean Basin. Cambridge, 2018. P. 97–119.
- Klein M.** Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources. 1946–1963. London; Toronto: Tavistock Publ., 1957. 99 p.
- Kohn M.** Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York: Routledge, 2004. 244 p.
- Konstan D.** The Concept of “Emotion” from Plato to Cicero // Methexis. 2006. Vol. 19. P. 139–151.
- Lomas K.** The Weakest Link: Elite Social Networks in Republican Italy History and Archaeology of Classical Antiquity // Roselaar S. T. Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic. Leiden; Boston, 2012. P. 197–215.
- Lundgreen C.** Lucullus und die politische Kultur der römischen Republik. Konkurrenz und Distinktion zwischen Feldherren, Feinschmeckern und Fischteichbesitzern // Hölkeskamp K.-J., Beck H. Verlierer und Aussteiger in der “Konkurrenz unter Anwesenden”. Agonalität in der politischen Kultur des antiken Rom. Stuttgart, 2019. S. 81–126.

- Marzano A.** Roman Villas in Central Italy: a Social and Economic History. Leiden; Boston: Brill, 2007. 823 p.
- Marzano A., Métraux G. P. R.** The Roman Villa in the Mediterranean Basin: Late Republic to Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2018. 650 p.
- Mayer J. W.** Imus ad villam: Studien zur Villeggiatur im stadtrömischen Suburbium in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. 266 S.
- Platts H.** Multisensory Living in Ancient Rome: Power and Space in Roman Houses. New York: Bloomsbury Publ., 2019. 361 p.
- Sanders E.** Envy and Jealousy in Classical Athens: a Socio-Psychological Approach. Oxford: Oxford Uni. Press, 2014. 207 p.
- Smith J.** Roman Villas: A Study in Social Structure. London: Routledge, 1998. 378 p.
- Wallace-Hadrill A.** The Social Structure of the Roman House // Papers of the British School at Rome. 1988. Vol. 56. P. 43–97.
- Wallace-Hadrill A.** Rethinking the Roman Atrium House // Laurence R., Wallace-Hadrill A. Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond. Portsmouth, 1997. P. 219–240.
- Wallace-Hadrill A.** Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton: Princeton Uni. Press, 2022. 276 p.
- Weeber K.-W.** Die Schwelgerei, das süsse Gift: Luxus im alten Rom. Darmstadt: Primus, 2003. 184 S.

References

- Astin A. E., Frederiksen M. W., Ogilvie R. M.** The Cambridge Ancient History. Rome and the Mediterranean to 133 BC. 2nd ed. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2008, 650 p.
- Castex J.** Architecture of Italy. Westport, Greenwood Press, 2008, 230 p.
- Clarke J. R.** The Houses of Roman Italy, 100 B.C. – A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration. Los Angeles, Uni. of California Press, 1991, 448 p.
- D'Arms J. H.** Romans on the Bay of Naples: A Social and Cultural Study of the Villas and Their Owners from 150 B.C. to A.D. 400. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1970, 296 p.
- D'Arms J. H.** Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: A Social and Economic Study. *The Journal of Roman Studies*, 1974, vol. 64, pp. 104–124.
- Drerup H.** Architektur als Symbol. Zur zeitgenössischen Bewertung der römischen Architektur. *Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung*, 1966, Bd. 73, Ht. 1/2, S. 181–196.
- Gardelli P.** Stabiae and the Beginning of European Archaeology: from Looting to Science. *Actual Problems of Theory and History of Art*, 2016, vol. 7, pp. 681–690.
- Habenstein A.** Abwesenheit von Rom: aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit. Heidelberg, Heidelberg Uni. Press, 2015, 361 p.
- Howe T.** Progulki s vlast'yu: dvizhenie i vidy na villakh rimskoi elity v Stabiyakh [Strolling With Power: New Light on Controlling Movement and Viewing in the Elite Roman Villas of Stabiae]. *Shagi / Steps*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 234–250. (in Russ.)
- Howe T.** The Social Status of the Villas of Stabiae. In: *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*. Cambridge, 2018, pp. 97–119.
- Klein M.** Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources. 1946–1963. London, Toronto, Tavistock Publ., 1957, 99 p.
- Kohn M.** Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York, Routledge, 2004, 244 p.
- Konstan D.** The Concept of “Emotion” from Plato to Cicero. *Methexis*, 2006, vol. 19, pp. 139–151.
- Lomas K.** The Weakest Link: Elite Social Networks in Republican Italy History and Archaeology of Classical Antiquity. In: Roselaar S. T. Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic. Leiden, Boston, 2012, pp. 197–215.

- Lundgreen C.** Lucullus und die politische Kultur der römischen Republik. Konkurrenz und Distinktion zwischen Feldherren, Feinschmeckern und Fischteichbesitzern. In: Hölkeskamp K.-J., Beck H. Verlierer und Aussteiger in der "Konkurrenz unter Anwesenden". Agonalität in der politischen Kultur des antiken Rom. Stuttgart, 2019, S. 81–126.
- Marzano A.** Roman Villas in Central Italy: a Social and Economic History. Leiden, Boston, Brill, 2007, 823 p.
- Marzano A., Métraux G. P. R.** The Roman Villa in the Mediterranean Basin: Late Republic to Late Antiquity. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2018, 650 p.
- Mayer J. W.** Imus ad villam: Studien zur Villeggiatur im stadtrömischen Suburbium in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2005, 266 S.
- Platts H.** Multisensory Living in Ancient Rome: Power and Space in Roman Houses. New York, Bloomsbury Publ., 2019, 361 p.
- Sanders E.** Envy and Jealousy in Classical Athens: a Socio-Psychological Approach. Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, 207 p.
- Smith J.** Roman Villas: A Study in Social Structure. London, Routledge, 1998, 378 p.
- Wallace-Hadrill A.** The Social Structure of the Roman House. *Papers of the British School at Rome*, 1988, vol. 56, pp. 43–97.
- Wallace-Hadrill A.** Rethinking the Roman Atrium House. In: Laurence R., Wallace-Hadrill A. Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond. Portsmouth, 1997, pp. 219–240.
- Wallace-Hadrill A.** Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton, Princeton Uni. Press, 2022, 276 p.
- Weeber K.-W.** Die Schwelgerei, das süsse Gift: Luxus im alten Rom. Darmstadt, Primus, 2003, 184 S.

Список источников / List of Sources

- CIL – Henzen W., Huelsen C., Mommsen T. et al. (eds.). Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, George Reimer, 1863 – present.
- Stat. Silv. – Johnson A. C., Coleman-Norton P. R., Bourne F. C. Ancient Roman Statutes. Austin, Uni. of Texas Press, 1961. 290 p.
- Cato and Varro. On Agriculture. Trans. by W. D. Hooper and H. B. Ash. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1934, 576 p.
- Cicero. In Catilinam 1–4. Pro Murena. Pro Sulla. Pro Flacco. Trans. by C. Macdonald. Loeb Classical Library 324. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1976, 640 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. I. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 7. Cambridge, Harvard University Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. II. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 8. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. III. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 97. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. IV. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 491. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 464 p.
- Cicero. Letters to Quintus and Brutus. Letter Fragments. Letter to Octavian. Invectives. Handbook of Electioneering. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 462. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2002, 496 p.
- Fam. – Cicero. On Duties. Trans. by W. Miller. Harvard, 1913, 448 p.
- Cicero. Pro Quintio. Pro Roscio Amerino. Pro Roscio Comoedo. On the Agrarian Law. Trans. by J. H. Freese. Loeb Classical Library 240. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1930, 512 p.
- Petronius, Seneca. Satyricon. Apocolocyntosis. Ed. and trans. by G. Schmeling. Loeb Classical Library 15. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2020, 544 p.

Pliny the Younger. Letters, vol. II: Books 8–10. Panegyricus. Trans. by B. Radice. Loeb Classical Library 59. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1969, 586 p.

Информация об авторе

Вячеслав Григорьевич Тельминов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57219409593
WoS Researcher ID AAK-7341-2020

Information about the Author

Vyacheslav G. Telminov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57219409593
WoS Researcher ID AAK-7341-2020

*Статья поступила в редакцию 18.03.2024;
одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 28.05.2024
The article was submitted on 18.03.2024;
approved after reviewing on 23.04.2024; accepted for publication on 28.05.2024*

Научная статья

УДК 94(438).04

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Антиведовской дискурс в польской печати XVI века

Иван Михайлович Басов

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

vbim17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0908-045X>

Аннотация

Статья посвящена исследованию истории развития в книжной печати темы присутствия ведьм на территории Польского королевства и Великого княжества Литовского. Автор анализирует несколько способов апеллирования к теме ведовства в печати. Делается вывод, что тезис о «засилье ведьм» был сформирован в польской печатной полемической литературе XVI в. как составляющая представлений о «современном моральном упадке» и как риторическая модель для обозначения конфессиональных противников. В то же время печать XVII в. использовала этот тезис уже в отношении непосредственно подозреваемых в ведовстве, переформатировав представление о распространенности магических практик для новых целей.

Ключевые слова

полемическая литература, ведьмы, антиведовские памфлеты, печатная культура, старопечатные издания, Раннее Новое время, Польское королевство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая

Для цитирования

Басов И. М. Антиведовской дискурс в польской печати XVI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 29–39. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Anti-Witchcraft Discourse in the Polish Sixteenth-Century Printed Books

Ivan M. Basov

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

vbim17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0908-045X>

Abstract

The author examines the historical development of the theme of witches' presence within the Polish Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania in book printing. He analyzes various approaches to the theme of witchcraft in Polish literature, highlighting how the writer's perspective influenced their depictions. The author concludes that the "witches' prevalence" thesis emerged in the 16th-century Polish polemical literature as part of a broader narrative of "modern moral decline", functioning as a rhetorical model for designating confessional opponents. Thus, discussions of witchcraft primarily unfolded within the context of Catholic-Protestant disputes, serving as a vivid allusion among other tools of rhetorical persuasiveness. The features of witchcraft in the polemical tradition are inscribed in the collective image of the "Constitutive Other" as a heretic and a pagan and testify not to the intensification of the campaign against witches in printed materials but rather to the development of confessional disputes. In contrast, 17th-century printing utilized the concept of the "witches' prevalence" in relation to individuals literally suspected of witchcraft, coinciding

© Басов И. М., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 29–39
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 29–39

with an increase in witch trials. This transformation redefined the understanding of the prevalence of magical practices for new purposes.

Keywords

polemical literature, witches, witchcraft pamphlets, print culture, early printed books, Early Modern Age, Polish Kingdom, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth

For citation

Basov I. M. Anti-Witchcraft Discourse in the Polish Sixteenth-Century Printed Books. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 29–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Вышедшая в свет в 1967 г. книга выдающегося медиевиста профессора Я. Тазбира «Держава без костров. Очерки истории толерантности в Польше XVI–XVII вв.» стала программной для историографии. С тех пор любая работа, посвященная проявлениям нетерпимости в польской культуре Раннего Нового времени, в обязательном порядке снабжается ссылкой на тезис об «экстраординарной толерантности», опирающийся, в свою очередь, на традицию, представленную М. Бобжиньским, А. Брюкнером, И. Хжановским и другими классиками до-революционной и межвоенной историографии [Tazbir, 2009, s. 10–11]. При этом до сего момента попытки уточнить картину, окончательно сформированную Я. Тазбиром, ее не разрушили, поскольку неоспоримы большие различия в масштабах и характере гонений в Западной и Центральной Европе, с одной стороны, и в Польше, с другой стороны. С первого официального судебного преследования ведьмы (1436 г.) до середины XVI в. известно лишь о 65 проведенных в королевстве процессах [Adamczyk, 2007, p. 129], в то время как в остальной Европе за тот же период счет идет на сотни [Leeson, Russ, 2017, p. 2081]. Устойчивой остается в том числе та часть тезиса Я. Тазбира, которая касается объяснения феномена через свойственную шляхетской культуре толерантность, а исключений – через импорт идей и практик, становившийся всё более отчетливым с конца XVI в. [Tazbir, 2009, p. 178]. В этом месте теория толерантности рифмуется с тезисом, связывающим развитие книгопечатания в Польше с импортом соответствующих технологий и текстов из немецких земель [Mompenta..., 1922, p. 133]. Возникает резонный вопрос: как на протяжении XVI в. польская печать работала с темой ведовства?

Как ни странно, до сих пор не возникло работы, посвященной этой проблеме в отдельности. Первейшая причина этого в немногочисленности источников. П. Тафиловский в статье, посвященной даже не вопросу ведьм в польской печати XVI в., а – шире – вопросу магии, верно замечает, что по объему «печатный материал такого рода необычайно скромнен» [Tafiłowski, 2003, s. 27]. По этой же причине З. Осиньский в статье, посвященной сходной теме, значительный акцент делает на упоминания магических практик в печати XVII в., а не XVI в. [Osiński, 2003]. Вышедшая в 2023 г. монография С. Ковальчик [Kowalczyk, 2023] является на сегодняшний день наиболее полным исследованием образов ведовства в польской литературе XVI–XVII вв. Однако в данной работе печатному характеру памятников письма практически не отводится внимания. В то же время этот параметр является ключевым для анализа проблемы влияния текстов на социальную динамику: хотя аудиторию печатной книги в XVI в. еще сложно назвать подлинно «массовой», она принципиально иным образом влияет на исторический процесс [Febvre, Martin, 1976, p. 248–318; Eisenstein, 2005, p. 3–101]. Не случайно, опираясь на этот тезис теории «печатной революции», исследователи обнаруживают связь между публикациями знаменитого демонологического трактата «Malleus Maleficarum» и ростом преследований ведьм [Zika, 2009, p. 11–35]. Таковая связь может быть обнаружена и в Речи Посполитой, где «Молот ведьм» был опубликован в переводе на польский язык в 1614 г. [Wyporska, 2013, p. 122–126].

Сочинения, посвященные оккультным наукам, были не самым частым, но вполне законным предметом в репертуаре польских типографий. Наиболее массовым печатным источником на протяжении XVI в. оставались календари, зачастую сопровождаемые алхимическими советами, рецептами и астрологическими прогнозами [Tafiłowski, 2003, s. 26]. Гадательные практики вплоть до XVII в. оставались легитимными для астрологов при подготовке прогно-

стиконов [Krocak, 2006, s. 21–26]. Образчики этого жанра стабильно публиковались польскими печатниками, в том числе по договоренности с Краковским университетом, имевшим на службе астрологов [Juda, 1992, s. 114–121]. Ввиду того, что гадание по звездам существовало в области естественнонаучного знания, мы не наблюдаем до последней трети XVI в. польских печатных сочинений, посвященных критике таких практик. Антиведовская тема в целом отсутствует в польской печати до второй половины XVI в. И, напротив, те сочинения (не только трактаты, но и более доступные основной массе грамотного населения тексты), которые впоследствии могли быть опознаны как ведовские, свободно печатались типографами. В 1532 г. И. Ветор публикует гадательно-игровой трактат «Fortuna» С. Гонсерка (Станислава из Бохны). В 1534 г. публикуется трактат С. Фалимижа «O ziołach i o mocy ich», в котором кроме прочего рассказывается о приготовлении лекарственных снадобий, о сборе и обработке трав в соответствии со звездами, и о других вещах, которые при желании можно маркировать как чародейство. В том же жанре «гербария» (лат. *herbarium*) написаны сочинения И. Спичиньского, М. Сенника и Марцина из Ужендова. Тем не менее, авторам, с точки зрения тогдашних представлений занимавшимся естественнонаучными изысканиями, обвинения в ведовстве не предъявлялись. Сама по себе печать магических трактатов для первой половины XVI в. не являлась чем-то экстраординарным: к 1550 г. в Европе вышло 23 печатных издания одной только гадательной направленности [Kiliańczyk-Zięba, 2019, p. 122]. Но в прочих европейских землях печать таких сочинений сопровождалась активной контрпечатью, порицающей магию во всех ее проявлениях [Zika, 2009, p. 70–98], в то время как в Польском королевстве такой активности мы не наблюдаем.

Демонологические пассажи характерны для христианской полемической литературы. Так или иначе, обвинение в наущении Дьяволом можно обнаружить во всех антиреформатских латинских сочинениях, публиковавшихся в Польском королевстве в исследуемый период. Тем не менее, в польскоязычной печати образный ряд ведовства сначала наиболее явно проявляется не в католической, а в протестантской полемической литературе, что связано с разницей в риторических стратегиях католических и протестантских авторов. Примечательно, как в «Беседах дворянина с монахом» М. Кромера (1551–1554) реплики монаха, транслирующие мнение автора, сдержанностью и степенностью противопоставлены эмоциональной речи дворянина-лютеранина, одобренной разговорными выражениями и полемическими штампами: католический клир именуется им «слугами Антихриста» и обвиняется в поклонении истуканам (Rozmowy..., 1915, p. 4–5). Монах в ответ ссылками на Писание доказывает дворянину, что лютеране являются язычниками и следуют за лжепророком (Rozmowy..., 1915, p. 9–10). В этом диалоге наглядно видна линия аргументации сторон, которая приобрела такой вид еще в 1520-е гг. в конфессиональной полемике в Священной Римской империи, и которая изобилует взаимными обвинениями в связях с Дьяволом.

Однако лишь к середине XVI в. польская католическая печать в массе своей признает широкое распространение протестантов в королевстве. Станислав из Львова в «Апологии» пишет: «nie trzeba wiele wyliczać, iako wiele ludzi zacnych nauki pokatne przywiodku ku błędom niezliczonym <...> przechodzą w krolestwo ssatanowe» («Нет нужды много говорить о том, как много добрых людей учения ведут к бесчисленным ошибкам <...> и приводят в царство Сатаны») (Apologia, 1554, f. A ii). В то же время возникает протестантская полемическая печать, использующая образный ряд ведовства. В 1560 г. М. Кровицкий, бывший еще к тому моменту кальвинистским проповедником, издал в Пиньчове памфлет «Защита правдивого учения», в котором присутствует сравнение католической практики экзорцизма с магией: «ukaście thesz gdzie z oleiu Dijabły wyganiaли iako wy wyganiaćie y zaklinacie? Izali w tey mierze Czarnoksiążnikom podobni nie iestećie» («Покажите, где миром Дьявола изгоняли, как вы изгоняете и заклинаете? Разве в этой мере вы не становитесь подобны чернокнижникам?») (Obrona nauki, 1560, ff. 82 – 82v). С деятельностью язычников, ведьм и чернокнижников автор сравнивает католическую обрядовость: «Thamże iesztze drugie kreslanie tznicićie swięcą, po trzykroć nad oną wodą, iakoby iacy Pogani, Czarnoksiążnicy, albo iakie tzarownice» («Там же еще

второй раз осеняете свечой воду после троекратного знамения, как какие-нибудь язычники, чернокнижники или колдуньи какие») (*Obrona nauki*, 1560, f. 73). Также М. Кровицкий упрекает папу Григория VII в чернокнижии (*Obrona nauki*, 1560, f. 134, 136), очевидно воспроизводя нарратив, сформированный антикардиналом Боно в трактате XI в. «*Gesta Romanae ecclesiae contra Hildebrandum*». М. Бельский в «Хронике» называет чернокнижником (впрочем, без явной негативной коннотации) Сильвестра II (*Kronika*, 1564, f. 175v, 467), также воспроизводя нарратив XI–XII вв. о магических практиках папы римского.

Как и в Польше, в Великом княжестве Литовском антиведовская тема получает наиболее явное воплощение в первую очередь в протестантской полемике. Ш. Будный в 1563 г. называет католицизм и православие «народным идолопоклонством, при котором сегодня литвины верят в собственных богов и приносят им жертвы» [*Tazbir*, 1978, s. 164]. Также в Великом княжестве Литовском впервые на польском языке публикуется анонимное демонологическое сочинение «*Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu*» (Брест, 1570), посвященное планам Дьявола по захвату человеческих душ. Опубликованное К. Базыликом, это произведение являлось компилятивным трудом, составленным на основе целого ряда популярных текстов [Bugaj, 1986, s. 158; Ostling, 2008, p. 58]. Однако кроме этого сочинения на польском языке в XVI в. не появляется печатных демонологических трактатов, которые бы, наподобие «*Pseudomonarchia Daemonum*» И. Вейера (Базель, 1577), были посвящены раскрытию внутреннего устройства мира демонов. Также в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском в XVI в. не печатались краткие антиведовские брошюры, которые параллельно имели хождение в Германии, Франции и Англии [Zika, 2007, p. 179–209].

Политизация образов ведовства была продолжена Я. Кохановским. В 1587 г. публикуется его памфлет «*Wrózki*» («Гадания»), который за названием, отсылающим к магической практике, и за использованием подобной образности внутри текста скрывает рассуждение о современной польской политике и прогнозирование дальнейшего пути развития Речи Посполитой. Аллюзии на гадательные ритуалы используются автором для придания гражданско-политическим выводам произведения черт пророчества [Kotarski, 1980, s. 91–94]. Вероятно, сочинение Я. Кохановского вдохновило Я. Янушовского на написание одноименного памфлета, опубликованного в 1589 г. в его собственной типографии под псевдонимом Jan Rodworzecki. Как и предшественник, Я. Янушовский делает ряд политических выводов, однако присутствие «сверхъестественного» в его работе гораздо более заметно. Тема магии и внутриполитических проблем Польши крепко сплетаются в построениях автора. Так, о гадании он отзывается как о «сатанинской» практике, которая была свойственна язычникам до прихода христианства: «*A bywało to u Rzymian, u Greków, Atenienczyków, Macedończyków, u inszych, aż na ostatek u do krajów naszych były przyszły, gdzie trwały czas niemały, dotąd aż Pan Bóg zesłać raczył inszy sposób życia, inszą naukę, inszy wzór wiary, toż też dopiero ono szataństwo*» («Так было у римлян, греков, афинян, македонян и других, и даже, наконец, это пришло в наши края, где продолжалось довольно долгое время, пока Господь Бог не послал иной образ жизни, иное учение, иной образец веры, поскольку то, что было сперва – это сатанизм») (*Wrozkki*, 1589, f. 6). Давая подробную классификацию гадательных практик, Я. Янушовский заключает, что даже считающиеся многими легитимными математические и астрономические прогнозы являются греховными (*Wrozkki*, 1589, f. 10). Наконец, автор транслирует представление о массовом отпадении подданных Польского королевства от Церкви и утрате человеческих качеств путем парафраза сюжета с фонарем Диогена: «*Boże Boże co sye dzieie: gdzie ich szukać: gdzie ich pytać: Rzeczysz podobno: Azaś ich ślep: Bracie spytay iedno owego co śród białadnia między ludźmi chodząc, człowieka z świeczką szukał: wszak usłyszysz co powie: Bydła podobno więcej naydziesz niżeli ludzi*» («Боже, Боже, что делается, где их (праведных людей. – И. Б.) искать, где спрашивать? – говоришь ты подобным образом. Ты слеп к ним. Брат, спроси того, кто среди бела дня, меж людей ходя, искал человека; услышишь, что расскажет: “больше найдешь скоту подобных, чем людям”») (*Wrozkki*, 1589, f. 24). Уверенность Я. Янушовского в массовом падении нравов, равно как и тезис Ш. Будно-

го об укорененности языческих практик, соотносится с представлением о распространенности «народных предрассудков». Примечательно, что в опубликованной немногим ранее поэме «Роксолания» поэт С. Кленович использовал образ провинциальных знахарок («зельями и снадобьями Русь управляется, ведьмами земля русская полнится» (Roxolania, 1584, р. 33), высказавшись тем самым в рамках сложившегося значительно ранее представления польских авторов о сельской местности Литвы и Руси как о регионах обыденного использования магии [Kowalczyk, 2023, s. 135, 141–144]. Занимая позицию крайнего неприятия распространенных (по мнению автора) магических практик, Я. Янушовский при этом представляет колдунов как крайнюю форму отхождения от социальной нормы: «*naydziesz że takich mało, co by wiedzieli co cnota, co powinność krześcijańska, co Bóg, kościół, kapłan <...> Więc też nie dziw, że Pan Bóg dłużej cierpieć niechce: nie dziw że karać chce: nie dziw że grozić*» («мало таких найдешь, кто знал бы, что такое благодетель, христианский долг, Бог, Церковь, священник <...> Не удивляйся, что Господь Бог больше не хочет терпеть; не удивляйся, что хочет карать; не удивляйся, что предупреждает») (Wrozki, 1589, f. 25). При том, что «язычники» по мнению автора, противны Богу, они же представляют собой Его назидательное знамение (подобное солнечному затмению или появившейся на небе звезде), свидетельствующее о приближении Судного дня: «*у cuda na niebie bywają <...> dla tego, aby ludzie baczyli iż to są już ostateczne czasy: a potem aby znać dal iesli sye ludzie nie poprawią, tedy ie karać będzie*» («и чудеса на небе бывают <...> для того, чтобы люди видели, что пришли уже последние времена; (Бог) дал знать, что, если люди не изменятся, то он их будет карать») (Wrozki, 1589, f. 27–28). Таким образом, в построениях Я. Янушовского «язычники» представляются в качестве свидетельства упадка морали в Польском королевстве. При этом под определение «язычников» подпадают не только практикующие гадание; используемые этические критерии позволяют отнести к данной группе всех некаатоликов. Тем самым нарратив «Гаданий» Я. Янушовского, если прибегать к терминологии Э. Дюркгейма, значительно раздвигает рамки нечистого (*le sacré*) в представлении о профанном (*le profane*).

Схожий нравственно-политический тезис находим у П. Скарги, обвинявшем в своих проповедях обобщенную группу «еретиков» в упадке Речи Посполитой. При этом для него характерен мотив «греха, оставшегося без наказания»: «*Grzechy ktore się duchownym prawem hamowały teraz y forum nie mają. Grzechy się też roskwitnęły one, ktore się sądem duchownym karały: cudzołostwa, kaźirodztwa, lichwy, czary y inne, ktore wedle praw starych y świętych duchowny sąd karał, ktore teraz żadnego forum nie mają i przez wodze y karania zostając szerzą się, a pomsty samego Boga rychłey y srogiey czekaia. O iakie łzy nad taką niesprawiedliwością wylewać każdy pobożny może!*» («Грехи, которые церковным правом сдерживались, теперь и суду не подлежат. Грехи расцвели те, что раньше церковным судом карались: прелюбодеяние, кровосмешение, ростовщичество, чародейство и иные, которые согласно старым священным правам карал церковный суд; которые сейчас никак не осуждаются и, оставаясь без поводов и наказания, ширятся, ждут скорой и суровой мести самого Бога. О, что за слезы пролить может каждый благочестивый человек из-за такой несправедливости!») (Kazania na niedziele, 1595, f. 702–703). П. Скарга сетует на увеличение числа тяжких духовных преступлений, оставшихся без справедливого наказания со стороны закона. Перечисляемые грехи, включающие и ведовство, по мнению проповедника, существуют по политическому допущению и в ожидании Божьего гнева. Эсхатологическую угрозу транслирует и Я. Янушовский, замечающий безнаказанность ненавистных ему практик (Wrozki, 1589, f. 25).

Пессимизм и акцент на чертах упадка в современных автору реалиях в целом характерны для полемической литературы [Басов, 2019, с. 69–70]. Критика общества, доходящая до нравственно-политической эсхатологии, прослеживается в трудах многих авторов, писавших до Я. Янушовского и П. Скарги: патетику такого рода можно найти у А. Ф. Моджевского, С. Ожеховского, М. Рея. Особенно характерно это для жанра на стыке проповеди и памфлета, в котором писали М. Кромер, И. Поводовский, М. Чехович и многие другие полемисты, высказывавшиеся со страниц печатных изданий о конфессиональных проблемах в политиче-

ской плоскости. Однако тексты Я. Янушовского и П. Скарги отличает внимание к вопросу ведовства, его включение в пессимистическую картину политического пророчества.

Здесь также уместно подчеркнуть, что обращение двух указанных авторов к образам ведовства существовало в контексте конфессиональной полемики, в которой целью нападок являлись не практикующие знахарки, а прямые конфессиональные противники авторов – протестанты. В этом смысле язык Я. Янушовского и П. Скарги зеркален языку полемических сочинений М. Кровицкого и Ш. Будного 1560-х гг., в которых католики риторически уравнивались с чернокнижниками. При этом перечисленные воззвания, посвященные конфессиональным вопросам, отчетливо адресованы единоверческой шляхте. В особенности в тексте П. Скарги за апологетикой различим посыл политической мобилизации. Так, в обращении к послам сейма проповедник использует демонологическую образность, соединяя ее с актуальным для дворянского сословия вопросом «вольности», чтобы фреймировать шляхетские артикулы (и в первую очередь акт Варшавской конфедерации 1573 г.) как договор с Дьяволом: «Święta wolność iest, grzechem y czartu nie służyć <...> O niewolniku dyabelski czuy o niewoley swoiey a wychodź z mocy szatańskiej w ktorey szlachecka wolność pomocyć żadney nie da» («Святая вольность в том, чтобы грехам и черту не служить <...> О, дьявольский невольник, услышь о своей неволе, выйди из-под власти сатанинской, в которой никакая шляхетская вольность тебе никак помочь не может») (Kazania na niedziele, 1595, f. 692). Здесь уместно обратить внимание на то, что оба автора были яркими представителями «контрреформационной партии», а П. Скарга к тому же принадлежал к ордену иезуитов, последовательно боровшемуся с политикой конфессиональной «композиции» (лат. *compositio*), проводившейся светской властью Речи Посполитой [Załęski, 1900, s. 534]. Не случайно, что иезуиты и связанные с ними лица оказывались источником наиболее жесткого неприятия Реформации, доходившего до организации погромов протестантских приходов [Wilson, 2005, p. 63–68]. Так же остро для Общества Иисуса стоял вопрос печатной пропаганды, что мотивировало иезуитов и на активную организацию собственной печати, и на подрыв организации печати конфессионального противника: так, погром типографии А. Родецкого группой краковских студентов был вдохновлен воззваниями кардинала-иезуита С. Гозия [Kaweska-Gryczowa, 1974, s. 29].

Итак, мы продемонстрировали, что редкие антиведовские пассажи, присутствовавшие в польской печати XVI в., не были направлены на некую группу практикующих магию людей, а использовались в рамках политической и конфессиональной полемики. Тем не менее, полемическая активность совпадала с кратным увеличением в 1580–1590-е гг. числа судебных процессов по обвинению в ведовстве [Wyporska, 2013, p. 31]. Также на фоне этого польские издания текстов, связанных с натурфилософией, астрономией, герметизмом и алхимией, с последней трети XVI в. начали выходить с важными предваряющими текст различениями на знание «истинное» и «ложное». Так, комментарии А. Россели к Поймандру были опубликованы в Кракове в 1584 г. с предисловием автора, который мотивировал свой труд стремлением «опровергнуть заблуждения как философов, так и еретиков» (Pymander, 1584, f. iii). Сочинение пользовалось популярностью, судя по его переизданию Я. Янушовским в 1585, 1586, 1589 и 1590 гг. Магии посвящены два трактата С. Поклятецкого, опубликованные Я. Зибенайхером в 1594 и 1595 гг. Первый посвящен онейромантии; примечательно то, что в трактате автор стремился провести различие между «снами, посылаемыми Богом» и «снами, посылаемыми Дьяволом» (Snow Dobrych obronę, 1594, f. E iii–iv). Вторая книга С. Поклятецкого посвящена чернокнижию и также стремится отделить нечестивые практики от богоугодных, к последним в том числе относя «врожденное чернокнижие» («czarnoksięstwo przyrodzone»), употребляемое к проведению научных экспериментов и написанию трактатов: «Przyrodzone Czarnoksięstwo, iż iest Medickiey, Matematyckiey, y przyrodzoney madyrey nauki, czastką zacną a ślachtetną: dla tego iest, dobre, pocziwe, sławne, cwiczenia y wiadomości ludzkiey godne y potrzebne» («Врожденное чернокнижие является почетной и благородной частью медицинского, математического и врожденного мудрого знания; оно благо, чест-

но, славно, достойно и необходимо человеческим упражнениям и письму») (Pogrom, 1595, f. B ii). Магическая способность для автора не является грехом как таковая; греховой она становится при условии ее неблагочестивого применения: «Czarnoksiężstwo samo przyrodzone, złym bydź niemoże, dla złego używania, y wielu przysad bezecnych, zwłaszcza to, które z Czarciem żadnego spółku y porozumienia niema ani trzyma» («Врожденное чернокнижие, не употребляемое во зло и ко многим постыдным практикам, в особенности не имеющее никакой связи с Чертом, само по себе злом быть не может») (Pogrom, 1595, f. B ii). При этом любое чернокнижие, практикуемое вне лона Церкви, определяется как «действующее с дьявольской помощью» (Pogrom, 1595, f. G iii v). О самом авторе практически ничего неизвестно, однако о том, что он не принадлежал к алхимикам, можно судить на основании текста трактата, отрицающего возможность тетрасоматы. По подписи на экземпляре одной из принадлежавших ему книг, обнаруженных в библиотеке ловичского капитула, можно сделать вывод, что С. Поклятецкий был шляхтичем герба Помян, иезуитом, доктором теологии и права [Skiełczyński, 1990, s. 254]. По припискам «z pozwoleniem Starszych wydał» («издал с позволения старших») и «za pozwoleniem zwierzchności spisany» («составлено с высшего позволения») к заголовкам первой и второй книг соответственно можно судить, что сочинения были написаны и опубликованы по согласованию с руководством ордена иезуитов, и вписывались в политику Общества Иисуса, осуществляемую в тот момент в королевстве.

Вышеуказанный тезис о «засилье ведьм», разделяемый Ш. Будным, Я. Янушовским, С. Поклятецким и П. Скаргой, продолжил свое существование в печати XVII в. Так, о засилье ведьм в Польше пишут Ш. Старовольский в «Исправлении польских нравов» (Краков, 1625) и Я. К. Хаур в «Хранилище замечательных секретов» (Краков, 1693) [Kowalczyk, 2023, s. 229]. Познанский книгопечатник В. Регулюс, наиболее вероятно стоявший за публикацией анонимного антиведовского сочинения, в предисловии объясняет его актуальность «ведовским пожаром» в Польше: «Czasu wojny, o wojnie: czasu powietrza, o śmierci: czasu głodu, o chlebie: czasu pożarów, o ogniach ludzie radzi rozmawiają, A isz temi czasy nasza Wielkopolska nie zwyczajnie zagęściła się na kształt pożarów Czarownicami, lubo prawdziwemi, lubo mniemanemi» («Люди говорят о войне во время войны, о смерти во время эпидемий, о хлебе во время голода и об огне во время пожаров. А в нынешние времена наша Великая Польша, подобно пожарам, необычайно озабочена колдуньями – либо настоящими, либо мнимыми») (Czarownica Powołana, 1639, f. A i). После этого сочинения В. Регулюс также публикует знаменитый трактат Ф. Шпее «Cautio Criminalis» (Познань, 1647). С. Замбкович, переведший «Malleus Maleficarum», в предисловии к изданию трактата также говорит о «распространении ведьм», причем использует схожие с оборотами Я. Янушовского и П. Скарги формулировки об «отсутствии кары», «Божьем гнев» и вреде ведовства не для одной только души ведьмы, но для всей Польши: «Szerząc się abowiem to omylnie mniemanie w sercach ludzkich, sprawuie że urząd (ktoremu wszelkie zbrodnie karać należy) do karania czarowniczey bezbożności oziębłym się stawa, a ona dla niekarności, w zwyczaj złych ludzi wchodząc, co dzień większe a większe pomnożenie bierze, Zatym dwie szkodzie nieoszacowane na świat przypadaia. Piersza gniew Boga <...> Druga przypadki, które za sprawa szatańska <...> przypadaia» («Ошибочное мнение распространяется в сердцах людей, и я призываю власть (которой должны наказываться все преступления) наказывать колдовскую безбожность, которая из-за безнаказанности в обычай плохих людей входит и ежедневно больше и больше множится, чем два неопределимых ущерба миру наносятся. Первый – гнев Божий <...> Второй – происшествия, исходящие из сношений с Сатаной») (Młot na czarownice, 1614, f. 2r – 2v). При этом дискурс печатной полемики XVI в. здесь, а также в прочих польских антиведовских трактатах XVII в., существует уже не как риторический прием в контексте поляризованной конфессиональной дискуссии, а как буквальное высказывание в контексте борьбы с ведовством.

Таким образом, соглашаясь с тезисом Я. Тазбира, разводящего проблемы антиведовской полемики и фактического преследования ведьм [Tazbir, 1978, s. 151, 157–158], заметим, что печатная полемическая литература XVI в. участвовала в транслировании антиведовского

дискурса, который впоследствии, в XVII в., использовался в публикациях такого рода трактатов, которые работали уже практическим основанием для преследования подозреваемых в ведовстве. Данное заключение одновременно согласуется и с теми исследованиями, которые подчеркивают роль печати в ведовской моральной панике в Раннее Новое время [Zika, 2007; Walinski-Kehl, 2002], и с наработками историографии, находящими главным фактором преследования ведьм в Европе процессы Реформации и Контрреформации [Leeson, Russ, 2017].

Список литературы

- Басов И. М.** Репрезентация образа Речи Посполитой в «Библиотеке Польской» К. Ю. Туровского на примере памфлетов XVI–XVII вв. // История. Историки. Источники. 2019. № 2. С. 68–74.
- Adamczyk J.** Czary i magia w praktyce sądów kościelnych na ziemiach polskich w późnym średniowieczu (XV – połowa XVI wieku) // Karolińscy pokutnicy i polskie średniowieczne czarownice. Konfrontacja doktryny chrześcijańskiej z życiem społeczeństwa średniowiecznego. Warszawa, 2007. S. 91–264.
- Bugaj R.** Nauki tajemne w dawnej Polsce. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 332 s.
- Eisenstein E. L.** The Printing Revolution in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2005. 384 p.
- Febvre L., Martin H.-J.** The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800 / Trans. by D. Gerard. London: NLB, 1976. 378 p.
- Juda M.** Przywileje drukarskie w Polsce. Lublin: Agencja Wydawniczo-Handlowa AD, 1992. 164 s.
- Kawecka-Gryczowa A.** Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. 368 s.
- Kiliańczyk-Zięba J.** In Search of Lost Fortuna. Reconstructing the Publishing History of the Polish Book of Fortune-Telling // Lost Books: Reconstructing the Print World of Pre-Industrial Europe. Leiden, 2019. P. 120–143.
- Kotarski E.** Wróżki Jana Kochanowskiego // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1980. T. 25. S. 79–98.
- Kowalczyk S.** Wizerunek wiedzy w piśmiennictwie staropolskim XVI i XVII wieku. Kraków: Universitas, 2023. 275 s.
- Krocak J.** «Jeśli mię wieźdźba prawdziwa uwodzi...». Prognostyki i znaki cudowne w polskiej literaturze barokowej. Wrocław: Atut, 2006. 260 s.
- Leeson P. T., Russ J. W.** Witch Trials // The Economic Journal. 2017. No. 128. P. 2066–2105.
- Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum** / Red. J. Ptaśnik. Leopold: Sumptibus Instituti Ossoliniani, 1922. Vol. 1. 456 p.
- Osiński Z.** Zabobon, przesąd, diabły, czarownice i wilkołaki w pamiętnikach polskich z XVI i XVII wieku // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia. 2003. No. 58. S. 59–72.
- Ostling M.** Imagining Witchcraft in Early Modern Poland. Dr. of Philos. Sci. Diss. Toronto: Uni. Press, 2008. 676 p.
- Skieleczyński Z.** Superekslibrisy z Biblioteki Kapitulnej w Łowiczu // Studia Theologica Varsoviensia. 1990. No. 28/1. S. 243–259.
- Tafiłowski P.** Druki tyczące spraw tajemnych w Polsce XVI–XVII wieku // Z Badań Nad Polskimi Księgozbiorem Historycznymi. 2003. T. 21. S. 23–52.
- Tazbir J.** Procesy o czary // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Wrocław, 1978. T. 23. S. 151–177.
- Tazbir J.** Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII wieku. Warszawa: Iskry, 2009. 231 s.

- Walinski-Kiehl R.** Pamphlets, Propaganda and Witch-Hunting in Germany c. 1560 – c. 1630 // *Reformation*. 2002. № 6 (1). P. 49–74.
- Wilson K. A.** The Politics of Toleration: Dissenters in Great Poland (1587–1648). PhD Thesis. London: School of Slavonic and East European Studies, University College, 2005. 330 p.
- Wyporska W.** Witchcraft in Early Modern Poland, 1500–1800. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.
- Załęski S.** *Jezuici w Polsce*. Lwów: Drukarnia Ludowa, 1900. T. 1: Walka z różnowierstwem 1555–1608. 819 s.
- Zika C.** The Appearance of Witchcraft. Print and Visual Culture in Sixteenth-Seventeenth Century Europe. London, New York: Routledge, 2007. 296 p.

References

- Adamczyk J.** Czary i magia w praktyce sądów kościelnych na ziemiach polskich w późnym średniowieczu (XV – połowa XVI wieku) [Witchcraft and magic in the practice of ecclesiastical courts in the Polish lands in the late Middle Ages (15th – mid-16th century)]. In: Koczerska M. (ed.). *Karolińscy pokutnicy i polskie średniowieczne czarownice. Konfrontacja doktryny chrześcijańskiej z życiem społeczeństwa średniowiecznego* [Carolingian penitents and Polish medieval witches. Confrontation of Christian doctrine with the life of medieval society]. Warsaw, 2007, pp. 91–264. (in Pol.)
- Basov I. M.** Reprezentatsiya obraza Rechi Pospolitoi v “Biblioteke Pol’skoi” K. Yu. Turovskogo na primere pamfletov XVI–XVII vv. [The Representation of the Image of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the K. J. Turowski’s “Biblioteka Polska” on Example of the Pamphlets of 16th – 17th Centuries]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki* [History. Historians. Sources], 2019, no. 2, pp. 68–74. (in Russ.)
- Bugaj R.** *Nauki tajemne w dawnej Polsce* [Secret Sciences in ancient Poland]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, 332 p. (in Pol.)
- Eisenstein E. L.** *The Printing Revolution in Early Modern Europe*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2005, 384 p.
- Febvre L., Martin H.-J.** *The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800*. London, NLB, 1976, 378 p.
- Juda M.** *Przywileje drukarskie w Polsce* [Printing privileges in Poland]. Lublin, Agencja Wydawniczo-Handlowa AD, 1992, 164 p. (in Pol.)
- Kawecka-Gryczowa A.** *Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia* [Arian publishing houses of Rodecki and Sternacki: history and bibliography]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974, 368 p. (in Pol.)
- Kiliańczyk-Zięba J.** In Search of Lost Fortuna. Reconstructing the Publishing History of the Polish Book of Fortune-Telling. In: Bruni F., Pettegree A. (eds.). *Lost Books: Reconstructing the Print World of Pre-Industrial Europe*. Leiden, Brill, 2019, pp. 120–143.
- Kotarski E.** *Wróżki Jana Kochanowskiego* [The Fairies of Jan Kochanowski]. In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* [Renaissance and Reformation in Poland]. Wrocław, 1980, vol. 25, pp. 79–98. (in Pol.)
- Kowalczyk S.** Wizerunek wiedźmy w piśmiennictwie staropolskim XVI i XVII wieku [The image of a witch in old Polish literature of the 16th and 17th centuries]. Krakow, Universitas, 2023, 275 p. (in Pol.)
- Krocak J.** “Jeśli mię wieźdźba prawdziwa uwodzi...” Prognozy i znaki cudowne w polskiej literaturze barokowej [“If a real witch seduces me...” Prognostics and miraculous signs in Polish baroque literature]. Wrocław, Atut, 2006, 260 p. (in Pol.)
- Leeson P. T., Russ J. W.** Witch Trials. *The Economic Journal*, 2017, no. 128, pp. 2066–2105.
- Osiński Z.** Zabobon, przesąd, diaby, czarownice i wilkołaki w pamiętnikach polskich z XVI i XVII wieku [Superstition, superstition, Devils, witches and werewolves in Polish diaries from

- the 16th and 17th centuries]. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia* [Annales University named after Marie Curie-Skłodowska. Section F, History], 2003, no. 58, pp. 59–72. (in Pol.)
- Ostling M.** Imagining Witchcraft in Early Modern Poland. Dr. of Philos. Sci. Diss. Toronto, Uni. Press, 2008, 676 p.
- Ptaśnik J. (ed.). *Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum*. Leopoll, Sumptibus Instituti Ossoliniani, 1922, vol. 1, 456 p.
- Skieleczyński Z.** Superekslibrisy z Biblioteki Kapitulnej w Łowiczu [Superexhibitions from the Capitular Library in Łowicz]. *Studia Theologica Varsaviensia*, 1990, no. 28/1, pp. 243–259. (in Pol.)
- Tafiłowski P.** Druki dotyczące spraw tajemnych w Polsce XVI–XVII wieku [Prints relating to secret matters in Poland of the 16th – 17th centuries]. *Z Badań nad Polskimi Księgozbiorem Historycznymi* [The Research on Polish Historical Books], 2003, vol. 21, pp. 23–52. (in Pol.)
- Tazbir J.** Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII wieku [State without stacks. Sketches from the history of tolerance in Poland in the 16th and 17th centuries]. Warsaw, Iskry, 2009, 231 p. (in Pol.)
- Tazbir J.** Procesy o czary [Trials for witchcraft]. In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* [Renaissance and Reformation in Poland]. Wrocław, 1978, vol. 23, pp. 151–177. (in Pol.)
- Walinski-Kiehl R.** Pamphlets, Propaganda and Witch-Hunting in Germany c. 1560 – c. 1630. *Reformation*, 2002, no. 6 (1), pp. 49–74.
- Wilson K. A.** The Politics of Toleration: Dissenters in Great Poland (1587–1648). PhD Thesis. London, School of Slavonic and East European Studies, University College, 2005, 330 p.
- Wyporska W.** Witchcraft in Early Modern Poland, 1500–1800. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013, 245 p.
- Załęski S.** Jezuici w Polsce [Jesuits in Poland]. Lviv, Drukarnia Ludowa, 1900, vol. 1: Walka z różnowierstwem 1555–1608 [The struggle against diversity 1555–1608], 819 p. (in Pol.)
- Zika C.** The Appearance of Witchcraft. Print and Visual Culture in Sixteenth-Seventeenth Century Europe. London, New York, Routledge, 2007, 296 p.

Список источников / List of Sources

- Apologia tho iesth Obronienie wiary świętej Krzescianskiey Kosciola pospolitego przeciw naukam Karcerskim z pisma świętego zebrane przez Stanisława ze Lwowa. Kraków: u dziedz. Marka Szarffenbergera, 1554 // PAN Biblioteka Kórnicka. Sygn. Cim. O. 166.
- Czarownica powołana, abo krótka nauka y przestroga z strony czarownic zebrana z rozmaitych doktorów tak w prawie bożym iako y w świeckim biegłych dla ochrony y poratowania sumnienia. Poznań: Wojciech Regulus, 1639 // Biblioteka Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Syg. 2753. I.
- Kazania na niedziele i święta całego Roku x. Piotra Skargi. Kraków: Drukarnia Piotrkowczyka, 1595 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVI. F. 4642.
- Kronika tho iest historia świata na sześć wieków, a cztery monarchie, rozdzielona z rozmaitych historyków, tak w świętym piśmie krześcijańskim żydowskim, iako y pogańskim, wybierana y na polski język wypisana dosthatheczney niż pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych. [Kraków]: [Mateusz Sybieneicher], 1564 // PAN Biblioteka Kórnicka. Sygn. Cim. F. 4063.
- Młot Na Czarownice: Postępek Zwierzchowny w czarach, także sposob uchronienia sie ich y lekarstwo na nie w dwóch częściach zamykający. Kraków: w Drukarni Symona Kempiniego, 1614 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVII-1241.
- Obrona nauki prawdziwej i wiary starodawnej chrześcijańskiej. W Pińczowie: w drukarni Daniełowej, 1560 // Biblioteka Narodowa. Sygn. mf. B397.

- Pogrom Czarnoksiężskie błędy, Latawców zdrady y Alchimickie fałsze, iako rozprasza, za pozwoleniem zwierzchności spisany, od Stanisława z Gór Poklateckiego. Kraków: z Drukarnie Jakuba Siebeneychera, 1595 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Sygn. XVI. Qu. 2268.
- Pymander Mercvrii Trismegisti: Cum Commento Fratris Hannibalis Rosseli Calabri, Ordinis Minorvm Regvlaris obseruantiae, Theologiae & Philosophiae, ad S. Bernardinum Cracoviae Professoris. Cracoviae: In Officina Typographica Lazari, 1584 // München, Bayerische Staatsbibliothek. 2 A. gr. b. 613-3/4.
- Roxolania Sebastiani Sulmyrcensis Acerni. Cracoviae: typis Andreae Petricouij, 1584 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVI. Qu. 1695.
- Rozmowy dworzanina z mnichem (1551–1554) Marcina Kromera / Wyd. J. Łoś. Kraków, Akademia Umiejętności, 1915, 449 p.
- Snow Dobrych obronę a szkodliwych przestrożę z potrzebnymi naukami rodzaju ludzkiemu z pozwoleniem Starszych wydał Stanisław z Gor Poklatecki. Kraków: z Drukarnie Jakuba Siebeneychera, 1594 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Sygn. XVI. Qu. 2135.
- Wrozki Jana Podworzeckiego. Kraków: Drukarnia Łazarzowa, 1589 // Biblioteka Jagiełłońska. Syg. DIGSTDR000216.

Информация об авторе

Иван Михайлович Басов

WoS Researcher ID JWA-1915-2024

Information about the Author

Ivan M. Basov

WoS Researcher ID JWA-1915-2024

Статья поступила в редакцию 14.08.2024;

одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 18.10.2024

The article was submitted on 14.08.2024;

approved after reviewing on 23.09.2024; accepted for publication on 18.10.2024

Научная статья

УДК 94(44).033

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-40-52

Людовик XIV против Виктора Амадея Савойского. Военная кампания 1704 года в Савойе

Александр Васильевич Кутищев

Уральский государственный университет путей сообщения

Екатеринбург, Россия

akutishev@usurt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

Аннотация

Цель статьи – на примере отдельной кампании войны за испанское наследство (1701–1714) выявить особенности западноевропейского военного искусства начала XVIII в. Исследован до сих пор не отраженный в отечественной историографии эпизод западноевропейской истории эпохи династических войн и соперничества правящих монархических домов. В центре исследования – боевые действия в Савойе в 1704 г. и их отражение в военной переписке Людовика XIV, военного министра Шамийера с французским командованием в Пьемонте и Савойе. В статье представлены такие черты западноевропейского военного искусства, как «кабинетный» механизм управления войсками, ограниченность оперативных целей, позиционный характер стратегии, отказ от решительных форм в пользу пассивного методизма, приверженность к осадной войне, возрастание роли инженерного обеспечения и логистики.

Ключевые слова

война за испанское наследство 1701–1714 гг., Савойя, Людовик XIV, Виктор Амадей Савойский, маршал Вандом, генерал Ла Фейяд

Для цитирования

Кутищев А. В. Людовик XIV против Виктора Амадея Савойского. Военная кампания 1704 года в Савойе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 40–52. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-40-52

Louis XIV versus Victor Amadeus of Savoy. Military Campaign of 1704 in Savoy

Aleksandr V. Kutishchev

Ural State University of Railway Transport

Yekaterinburg, Russian Federation

akutishev@usurt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

Abstract

This article aims to explore a specific campaign from the War of the Spanish Succession (1701–1714) to identify the defining characteristics of early 18th-century Western European military strategy. This study offers a valuable contribution to the comparative analysis of military affairs, which forms an essential part of the civilizational and cultural context of both Russia and Western Europe during this period. It focuses on the fighting in Savoy in 1704 and its reflection in the military correspondence of Louis XIV, his minister of war Chamillard and the French command in Piedmont and Savoy. The article delves into an episode of Western European history marked by dynastic conflicts and rivalries among reigning houses – an area that remains largely unexplored in Russian historiography. Several hallmark features of Western European military strategy are presented, including the decision-making process associated with “desktop” command and control, the establishment of limited operational objectives, a positional approach to strategy, and a tendency toward passive, methodical actions rather than decisiveness. The study also highlights a commitment to siege warfare and maneuver tactics, alongside the growing significance of engineering support and logistics. Furthermore, this military campaign was distinguished by the active participation of the local populace, the rise of parti-

© Кутищев А. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 40–52

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 40–52

san movements, the extensive use of diversion tactics, and the efforts of independent groups operating in isolation from the main forces.

Keywords

War of the Spanish Succession 1701–1714, Savoy, Louis XIV, Victor Amadeus of Savoy, marshal Vendome, general De la Feuillade

For citation

Kutishchev A. V. Louis XIV versus Victor Amadeus of Savoy. Military Campaign of 1704 in Savoy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 40–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-40-52

Актуальность исследования обусловлена очередной военной эскалацией, угрожающей человечеству реальными перспективами третьей мировой войны. Современный кризис цивилизаций не только активизировал утилитарные военные-политические практики, но и пробудил интерес научного сообщества к глубинным культурно-историческим смыслам войн. В этой связи особый интерес представляют компаративные аспекты военной истории и культурно-исторический анализ военного искусства, как неотъемлемой части западноевропейской и русской цивилизаций. Настоящая работа продолжает серию статей, посвященных войне за испанское наследство (1701–1714), крупнейшему военно-политическому конфликту с участием ведущих западноевропейских держав, проходившему одновременно с Великой Северной войной (1700–1721) [Кутищев, 2022; 2023; 2024]. Только одно это совпадение вызывает естественное желание провести параллели между этими крупнейшими войнами начала XVIII в., проанализировать и сравнить военную культуру России и передовых европейских держав эпохи позднего феодализма. При этом военное дело рассматривается как специфическое проявление цивилизационной ойкумены, в котором Запад и Восток обречены на историческое сосуществование и соперничество. Узкий военно-профессиональный срез – лишь предтеча историософского анализа смыслов и сущностей. Исследование войны за испанское наследство (1701–1714) позволяет посредством военной специфики проникнуть в европейскую культуру накануне Нового времени с ее ценностно-нравственными, властно-политическими и сословно-общественными императивами. Способствовать глубокому пониманию сущностных истоков культурных противоречий, содействовать попыткам формирования механизма их предупреждения и разрешения – такова, по большому счету, задача настоящего исследования.

Историография войны за испанское наследство (1701–1714), особенно в англоязычном мире, представлена весьма широко и разносторонне [Linn, 1999; Falkner, 2015; The War of the Spanish Succession, 2018]. Немало публикаций по данной теме издано в последнее время и на русском языке. Спектр внимания чрезвычайно широк: от общего военно-политического анализа [Ивонина, 2009] до участия в войне отдельных стран [Великанов, 2005]. Внимание исследователей привлекают деятельность видных военачальников [Ивонин, 2006; Ивонина, 2012; 2019; Кутищев, 2012], заметные военные, а также военно-морские события [Ивонина, 2010; Махов, Созаев, 2010; Беспалов, 2012; Морозов, 2021]. Разнообразный и весьма интересный материал представляют современные интернет-издания [Ouru, 2011]¹. Вместе с тем эта общеевропейская война до сих пор не нашла систематизированного военно-профессионального отражения. Последние посвященные ей военно-исторические исследования вышли в свет во второй половине XIX – начале XX в. и только выборочно освещали отдельные, наиболее значительные боевые эпизоды [Голицын, 1875; Пузыревский, 1889; Михневич, 1896; Свечин, 1929].

В настоящей статье, как и в предыдущих, исследующих войну за испанское наследство, представлен анализ конкретной военной операции с освещением таких вопросов военного

¹ Austriae est imperatura orbi universe: Испанское наследство. URL: <https://hofkriegsrat.blogspot.com/2016/11/13081704.html> (дата обращения 25.01.2024); Collection story of The War of the Spanish Succession (1701–14). URL: <https://militarymaps.rct.uk/war-of-the-spanish-succession-1701-14/friedberg-and-augsburg-1704-plan-du-terrein/occupe-par-larmee-des-allies-a/friedberg-walfrehausen/du> (дата обращения 20.04.2024).

искусства, как определение цели кампании, формирование замысла, тактика родов войск, виды боевых действий, всестороннее обеспечение военной кампании. Работа подготовлена на основе переписки Людовика XIV с командованием французских войск в Северной Италии, а также военной документации, касающейся кампании 1704 г. в Савойе и Пьемонте. В статье использован обширный эпистолярный, мемуарный и военно-документальный материал, содержащийся в 4-м томе «Воспоминаний о войне за испанское наследство», составленном французскими военными историками Ж. Пеле и Ф. Во. Сведения о савойских и имперских войсках почерпнуты из 6-го тома «Походов принца Евгения Савойского», сборника военно-исторических документов, подготовленного при австрийском генеральном штабе в конце XIX в. Чрезвычайно любопытны воспоминания маркиза Де Сюрша, весьма информированного придворного Людовика XIV. В VIII–IX томах его мемуаров представлены интересные подробности боевых действий через призму слухов версальского двора, официальных донесений с фронта, рассказов прибывших с военных театров курьеров и офицеров. При подготовке статьи также использовались такие картографические источники, как Атлас к истории войны за испанское наследство 1701–1714 гг., созданный Ж. Пеле, и описания герцогства Миланского и владений герцога Савойского, подготовленного картографом Николаом Фером. Представленный в статье материал, безусловно, обогатит отечественную историографию эпохи и послужит фактологической базой для компаративных исследований российско-европейской военной истории начала XVIII в.

Северная Италия после смерти Карла II Габсбурга, испанского короля, рассматривалась как весьма лакомый кусок его наследства, на который претендовали и французские Бурбоны и австрийские Габсбурги, и поэтому являлась ареной ожесточенной борьбы во время войны за испанское наследство (1701–1714). В 1701–1703 гг. военный успех медленно, но неотвратимо склонялся на сторону Бурбонов, но осенью 1703 г. их расчетливый честолюбивый союзник герцог Виктор Амадей Савойский внезапно переметнулся в стан противника. Этот политический кульбит значительно осложнил положение франко-испанского альянса, и практически свел на нет усилия почти двухлетней борьбы в Италии. И наоборот, терпящая неудачи на всех фронтах Австрия вдруг получила неожиданную, хотя и незначительную, помощь. Теснимые метр за метром превосходящим противником австрийцы наконец получили так необходимую им передышку.

Коварство зятя Людовик XIV воспринял как личное оскорбление и жаждал немедленной расправы над изменником². Силы Бурбонов в Пьемонте и Савойе значительно превосходили противника, и, казалось, судьба неверного герцога предрешена (см. таблицу).

Но призвать его к ответу оказалось не так-то просто. Владения герцога Савойского были достаточно обширными. Богатый Пьемонт, с его плодородными землями и полноводными реками, был защищен мощными современными крепостями, сильнейшей из которых был Турин, столица герцогства. Средиземноморские территории герцогства, Ницца и Виллефранш, являлись морскими воротами страны, через которые Виктор Амадей рассчитывал на англо-голландскую помощь. Более того, в начале 1704 г. в Пьемонт на помощь герцогу прорвался 10-тысячный имперский корпус графа Штеремберга (Feldzuge, 1878, S. 246–264). Завоевание самой Савойи, в основном высокогорной страны, населенной вальденсами, адептами одного из протестантских учений, представляло собой непростую задачу. Виктор Амадей, совсем недавно беспощадно расправлявшийся с протестантами, теперь вынужден был обратиться к ним за помощью: «Вы должны, не теряя времени, сформировать свои роты... и принять всех французских изгнанников, желающих перебраться в ваши долины, вы должны принять их в ваши общины для совместных действий против общих угнетателей» [Jalla, 1935, p. 3]. И вальденсы, непримиримые враги «короля-солнца», забыли о недавних гонениях и дружно откликнулись на эти призывы [Storrs, 1999, p. 31–32].

² Виктор Амадей был женат на племяннице Людовика XIV Анне Марии Орлеанской.

Соотношение сил противников в Пьемонте и Савойе в начале кампании 1704 г. *

The balance of forces of the opponents in Piedmont and Savoy
at the beginning of the campaign of 1704

№ п\п	Противники	Командующий	Пехота	Кавалерия	Полевая артиллерия
1	Франко-испанская армия	Вандом	21 000 (54 бтн.)	7 000 (73 эск.)	36
		Испанцы	2 500 (6 бтн.)	1 500 (15 эск.)	
		Ла Фейяд	9 000 (25 бтн.)	1 500 (3 драг. п.)	26
2	Армия Виктора Амадея Савойского	Виктор-Амадей Савойский и Штеремберг	23 087	3 460	20

* Сост. по: (Pelet, 1838, p. 77, 120–121; Feldzuge, 1878, S. 217–218); [Storrs, 1999, p. 26].

Зимой 1703–1704 гг. между Людовиком XIV и командованием велись напряженные консультации относительно будущей кампании. Было ясно, что главные усилия франко-испанских сил будут перенацелены с Ломбардии на Пьемонт и Савойю. Но далее мнения расходились. Сам король колебался между целесообразностью оккупации Савойи и Ниццы. В какой-то момент слухи об англо-голландском десанте повлияли на выбор в пользу Ниццы, и по приказу короля уже стянутые к границам Савойи войска повернули к морскому побережью. Королю сдержанно возражал маршал Вандом, выступавший за сосредоточение всех сил на одном направлении. Он настаивал на объединении французских войск, оперирующих в Савойе и Пьемонте, и концентрированном наступлении на Турин. Маршал Тессе, главнокомандующий французским контингентом в Савойе, дипломатично хранил молчание. Осенью 1703 г. он сумел занять районы Савойи, прилегающие к французским границам, и оттеснить малочисленные отряды противника на юг. Но он понимал, что сопротивление французам будет только нарастать. Ему уже пришлось столкнуться с враждебно настроенным местным населением. К тому же усиливался приток пополнений к Виктору Амадею из Швейцарии. Своей тревогой он дипломатично делился с военным министром Шамийяром. В письме от 23 октября 1703 г. он писал: «Я рассказываю вам все это для того, чтобы донести до короля истинную обстановку, что нам необходимо предпринять и что мы в состоянии сделать, а что нас ожидает – одному Богу известно. И прежде чем действовать наступательно, в первую очередь следует принять меры предосторожности» (Pelet, 1838, p. 81). Его весьма беспокоило, что за счет его группировки король внезапно задумал открыть новый фронт. Но, будучи опытным придворным, он предпочел не спорить с королем, а занять осторожную выжидательную позицию.

Возглавивший поход на Ниццу молодой, но подающий надежды из-за знатного происхождения генерал Ла Фейяд с готовностью принялся за дело. Его письма тестю, военному министру Шамийяру, проникнуты молодой энергией и пафосной преданностью Людовику XIV: «Недостойно для славы короля при нашем превосходстве... отказаться от замысла столь грандиозного и столь же полезного, как завоевание Ниццы, который отнимет у герцога Савойского всякую надежду на какую-либо помощь морем» (Pelet, 1838, p. 103).

И всё же под напором Вандома Людовик XIV всё больше и больше колебался. В своих сомнениях он обращался к более рассудительному Тессе. Король прямо спрашивал опытного маршала: «Если вы предпочитаете Сузу (главная крепость в горной Савойе. – А. К.), я отменю все отданные герцогу Ла Фейяду приказы и полностью подчиню его Вам... Если же вы считаете, что мы должны склониться к проекту “Ницца”, то герцог Ла Фейяд продолжит дей-

ствовать... а герцог Вандомский полностью выполнит мои предписания» (Pelet, 1838, p. 104). Тессе же, осознавая предстоящие трудности войны в горных лесистых долинах Савойи, тянул с решением. В отличие от него, сомневавшегося в успехе и опасавшегося за свою репутацию, Вандом «вовсе не боялся рискованных решений, он, наоборот, рвался в бой» (Pelet, 1838, p. 105).

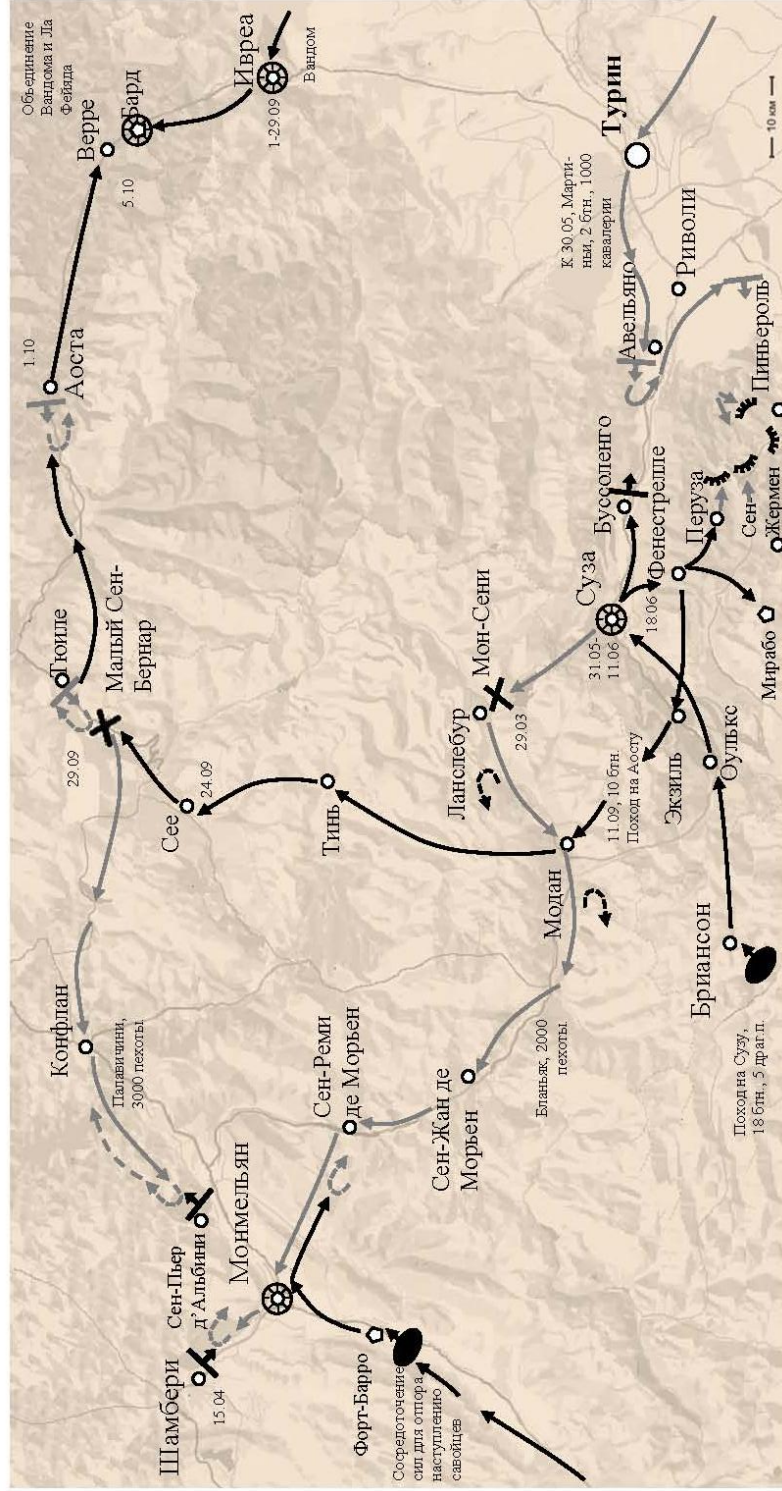
Неопределенность разрешилась сама собой. Узнав об отводе сил французов из верхней Савойи, противник первым нанес удар. Савойцы действовали дерзко и решительно. По приказу герцога генерал Бланьяк собрал под Сузой около 2 тыс. чел. и 28 марта «...атаковал недавно набранный полк Марсили в Шамоне, деревне около Сузы. Французы отразили все атаки, убив сто человек, но, видя, что силы противника прибывают, ушли в горы, оторвавшись от преследования. Торжествующие враги разграбили деревню Шомон» (Sourches, 1888, vol. VIII, p. 331).

29 марта горными тропами Бланьяк преодолел перевал Мон-Сени и атаковал Ланслебург. Французский гарнизон, «три роты драгун полка Версея, упорно оборонялись, хотя враги, заняв соседние высоты, видели их как на ладони. После того как савойцы, перейдя по доскам горную реку, вышли им в тыл, драгуны отступили на Монмельян» (Sourches, 1888, vol. VIII, p. 332). К 30 марта Бланьяк полностью очистил от французов долину Морьен и двинулся к Сен-Жан де Морьен. Одновременно из долины Аоста через малый Сен-Бернар наступал генерал Палавиччини с 3 тыс. войска. Он выбил французов из Сее и быстро продвигался на Конфлан (см. рисунок). 11 апреля два пьемонтских корпуса соединились у Монмельяна. Объединенные силы теперь насчитывали семь батальонов пехоты, 600 кавалеристов и два полевых отряда. 15 апреля они подошли к Шамбери и потребовали сдачи этого крупнейшего города верхней Савойи (Feldzuge, 1879, S. 214).

Версаль был встревожен таким поворотом событий. Завоевание графства Ницца было отложено на неопределенный срок. Ла Фейяду, который в это время в Тулоне готовился к осаде Ниццы (Sourches, 1888, vol. VIII, p. 329), было срочно приказано свернуть операцию и возвращаться в Савойю. К этому времени давно болевший Тессе попросил у короля отставку. При дворе ходили тревожные слухи, «что маршал де Тессе был в очень плохом состоянии, и в своих письмах к друзьям он признавался, что у него нет аппетита, что он страдает бессонницей, чувствует упадок сил и недомогает» (Sourches, 1888, vol. VIII, p. 331). Король удовлетворил его просьбу, и командующим войсками в Савойе был назначен генерал-лейтенант Ла Фейяд.

Так спонтанно сложился замысел покорения Савойского герцогства. Задача овладения Туринном была признана преждевременной. Маршал Вандом должен был оккупировать равнинный Пьемонт, овладев его крепостями, а Ла Фейяд – взять под контроль речные долины Итальянских Альп и овладеть ключевыми твердынями горной Савойи. Главными целями были выбраны Суза, крепость на склонах Альп, и долина Аоста, через которую осуществлялись поставки военных грузов и пополнений для савойцев [Pelet, 1836, p. 77, 124]. Заняв долину и тем самым окончательно отрезав Турин от владений Габсбургов, Ла Фейяд должен был объединиться с Вандомом и действовать в его интересах. Оперативно он находился в его подчинении. Только после этого Людовик XIV мог сосредоточиться на Турине, взятие которого должно было утолить его жажду мести и заставить герцога Савойского униженно просить мира.

Прибыв в Гренобль в первых числах апреля, Ла Фейяд приступил к организации отпора савойцам. Было ясно, что надолго их наступательного порыва не хватит. Их силы, в основном состоящие из мобилизованного ополчения, были ограничены. Нужно было как-то продержаться до подхода войск из Прованса и Дофине. Маневрируя оставшимися немногочисленными силами, Ла Фейяд прикрывал долины и отражал атаки савойцев на укрепленные пункты. При этом широко использовалось ополчение из лояльно настроенных местных жителей. По мере прибытия свежих батальонов перевес стал постепенно склоняться на сторону французов.

- — Маневрирование, действия и позиции французских войск
- — Маневрирование, действия и позиции войск Виктора Амадея Савойского
- ☼ — Осада крепостей
- ☼ — Укрепленные позиции

Военная кампания в Савойе 1704 г.
 (сост. по: [Fer, 1705; Pelet, 1836, p. 124], (Pelet, 1838, p. 77–186))
 Military campaign of 1704 in Savoy
 (comp. after: [Fer, 1705; Pelet, 1836, p. 124], (Pelet, 1838, p. 77–186))

Под их натиском савойцы сдавали захваченные позиции, откатываясь от селения к селению, оставляя долины Тарантез и Морьен. Образованные в горных массивах Южных Альп реками Изер и Арк, эти долины стали главными районами боевых действий [Fer, 1705; Pelet, 1836, p. 124]. Бои шли с применением небольших партий пехоты или спешенных драгун и носили партизанский характер. Часто практиковались засады на путях сообщений, внезапные атаки, обходы, охваты с флангов и тыла. С обеих сторон активно участвовало местное население. Виктора Амадея горячо поддерживали вальденсы. Населявшие в основном южные долины, они набрали 34 полноценные роты, более 1 500 вооруженных бойцов [Jalla, 1935, p. 3]. Повстанцы оказывали яростное сопротивление войскам Ла Фейяда, упорно обороняли горные перевалы и узкие дефиле, нападали на обозы и тылы французских войск. Тем не менее, к концу апреля Ла Фейяд всё же смог вытеснить противника и занять все утраченные ранее территории. В руках савойцев оставался лишь Монмельян, который был блокирован со всех сторон. Противник частично рассеялся в горах, частично перевалил через малый Сен-Бернар и ушел в долину Аоста. Часть савойцев засела в Сузе.

Эта крепость, расположенная в предгорьях Южных Альп, теперь стала главной целью французов. Стратегическое значение Сузы трудно было переоценить, так как она запирала выходы из горной Савойи на равнины Пьемонта, контролировала коммуникации и западные подступы к Турину.

Местом сбора войск был выбран Бриансон. Артиллерия, боеприпасы, военное снаряжение и транспорт концентрировались в Экиле. Для ремонта узких горных путей Бриансон – Экиль – Фенестреле были мобилизованы местные крестьяне [Fer, 1705; Pelet, 1836, p. 124]. Нетерпеливый Вандом торопил Ла Фейяда с началом осады, но для подхода войск из отдаленных гарнизонов Прованса и Савойи требовалось время. Подготовительным работам досаждали отряды вальденсов, наносившие ощутимый урон тылам, совершавшие рейды даже в Прованс и Дофине. Приходилось ослаблять главную группировку, выделяя силы для отражения их набегов. Тем не менее, к 24 мая всё было готово, и войска выступили в поход. Марш проходил двумя колоннами по четыре батальона в каждой (Pelet, 1838, p. 121). Успеху продвижения способствовали передовые отряды, уничтожая вражеские заслоны, обходя препятствия и занимая господствующие высоты. Наконец, преодолев сопротивление неприятеля и трудности высокогорного ландшафта, 31 мая армия вышла к Сузе. Сам по себе город был защищен слабо, но имел сильную цитадель, расположенную над городом на крутом скальном массиве, окруженном прорубленным в граните рвом [Pelet, 1836, p. 77]. С одной стороны цитадель была прикрыта редутом Катина, с другой – укрепленной высотой Ла Брюнета (Pelet, 1838, p. 128).

Оценив обстановку, Ла Фейяд энергично принялся за дело. По его приказу тяжелые 24-фунтовые орудия на руках солдат были подняты на окрестные склоны. С этой позиции укрепления крепости были как на ладони. Осадные орудия обрушили на город ядра и гранаты, и после 2-дневного обстрела городские ворота перед французами распахнулись. Однако праздновать победу было еще рано, так как гарнизон сдаваться не торопился. Во главе с губернатором савойцы эвакуировались на неприступную Ла Брюнету, ключевой пункт обороны. Продолжали держаться цитадель и редут Катина. Положение французов постепенно осложнялось – время играло против них. Каждый день с востока к осажденным подходило подкрепление. К тому же поступали сведения об активизации в тылу крупных неприятельских партий. Решено было, не теряя времени, штурмовать Ла Брюнету с помощью траншей. В ночь с 3 на 4 июня под прикрытием сильного артиллерийского и ружейного огня была заложена первая параллель. Саперы на позициях трудились день и ночь, прорубаясь в скальном грунте под огнем с окружающих высот. Неимоверными усилиями осаждающие смогли приблизиться к внешнему оборонительному обводу и подорвать часть стены, проделав в ней несколько проходов. Утром 5 июня начался общий штурм Ла Брюнеты (Pelet, 1838, p. 131). Впереди шли гренадеры, за ними – 20 рот пехоты. Бой был короткий, но ожесточенный. Противник не выдержал атаки и уступил позицию, оставив несколько пленных. Интересно, что,

несмотря на взаимное ожесточение, противники проявляли и великодушие друг к другу. Из письма Ла Фейяда Шамийяру от 06.06.1704: «Так как попавшие в плен офицеры находились с нами в одном окопе, а мы подвергались шквальному огню... я вызвал барабанщика и сделал предложение Де Бланьяку (комендант Ла Брюнеты. – А. К.) прекратить огонь, чтобы иметь возможность вывести пленных из нашей траншеи в безопасное место» (Pelet, 1838, p. 131). Действительно, рыцарское благородство и манерность так называемых «войн в кружевах», не совсем понятны нашим современникам, внукам очевидцев беспощадных войн XX–XXI вв. Так, в разгар боев «Герцог Савойский послал к Ла Фейяду просьбу спасти от разорения и взять под охрану одно из его любимых имений, называемое Ла Венери, на что герцог передал герцогу Савойскому, что его просьба делает ему много чести и обязывает его ко многому, но в условиях войны он вынужден отказать, так как в то время не было большего бесчестия, чем нарушить слово дворянина» (Sourches, 1888, vol. IX, p. 2).

7 июня, не выдержав артиллерийского огня, защитники редута Катина сложили оружие. Это дало возможность всю артиллерию, 12 орудий и шесть мортир, сосредоточить на цитадели. Обстрел длился без малого 100 часов (Saluces, 1818, p. 146), в результате чего в стене цитадели была пробита широкая брешь. Не дожидаясь кровавого штурма, губернатор капитулировал и с остатками гарнизона, около 200 чел., был отпущен в Авельяно.

Взятие Сузы ознаменовало заметный успех французов. После ее падения встал вопрос о наиболее эффективном использовании освободившейся группировки войск. Вновь завязалась оживленная переписка между двором, Вандомом и Ла Фейядом, в которой обсуждались дальнейшие перспективы военных действий. Вандом упрямо настаивал на первоначальном плане: на захвате долины Аоста и объединении обеих группировок для активизации действий в равнинном Пьемонте (Pelet, 1838, p. 135). Но Ла Фейяд не спешил выполнять указания маршала. Во-первых, он достаточно хорошо вник в местные условия, чтобы ясно осознавать весь вред оставления оккупированных областей. Занятые французами долины действительно имели стратегическое значение. Через этот непокорный край пролегли кратчайшие коммуникации с Дофине и Провансом. Расположенный недалеко от Турина, он рассматривался, как удобный плацдарм для его предстоящей осады [Fer, 1705]. Об этом Ла Фейяд писал Шамийяру 7 июля 1704 г.: «Я не могу оставить Дофине совершенно беззащитным, да и герцог Савойский легко сможет вернуть Сузу зимой, что доставит нам несказанные неудобства... Кроме того, люди пишут мне из нескольких мест... что там разгорается пламя неповиновения, фанатики открыто призывают к оружию. Если это религиозное помешательство охватит и здешние кантоны, чего бы им тут бояться, если мы будем вне досягаемости и не сможем сразу потушить вспыхнувший мятеж, искры которого постоянно тлеют?» (Pelet, 1838, p. 147–148). Кроме того, в Ла Фейяде сыграло самолюбие придворного вельможи, который никогда не упустит возможности повести тонкую интригу в угоду собственному тщеславию. Одновременно он пытается скомпрометировать план Вандома, поход через покрытое снегами альпийское высокогорье, через Малый Сен-Бернар и долину Аоста: «Господин герцог Вандомский еще сам не знает, как и в какое время мы сможем соединиться. У нас нет ни денег, ни запасов продовольствия, ни фуража, ни повозок для похода в долину Аосты». И наоборот, он доказывает колеблющемуся двору все выгоды надежного закрепления в занятом краю «...из-за его близости к Турину. Поэтому главная задача должна сводиться к сохранению долины Сен-Мартин и района Перузы (Pergouse – франц.), который я сейчас начинаю укреплять. Мы складировем в Бриансоне и Фенестрелле боеприпасы, которые могут нам понадобиться для осады Турина. Не будет необходимости перевозить большие орудия или мортиры... К началу марта всё необходимое для осады может быть собрано в Перузе, а 10 апреля можно выступить в поход» (Pelet, 1838, p. 148).

В конце концов, вопреки Вандому, Людовик XIV благоволит молодому генералу. «Донесение, которое он получил от двора, утверждало его замысел. Лучшее, что он может предпринять для своей чести и славы Его Величества, – это двинуться через перевал Фенетр на Перузу, овладеть Пиньеролем и ворваться в долины вальденсов» (Pelet, 1838, p. 141).

Ла Фейяд торжествовал. Его честолюбие было удовлетворено – он настоял на своем, но впереди его ожидала сложная задача. Край, который ему предстояло оккупировать, был населен религиозными фанатиками, давними непримиримыми врагами католической церкви и лично Людовика XIV. Когда-то их предки бежали из Франции в эти мрачные горные долины и не раз брались за оружие, чтобы отстоять веру и свободу. И сейчас победа над ними не обещала быть легкой и быстрой.

Для экспедиции из наличных 18 батальонов и пяти драгунских полков были сформированы четыре отряда. Их командирам, генералам Жеводану, Канильяку и Лопаре, предстояло взять под контроль перевалы Де-ла-Круа, Родоре, горную долину Сен-Мартин [Fer, 1705]. Сам Ла Фейяд возглавлял четвертый отряд, выполнявший роль общего резерва (Pelet, 1838, p. 140). 18 июня командующий привел в движение все войска, сам встав заслоном у Буссолленго против герцога Савойского, стянувшего силы у Авельяно. Затем он со своей колонной двинулся долиной р. Чизоне в направлении Перузы и Пиньероля (Pignerol – франц.) (см. рисунок). Он старался действовать дипломатичными методами, вступая в переговоры со старейшинами общин, населявших окрестные долины. «Господин Ла Фейяд пересек горы, отделявшие этот город (Сузу. – А. К.) от провинции Четырех долин, и предложили вальденсам договор о нейтралитете» (Saluces, 1818, p. 147). Был обнародован подписанный Людовиком XIV трактат, по которому «Все вожди, старейшины... и другие должностные лица долины Сен-Мартин, Помаре, Анверс-Пинаша и Шеневье (Pomaret, Envers-Pinache et Chenevières – франц.), как католики, так и последователи так называемой реформаторской религии, учреждают республику под эгидой короля Франции. Всем даруется свобода совести, за исключением французских беженцев. Для укрепления и защиты республики Его Величество будет содержать необходимые войска за свой счет» [Jalla, 1935, p. 5]. Дипломатия принесла свои плоды. Часть населения откликнулась на обещание короля и изъявила покорность. Так, жители Перузы и прилегающих к ней кантонов признали власть короля Франции. Но большая часть отдаленных горных районов готовилась к борьбе. Насколько сложной и противоречивой была обстановка, можно судить по сведениям, доходившим до версальского двора. 7 июля от Ла Фейяда прибыл курьер, от которого стали известны последние события. «Герцогу удалось смирить долину Сен-Мартин, но жители Сен-Жермена, где проживает много французских гугенотов, продолжают сопротивляться. Наши войска напали на них и убили около двухсот человек, выжившие укрылись в непроходимых горах долины Люцерн (Lucerne – франц.)... Герцог предложил вальденсам компромисс, пытаясь внушить фанатикам намерение короля не причинять им какой-либо вред. Более того... он обещал им восстановить только что сожженную деревню, если они откажутся от подданства герцога Савойского и перейдут под покровительство короля со свободой религии. Сначала население Сен-Жермена и долины Ангронья (Angrogne – франц.) дали свое согласие, однако, когда Лапара с корпусом проходил этой долиной к замку Мирабо (Miraboue – франц.), он дважды подвергался нападению повстанцев, и это предприятие оказалось для него весьма трудным» (Sourches, 1888, vol. IX, p. 4–5). Против французов развернулась беспощадная партизанская война. Вождь непримиримых, пастор Д'Арно, в сопровождении голландских эмиссаров добирался до самых отдаленных горных общин, настраивая горцев против французов и призывая их к сопротивлению [Jalla, 1935, p. 3]. Жители долин Ангронья, Люцерн [Fer, 1705] целыми деревнями брались за оружие и уходили в горы. Замок Мирабо, контролирующий долину Сен-Мартин, упорно оборонялся повстанцами две недели [Jalla, 1935, p. 4]. Ни жестокие расправы, ни уговоры и обещания – ничто не могло образумить непримиримых. Войска в суровых условиях высокогорья испытывали крайнюю усталость, несли потери от вездесущего врага. Среди солдат распространялись болезни, усиливалось дезертирство. К началу июля Ла Фейяд решил отказаться от наступательной тактики. Он оставил в покое непокорные районы и закрепился в умиротворенных долинах. Французы по-хозяйски обживали предгорье Южных Альп, тем самым показывая, что остаются здесь надолго. От Мон-Женева до Пиньероля укреплялись деревни, возводились ретраншементы, гарнизонами зани-

мались горные перевалы и господствующие высоты, ремонтировались дороги, создавались запасы фуража и продовольствия.

К сожалению, планам Ла Фейяда по умиротворению непокорных долин не суждено было сбыться. В одночасье все его завоевания потеряли всякий смысл, а планы – целесообразность. 13 августа 1704 г. королевская армия потерпела жестокое поражение в Германии при Хохштедте, что коренным образом изменило ход войны. Драматические события на Дунае сразу отразились на ситуации в Пьемонте. Вена готовилась оказать существенную помощь своему союзнику, поэтому Людовик XIV вновь вернулся к плану оккупации долины Аоста (Pelet, 1838, p. 171).

Получив соответствующее распоряжение, Ла Фейяд не без сожаления вынужден был подчиниться. Покидая край, ему оставалось принять меры для его обороны и контроля. Отдаленные и слабо укрепленные посты и позиции пришлось оставить. Для охраны Перузы и долины Сен-Мартин было оставлено десять батальонов под командой Жеводана. В Сузе были расквартированы пехотный батальон и полк драгун. Девять батальонов с самим Ла Фейядом двинулись в поход к малому Сен-Бернару. Маршрут пролегал через Сезан, перевал Ла-Ру, Модан и Тинь (Tignes – франц.) (Pelet, 1838, p. 179). 25 сентября войска подошли к перевалу. Горные села Сее (Sèez – франц.), Тюиле (Thuile – франц.), хорошо укрепленные и занятые вооруженным ополчением, пришлось брать штурмом (см. рисунок). Но главные трудности были связаны с высокогорным климатом и местностью. Солдаты брели по колено в снегу, карабкались по узким тропинкам, взбираясь по крутым отвесным склонам сквозь метель и дождь. Так как отступающий противник сжигал всё за собой, ночевать приходилось прямо на снегу, среди покрытых льдом скал. Тем не менее, все трудности горного похода были преодолены, и 27 сентября французы спустились в живописную долину. Население Аосты не ожидало, что французы так быстро преодолеют укрепленный перевал, поэтому к сопротивлению не подготовилось. Жители с опасением встречали королевское войско, но герцог Ла Фейяд заверил губернатора края в своем миролюбии, ограничившись требованием разоружить ополчение и сдать оружие в арсенал. В самой Аосте, а также во всех крупных населенных пунктах области разместились французские гарнизоны. Так «герцогство Аоста целиком попало под власть дома Бурбонов, который владел ею вплоть до Туринской битвы» (Saluces, 1818, p. 153). Ла Фейяд проследовал дальше и 5 октября в Верре встретился с Вандомом, которому и передал свои войска. На этом военная кампания 1704 г. в Савойе была завершена.

Войну в Савойе в культурно-цивилизационном смысле вполне можно считать типичной для рассматриваемой эпохи: являясь частью общеевропейской династической войны, она одновременно являлась и самостоятельной периферийной династической войной. Вместе с тем специфичной чертой было то, что в ходе событий династические интересы суверена гармонично сочетались с движением народных масс. В ней причудливо сочетались черты изысканно-манерной аристократической культуры Западной Европы с отвратительными жестокими реалиями войны.

В оперативном отношении боевые действия в Савойе играли вспомогательную роль и велись в интересах завоевания Пьемонта. По своей цели, тактике действий, боевому обеспечению войск кампания отражала современные взгляды на войну как на борьбу за коммуникации. Цель кампании состояла в пресечении сообщений противника с Германией и Швейцарией. Ее достижение планировалось путем овладения ключевыми пунктами и стратегически важными районами: городами Суза, Монмелян, долиной Аоста. Задача разгрома противника сосредоточенным ударом на повестке дня не стояла. В соответствии с господствующими военными взглядами герцог Ла Фейяд не сосредотачивал, а распылял свои силы для контроля над обширными оккупированными территориями. Тактика состояла в методичном продвижении к цели, вытеснении противника и закреплении на захваченных территориях. При этом важная роль отводилась собственным коммуникациям и плацдармам. Горные долины Морьен, Тарантез, Прагелас, Сен-Мартин, которыми осуществлялось обеспечение

французов, занимались сильными гарнизонами. Господствующие высоты и перевалы, как, например, Де-ла-Круа, Мирабо, занимались постами и усиливались фортификационными сооружениями (Pelet, 1838, p. 178–182).

Особенностью этой военной кампании являлись трудные климатические и погодные условия, а также сложные условия высокогорья, в которых приходилось действовать воюющим сторонам. Широкое повстанческое движение, с которым французы так и не смогли справиться, также является отличительной особенностью этой кампании. Противник, уступая французам в численности и техническом оснащении, прибегал к партизанской войне, в чем достигал заметных успехов. Тем не менее, французы всё же смогли вытеснить неприятеля с занимаемых позиций и овладеть территорией Савойи. В целом активное участие местного населения было характерным для высокогорных театров войны за испанское наследство (1701–1714): Тироля, Дофине, Руссильона, Савойи, Каталонии.

В результате взятия Сузы, оккупации долины Аосты владения герцога Савойского заметно сократились, что значительно ослабило обороноспособность его страны. Этим самым были полностью разорваны связи со Швейцарией и Германией, что лишало противника надежных источников снабжения и пополнения его армии всем необходимым. Успехи франко-испанских войск в кампании 1704 г. значительно осложняли положение Виктора Амадея Савойского. Безысходность в конце концов ставила его перед неизбежностью выбора: или славная гибель в бою, или унижительная капитуляция перед Людовиком XIV.

Список литературы

- Беспалов А. В.** Сражение при Альмансе 25 апреля 1707 года. Бурбоны против Габсбургов // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2012. № 3. С. 150–167.
- Великанов В. С.** Савойское герцогство в войне за Испанское наследство // Воин. 2005. № 2. С. 20–25.
- Голицын Н. С.** Великие полководцы истории. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1875. Т. 2. 222 с.
- Ивонина Л. И.** Война за испанское наследство. М.: Росконсульт, 2009. 288 с.
- Ивонина Л. И.** Битва при Мальпляке 11 сентября 1709 года // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 216–222.
- Ивонина Л. И.** Маршал Виллар // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 32–39.
- Ивонина Л. И.** Герцог Мальборо: человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
- Ивонин Ю. Е.** Евгений Савойский // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 48–69.
- Кутищев А. В.** Герцог Мальборо и его время. М.: Кучково поле, 2012. 544 с.
- Кутищев А. В.** Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21
- Кутищев А. В.** Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701–1714 гг. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15, № 2. С. 182–195.
- Кутищев А. В.** Перелом в войне за испанское наследство (1701–1714 гг.). Военная кампания 1704 года // Манускрипт. 2024. № 17, вып. 3. С. 151–160.
- Махов С. П., Созаев Э. Б.** Борьба за испанское наследство. М.: Вече, 2010. 352 с.
- Михневич Н. П.** История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 539 с.
- Морозов Е. В.** Захват Англией Гибралтара и его последствия // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4, № 1. С. 97–99.
- Пузыревский А. З.** Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1889. 348 с.
- Свечин А. А.** Эволюция военного искусства. М.; Л.: Госиздат, 1929. 400 с.

- Fer N. de.** Le Duche de Milan et les Etats du duc de Savoye: partie de ceux de Mantoue, et de la Republique de Genes, avec les diverses rout. Paris: Jacqueline Panouse sculpsit, 1705. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10678648r/f1.item.zoom#> (дата обращения 15.09.2022).
- Falkner J.** The War of the Spanish Succession 1701–1714. Barnsley, 2015. 280 p.
- Jalla J.** Les Vaudois et la guerre de Succession d’Espagne (1698–1714). Torre Pellice: Tipografia Alpina, 1935. 16 p.
- Linn J. A.** The War of Louis XIV. London; New York: Longman Inc., 1999. 440 p.
- Oury C.** Les défaites françaises de la guerre de Succession d’Espagne, 1704–1708. Histoire. Paris IV: Université Paris-Sorbonne, 2011. URL: <https://theses.hal.science> (дата обращения 25.05.2024).
- Pellet J. J. G.** Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d’Espagne sous Louis XIV. Paris: Imprimerie Royale, 1836. 161 p.
- Storrs C.** War, Diplomacy and Rise of Savoy 1690–1720. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1999. 364 p.
- The War of the Spanish Succession: New Perspectives / Ed. by M. Pohlig, M. Schaich. Oxford: Oxford Uni. Press, 2018. 488 p.

References

- Bespalov A. V.** Srazhenie pri Al’manse 25 aprelia 1707 goda. Burbony protiv Gabsburgov [The Battle of Almansa of April 25, 1707. The Bourbons against the Habsburgs]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Smolensk State University]*, 2012, no. 3, pp. 150–167. (in Russ.)
- Falkner J.** The War of the Spanish Succession 1701–1714. Barnsley, 2015, 280 p.
- Fer N. de.** Le Duche de Milan et les Etats du duc de Savoye: partie de ceux de Mantoue, et de la Republique de Genes, avec les diverses rout. Paris, Jacqueline Panouse sculpsit, 1705. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10678648r/f1.item.zoom#> (accessed 15.09.2022).
- Golitsyn N. S.** Vekikie polkovodtsy istorii [The great generals of history]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol’za Publ., 1875, vol. 2, 222 p. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Bitva pri Mal’plyake 11 sentyabrya 1709 goda [Battle of Malplaquet on 11 September 1709]. *Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 2010, no. 1, pp. 216–222. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Voina za ispanskoe nasledstvo [War of the Spanish Succession], Moscow, Roskonsul’t Publ., 2009, 288 p. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Gertsog Malboro: chelovek, polkovodets, politik [The Duke of Marlborough: Man, General, Politician]. Moscow, Lomonosov’ Publ., 2019, 264 p. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Marshal Villar [Marshall Villar]. *Prepodavanie istorii v shkole [School History Teaching]*, 2012, no. 6, pp. 32–39. (in Russ.)
- Ivonin Yu. E.** Evgenii Savoiskii [Eugene Savoyky]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 2006, no. 6, pp. 48–69. (in Russ.)
- Jalla J.** Les Vaudois et la guerre de Succession d’Espagne (1698–1714). Torre Pellice, Tipografia Alpina, 1935, 16 p.
- Kutishchev A. V.** Gertsog Malboro i ego vremena [The Duke of Marlborough and His Time]. Moscow, Kuchkovo pole, 2012, 544 p. (in Russ.)
- Kutishchev A. V.** The Military Campaign of 1703 in the Netherlands according to the Correspondence and Memoirs of Its Participants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21
- Kutishchev A. V.** Pokorenie P’emonta. Voina za ispanskoe nasledstvo 1701–1714 gg. [Conquest of Piedmont. The War of the Spanish Succession 1701–1714]. *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya [RUDN University’s Herald. General History Series]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 182–195. (in Russ.)

- Kutishchev A. V.** Perelom v voine za ispanskoe nasledstvo (1701–1714 gg.). Voennaya kampaniya 1704 goda [Turning Point in the 1701–1714 War of the Spanish Succession: The Danube Military Campaign of 1704]. *Manuscript*, 2024, no. 17, iss. 3, pp. 151–160. (in Russ.)
- Linn J. A.** The War of Louis XIV. London, New York, Longman Inc., 1999, 440 p.
- Makhov S. P., Sozaev E. B.** Bor'ba za ispanskoe nasledstvo [War of the Spanish Succession]. Moscow, Veche Publ., 2010, 352 p. (in Russ.)
- Mikhnevich N. P.** Istoriya voennogo iskusstva s drevneishikh vremen do nachala devyatnadsatogo stoletiya [History of Military Art from the Earliest Times to the Beginning of the 19th Century]. St. Petersburg, Parovaya skoropechatnaya P. O. Yablonskogo, 1896, 539 p. (in Russ.)
- Morozov E. V.** Zakhvat Angliei Gibraltara i ego posledstviya [The British Capture of Gibraltar and Its Aftermath]. *Istoricheskii byulleten'* [Historical Bulletin], 2021, vol. 4, no. 1, pp. 97–99. (in Russ.)
- Oury C.** Les défaites françaises de la guerre de Succession d'Espagne, 1704–1708. Histoire. Paris IV, Université Paris-Sorbonne, 2011. URL: <https://theses.hal.science> (accessed 25.05.2024).
- Pelet J. J. G.** Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris, Imprimerie Royale, 1836, 161 p.
- Pohlig M., Schaich M.** (eds.). The War of the Spanish Succession: New Perspectives. Oxford, Oxford Uni. Press, 2018, 488 p.
- Puzyrevsky A. Z.** Razvitie postoyannykh regulyarnykh armii i sostoyanie voennogo iskusstva v vek Lyudovika XIV i Petra Velikogo [The Development of Permanent Regular Armies and the State of the Military Art in the Age of Louis XIV and Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balashova, 1889, 348 p. (in Russ.)
- Storrs C.** War, Diplomacy and Rise of Savoy 1690–1720. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 364 p.
- Svechin A. A.** Evolyutsiya voennogo iskusstva [The Evolution of the Military Art]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1929, 400 p. (in Russ.)
- Velikanov V. S.** Savoiskoe gertsogstvo v voine za Ispanskoe nasledstvo [The Duchy of Savoy in the War of the Spanish Succession]. *Voin* [Warrior], 2005, no. 2, pp. 20–25. (in Russ.)

Список источников / List of Sources

- Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1878. Feldzug 1703. I Serie. V Band. 1145 S.; 1879. Feldzug 1704. I Serie. VI Band. 1257 S.
- Pelet J. J. G., Vault F. E. de le.** Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris, Imprimerie Royale, 1838. Vol. IV. 1070 p.
- Saluces A. de.** Histoire Militaire du Piémont. Turin: Libraire sous les arcades de la place Chateau. 1818. Vol. V. 572 p.
- Sourches L.** Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, édités par G.- J. Cosnac et É. Pontal, Paris: Librairie Hachette et cie, 1888. Vol. VIII. 447 p.; Vol. IX. 455 p.

Информация об авторе

Александр Васильевич Кутищев, кандидат исторических наук

Information about the Author

Aleksandr V. Kutishchev, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 27.09.2022;
одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 01.10.2024
The article was submitted on 27.09.2022;
approved after reviewing on 12.09.2024; accepted for publication on 01.10.2024

Научная статья

УДК 94(73)«1861/1865»

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-53-64

Сецессия Юга и Гражданская война в США на страницах российского журнала «Отечественные записки» (1861–1865 годы)

Виталий Викторович Прилуцкий

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
Брянск, Россия

vitaliypr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7328-4927>

Аннотация

Статья посвящена отражению сецессии (т. е. отделению) Юга, причин, особенностей, начала, хода и завершения Гражданской войны в США на страницах российского журнала «Отечественные записки» (1861–1865 гг.). Данное периодическое издание, как и значительная часть российской прессы рассматриваемого исторического периода, в начале конфликта относилось с симпатией к США и северным штатам, осуждая рабовладельческий Юг. В фокусе внимания автора настоящей статьи находится эволюция взглядов авторов журнала «Отечественные записки» на основные события, связанные с сецессией южных штатов и Гражданской войной в США. Исследуются факторы, повлиявшие на изменение позиции российских журналистов и публицистов в отношении вооруженного конфликта по мере разворачивания боевых действий.

Ключевые слова

Гражданская война в США, сецессия Юга, конфликт между северными и южными штатами, Конфедеративные Штаты Америки, проблема рабства в США, отражение исторических событий в российской периодической печати

Для цитирования

Прилуцкий В. В. Сецессия Юга и Гражданская война в США на страницах российского журнала «Отечественные записки» (1861–1865 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 53–64. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-53-64

Secession of the South and the American Civil War on the Pages of the Russian Magazine “Domestic Notes” (1861–1865)

Vitaliy V. Prilutskiy

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
Bryansk, Russian Federation

vitaliypr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7328-4927>

Abstract

This article examines the coverage of the secession (i.e. separation) of the South, the causes, features, beginning, course and end of the Civil War in the United States on the pages of the Russian magazine “Otechestvennye zapiski” (“Domestic Notes”) (1861–1865). At the beginning of the conflict, this periodical, much like a significant part of the Russian press of the time, expressed sympathy to the Northern states, while condemning the slave-holding South.

© Прилуцкий В. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 53–64
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 53–64

Generally, detailed accounts of battles were absent from Russian periodicals; instead, they focused on the underlying causes, significant features, and the initial and final phases of the “American War.” The author of this article focuses on how the perspectives of contributors to “Otechestvennye zapiski” magazine evolved regarding the key events associated with the Southern states’ secession and the Civil War. The article outlines the methods and strategies employed to cover events from 1861 to 1865 in the magazine. Furthermore, it analyzes the factors that influenced shifts in the viewpoints of Russian journalists and publicists concerning this armed conflict as it unfolded. An important aspect addressed in this study is how the representation of the West in general and America in particular in the Russian periodical press corresponded with the perceptions presented in the “Otechestvennye zapiski” magazine about the American Civil War.

Keywords

The American Civil War, the Secession of the South, the conflict between the Northern and Southern states, the Confederate States of America, the problem of slavery in the USA, the reflection of historical events in the Russian periodical press

For citation

Prilutskiy V. V. Secession of the South and the American Civil War on the Pages of the Russian Magazine “Domestic Notes” (1861–1865). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 53–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-53-64

В данном исследовании представлена характеристика способов и стратегий освещения событий Гражданской войны в США (1861–1865) на страницах журнала «Отечественные записки». Важной проблемой, которая решается в данной работе, является изучение того, насколько устоявшийся в российской периодической печати образ Запада и Америки как его части соответствовал представлениям о нем, содержавшимся в публикациях о событиях 1861–1865 гг. в США в журнале «Отечественные записки». В трудах современных российских историков проанализированы образ Запада, образ США, «американская тема» и «американский миф» в периодической печати и общественном сознании России в рассматриваемую эпоху (см. [Арустамян, 1992а; 1992б; Казакова, 1998; 2000; 2006; Шнейдер, 2009; Бондарчук, 2019] и др.). Исследователи отмечали, что россиянами Америка часто наделялась чертами «Земли Обетованной», олицетворяла идею нового мира и являлась символом богатства. Работы, посвященные изучению «американской войны» на страницах крупнейшего журнала «Отечественные записки», отсутствуют в отечественной историографии, и данная статья позволяет заполнить имеющийся пробел.

Гражданская война в США между северными и южными штатами являлась одним из крупнейших вооруженных конфликтов в XIX в. [Бурин, 1988, с. 3–4, 161–163; Макферсон, 2012, с. 961–969]. Новейшие исследования свидетельствуют, что Америка в ходе войны потеряла не менее 1 млн чел. убитыми и умершими от ран и болезней. Данную войну отличали: колоссальная протяженность линии фронта, наличие гигантских территорий, на которых шли боевые действия, огромные затраты на ведение конфликта, применение новых средств ведения войны, создание больших по численности – массовых, народных армий. Большое влияние на события оказал локальный южный патриотизм, базировавшийся на белом расизме, способствовавший отделению Юга от США и ожесточенной борьбе за его независимость. Южный национализм стал одним из факторов, которые придали войне затяжной характер, несмотря на значимый перевес сил в пользу Севера [Иванов, 2002, ч. 1, с. 133, 190; ч. 2, с. 222–223; Куропятник, 2009, с. 315, 318–319].

Гражданская война в США не только оказала большое влияние на страны Запада, но и нашла отражение в российской публицистике и журналистике. Некоторые события данного вооруженного конфликта освещались на страницах одного из значимых русских общественно-политических и научных журналов – «Отечественные записки». Журнал, основанный известным издателем и писателем П. П. Свиньиным (1787–1839), выходил с перерывами в Санкт-Петербурге в 1818–1884 гг. Ориентировался на читателей из среды столичной и провинциальной интеллигенции. Один из ведущих журналов XIX в. оказывал значительное влияние не только на литературную жизнь, но и на общественную мысль в России. В 1860-е гг. главными редакторами журнала «Отечественные записки» являлись А. А. Краевский (1810–

1889) и С. С. Дудышкин (1820–1866). История журнала детально изучена отечественными исследователями; ему посвящена значительная историография.

В 1860-е гг. журнал «Отечественные записки» отличался западнической ориентацией. Запад был в российском общественном мнении, формируемом периодической печатью, «учителем», «образцом для подражания», «цивилизатором». Редакция «Отечественных записок» полагала, что у западной цивилизации и России должен быть общий, европейский путь развития. Запад (Западная Европа, Европа) считался не столько регионом активного противостояния, сколько территорией взаимодействия с Россией. Частью Западного мира внутри Российской империи воспринимались Польша и Остзейский край. Очевидным, по мнению сотрудников журнала, было «превосходство» во всех смыслах Запада – «городской», «просвещенной» цивилизации. «Сельская», «аграрная» Россия характеризовалась такими понятиями, как «отставание» и «необходимость ученичества» (получения разнообразного опыта) у более развитых стран, преимущественно Франции и Англии [Бондарчук, 2019]. Первоначально редакция журнала заняла последовательную просеверную позицию, поддерживая Союз и осуждая сепессию южных рабовладельческих штатов.

Сепессионный кризис в США возник в ноябре 1860 г. с избрания президентом республиканца Авраама Линкольна (1809–1865), выступавшего за ограничение территории рабства существующими южными штатами. 20 декабря 1860 г. из Союза вышла Южная Каролина. Данному примеру в январе – мае 1861 г. последовали еще 10 южных штатов, два пограничных штата (Миссури и Кентукки, в которых были конкурирующие прорабовладельческие и антирабовладельческие правительства) и Индейская территория. Они образовали новое сепаратистское государство – Конфедеративные Штаты Америки [Супоницкая, 1998, с. 149–155; Иванов, 2004, с. 122–125]. Процесс сепессии рабовладельческого Юга завершился к началу июля 1861 г. В начавшемся 12 апреля 1861 г. с атаки конфедератов на форт Самтер (в штате Южная Каролина) конфликте против Юга были задействованы войска Союза, состоявшего из 20 свободных и четырех пограничных рабовладельческих штатов. Гражданская война в США продолжалась четыре года и завершилась 26 мая 1865 г. победой Севера и капитуляцией армии Конфедерации [Rhodes, 1919, p. 5–6; Guelzo, 2012, p. 4–5].

Многие российские и западноевропейские либералы в 1850-х – начале 1860-х гг. были убеждены в том, что в развязывании войны виноват был исключительно Юг. Автором ежемесячного политического обозрения событий в мире в журнале «Отечественные записки» в 1859–1864 гг. являлся его постоянный сотрудник, известный русский публицист Н. В. Альбертини (1826–1890), имевший итальянские корни. По политическим взглядам являлся умеренным либералом и англофилом, но поддерживал тесные контакты с радикалами и революционерами. В 1866 г. был арестован, содержался в Петропавловской крепости и впоследствии сослан в Архангельск. В дальнейшем находился на государственной службе и занимался журналистикой.

Н. В. Альбертини полагал, что северные штаты правы во всем, дело южан – абсолютно несправедливое и неправо: «С удивительным единодушием высказалось об этой борьбе общественное мнение, общественное чувство старой метрополии: в Европе интересы американских рабовладельцев не нашли себе ни одного защитника. Все слились в общем чувстве негодования к той части американского общества, которая, увлекшись своим односторонним интересом, не задумалась занести убийственную руку на лучшее осуществление европейской мысли». «Болезненный кризис, переживаемый Америкой, находит себе сильное сочувствие» в «старой метрополии». «Каждый новый шаг к разрыву Союза, каждое новое известие об успехе сепаратистов отзывается болезненно в чувствах европейцев». «Северная Америка по телу – колония Англии, по духу – колония всей Европы. Англосаксонское племя осуществило в Америке идеалы, выработанные европейской мыслью, но недостижимые на старой европейской почве. Старая Европа, гордясь своею колонией, как своим блестящим произведением, с любовью следила за ее беспримерными успехами, не завидовала им, напротив, гордилась ими, как старый дряхлеющий отец гордится успехами далеко опередившего его

и более даровитого сына. И это молодое государство, носящее в себе надежды старой Европы, насчитав едва 80 лет своего существования, приблизилось к разложению» (Политическое обозрение. Северо-американский кризис, 1861, с. 87–88).

Люди с либеральными взглядами – представители просвещенных кругов Европы и России иногда не владели полнотой знаний о событиях, происходивших в Соединенных Штатах. Например, Иван Васильевич Турчанинов (1822–1901), известный под американизированным именем Джон Бэйзил Турчин, сделал блестящую карьеру в Российской империи, дослужился до чина полковника и начальника штаба Отдельного гвардейского корпуса, располагавшегося в Польше. Однако идеализм и утопические иллюзии заставили его вместе с молодой женой эмигрировать в США, где впоследствии он отличился в Гражданской войне, командуя бригадой северян. Турчанинов столкнулся с серьезными проблемами, которые привели его к разочарованию в Америке.

Ошибочными оказались многие прогнозы развития событий, предлагавшиеся отечественными публицистами. Журналисты из «Отечественных записок» всецело поддерживали федеральное правительство, которое возглавил А. Линкольн, победивший на президентских выборах в конце 1860 г. и вступивший в должность после инаугурации, состоявшейся 4 марта 1861 г. Они писали о первых шагах его правительства, связанных с попытками примирения и достижения компромисса с Югом. Журналисты идеализировали США, полагая, что в «демократическом федеративном государстве» «некоторые из составных частей» могут якобы свободно и легко выйти из его состава. «Союзные власти», подчиняясь «требованиям справедливости», не будут чинить препятствий сепаратистам. В этом состояло отличие США от стран Европы, где отделение территории от государства привело бы к «ожесточенной борьбе» и кровавой войне. В американском «свободном обществе» подобный сценарий якобы невозможен, поскольку насильно удержать отделившийся регион крайне сложно, а гибель людей в ходе войны не нужна никому: «Не владеет там одна часть народа над другою; оттого, когда одна часть выделяется, то другая не находит никакой для себя положительной выгоды удерживать ее в своем государственном составе». Гражданская война в США «никому не нужна», поэтому «есть достаточное основание думать, что между американцами не дойдет до братоубийственной войны». Тем не менее, в феврале 1861 г. шесть южных штатов, «отделившись от Севера из побуждений, которым в Европе никто не может сочувствовать, к которым враждебно отнеслось общественное мнение всех стран», организовали новую «Монтгомерискую федерацию» и приняли ее конституцию (Политическое обозрение. Дела в Америке, 1861, с. 90–93). К утверждениям о единодушии европейцев и единстве европейских держав в отношении северных штатов следует отнестись критически. Известно, что в конце 1861 г. – начале 1862 г. Англия, Франция и Испания осуществили вооруженное вторжение в Мексику, пытаясь восстановить в ней зависимую от них монархию. В перспективе данные державы могли также вторгнуться в США. Они планировали интервенцию, стремясь военным путем поддержать рабовладельческую Конфедерацию.

В итоговой заметке, посвященной североамериканскому кризису 1860–1861 гг., Альбертини признал ошибочность своих предыдущих политических прогнозов: «Предположения относительно американских дел, в которые мы позволили себе вдаваться прошлый раз, оказались вещью несбыточной. В то самое время, когда до наших читателей только дошла апрельская книжка журнала, в которой они могли найти, что, по нашему мнению, до войны в Америке не дойдет, они из ежедневных газет уже давным-давно знали, что американцы начали драться. Что делать? Ошибаются и не так. Мы говорили, что Север не нападет на Юг, и отсюда выводили заключение, что войны, вероятно, не будет. Север действительно не напал на Юг; но война все-таки началась. Юг, более задорный, нас не послушался и напал на Север. Теперь вся Америка поднялась к войне. Юг идет на Вашингтон и объявляет, что скоро его возьмет. Север вооружается энергически, чтобы защищать Вашингтон. Волнение сильно, в особенности, в штатах Виргиния, Теннесси, Кентукки, где борются две партии, одна за отпадение, другая за сохранение Союза. С часу на час под Вашингтоном надобно

ожидать решительных действий» (Политическое обозрение. Начало междоусобной войны, 1861, с. 53).

Весной 1861 г. обозреватель журнала «Отечественные записки» (предположительно, Альбертини) писал о том, что «кризис раскрыл... слабые стороны американского общества». Он критиковал «деспотические меры» президента Линкольна в отношении пограничных штатов, где без суда и следствия происходили массовые обыски и аресты подозреваемых в поддержке Юга. Делался вывод: «К диктатуре или цезаризму быстро движется Америка» (Политическое обозрение. Положение дел в Америке, 1861, с. 55–56). В конце 1861 г. – начале 1862 г. произошло резкое изменение оценки многими российскими публицистами и журналистами «идеальных» США. Наблюдалось почти полное разочарование в американских демократических институтах.

В феврале 1862 г. в журнале «Отечественные записки» отмечалось, что в начале 1861 г. общественное мнение Европы было на стороне Севера. «Попытка южных штатов к отпадению» «была встречена с общим негодованием». «Самые скромные, самые сдержанные издания не жалели резких слов для изображения недостойных стремлений Юга: только изредка подымался чей-нибудь смелый и эксцентрический – так казалось тогда – голос, в защиту прав рабовладельческих штатов, раздавался для того, чтоб замолкнуть тотчас же в общем, дружном, полном негодования хоре. Север безраздельно владел симпатиями Европы; его интересы казались для нее интересами цивилизации, прогресса; Юг, напротив, был темною страной варварства, ополчившеюся против лучших представителей цивилизации будто бы для того, чтоб сохранить ненарушимым свой возмутительный институт рабства. И вот, не прошло года, как в движении европейской политической мысли совершился переворот, и притом какой резкий и решительный переворот! Если Юг не приобрел, и, конечно, никогда не приобретет наших симпатий, то нельзя также сказать, чтоб они теперь принадлежали Северу: не только люди, но и сами учреждения Севера потеряли в это короткое время значительную долю того уважения, которым так недавно еще пользовались. Все... недостатки американского общества и его учреждений раскрылись теперь с такою ясностью, что место прежнего увлечения необходимо должен был заступить строгий, холодный анализ» (Альбертини, 1862, с. 482).

Накануне войны баланс сил в стране был нарушен в пользу северных штатов. Вопрос о рабстве – не главный в войне. В перспективе независимый Юг мог бы самостоятельно избавиться от рабовладения. «Невольничество составляет одну из причин распада, но только одну и притом не главную. Главная причина отпадения Юга была чисто политическая, именно потребность самозащиты. Юг пришел к сознанию, что не только исчез бывший перевес его над Севером, но невозможно между ними даже простое равенство сил. Из господствующего положения он должен был перейти в подчиненное относительно Севера: он должен был признать его перевес и подчиниться его деспотическому большинству. Чтоб спастись от этого деспотизма, он отделился. Таким образом... Юг сражается за “независимость”, Север – за (политическое) “господство”» (Альбертини, 1862, с. 496, 498).

«Американский кризис» показал, что необходимо «осторожно» относиться к молодому обществу и еще формирующемуся государству, которые переживают серьезный кризис взросления. Неожиданно проявились дурные инстинкты, «страсти» американцев, необоснованное высокомерие граждан США и удивительное «невежество в своей собственной истории» (Альбертини, 1862, с. 491). Для американских чиновников оказались весьма характерными коррупция, интриги, разного рода злоупотребления и неспособность к управлению государством. За последние десятилетия «поколение государственных людей в Америке заметно выродилось», «лучшие люди... уступают поле посредственности» (Альбертини, 1862, с. 485). «Наступила страшная тирания масс», под давлением которых (особенно многочисленных европейских иммигрантов, малоимущих и малообразованных) находятся весьма посредственные, аморальные и «невежественные» американские политики (Альбертини, 1862, с. 486–487, 495). В результате в президентство Линкольна были приняты диктаторские зако-

ны, нарушавшие конституционные права и свободы, введена цензура, запрещены газеты, т. е. в США возник тиранический режим, похожий на восточную деспотию (Альбертини, 1862, с. 492).

«На Севере начался красный террор» и проявился «деспотизм грубых масс», «которые ни сами не умеют ценить свободы, ни уважают ее чувства в других» (Альбертини, 1862, с. 503, 513). Внимание журналистов акцентировалось на военных преступлениях северян и отсутствии благородства с их стороны на войне (неприемлемые методы блокады южных портов, захват дипломатов Юга на кораблях нейтральных стран и т. п.) (Альбертини, 1862, с. 502, 506–507). Одновременно выражалась симпатия южным сепаратистам, Югу и его «политическому благоразумию», «внутренней крепости, единству», «политической мудрости» (Альбертини, 1862, с. 500–501). Российские журналисты также не скрывали свое англофильство, восхищение британской конституционной монархией и выражали солидарность с английской прессой, критиковавшей Америку с первых дней конфликта.

По мере разворачивания боевых действий в США интерес к ним у журналистов и читателей падал. Сотрудники журнала «Отечественные записки» в 1862–1865 гг. сосредоточились почти исключительно на своей традиционной теме – освещении событий в Европе, России и некоторых других странах мира. В 1862–1864 гг. в периодическом издании было много материалов о польском вопросе и Польше, где длительное время назревало, а затем произошло антироссийское восстание. На страницах журнала уделялось внимание также истории и современному положению Турции, Греции, Персии, Сербии, Египта, Китая и др. В это время война в Америке превратилась в рутину, внимание к ней и к сводкам боевых действий резко уменьшились не только в российской, но и в европейской прессе. Во многом по этой причине обстоятельная хроника военных действий и подробности сражений в журнале «Отечественные записки» отсутствовали, детали военно-политических событий в США журналистами не приводились. Но в журнале появилась рубрика «Современная хроника», в которой периодически печатались «известия из Северной Америки» (Современная хроника, 1864, с. 949–982; 1865, с. 205). Весной 1865 г. небольшая заметка об окончании Гражданской войны в США была напечатана в разделе «Современная политическая хроника». В ней сообщалось, что «в политическом мире в последнее время совершилось важное событие: падение Ричмонда, сдача всей армии южных штатов под начальством Ли». Капитуляция войск конфедератов привела к окончанию «убийственной американской войны, длившейся ровно четыре года – и вслед за тем злодейское умерщвление самого победителя, Линкольна». Однако эти известия перебила новость, потрясшая всю Россию, о трагической кончине 12 апреля 1865 г. в Ницце молодого наследника престола Российской империи цесаревича Николая Александровича (1843–1865) («В другое время публика наша следила бы с участием за такими событиями, но на это раз все внимание России поглощено было Ниццей, где страдал больной, носивший великое звание наследника престола Российской империи, надежда русских и нашего будущего» (Современная хроника, 1865, с. 205)).

В конце Гражданской войны в США в журнале «Отечественные записки» в одной из заметок подводился ее главный итог: «Победа Севера над Югом, в ее последующих результатах, должна совершенно пересоздать и преобразовать великое здание американской свободы» (Перед грозой, 1865а, с. 649). В 1865 г. в периодическом издании было опубликовано по частям ранее не издававшееся на русском языке литературное произведение о жизни предвоенного Юга «Перед грозой» (Sedley, 1864). Автором являлся нью-йоркский писатель, инженер и бизнесмен, занимавшийся газетной индустрией, Генри Седли (1831–1899). Произведение имело подзаголовок «Роман из американской жизни и нравов» (речь шла о «разносторонней картине нравов и обычаев образованного класса Америки»). В нем рассматривались вопросы о природе власти в США, особенности функционирования политической системы, социальные реформы, американская демократия, права штатов, положение афроамериканцев, необходимость постепенной отмены рабства («домашнего учреждения») (Перед грозой, 1865б, с. 327–331). В романе давался анализ причин Гражданской войны в США.

Автор романа выступал против децентрализации власти, демократических институтов и суверенитета отдельных штатов: «Наша великая, благородная страна никогда не достигнет предопределенного ей могущества в материальной и умственной сфере, пока не откажутся совершенно от пагубной системы мелких государств (т. е. штатов), самостоятельных, независимых друг от друга и думающих только о своих минутных корыстных интересах – системы, снятой с образца политического и социального устройства диких племен, которые до нас занимали Новый Свет» (Перед грозой, 1865б, с. 331). Уровень нравственного развития («добродетели») и образования страны свидетельствует о том, что «американский народ в последнюю четверть столетия постоянно и неизбежно клонился к упадку». Политические системы на Юге и Севере США существенно отличаются. «Если, при существовании в теории всеобщей подачи голосов, большинство бедных и необразованных не пользуются своим правом, то мнимая демократия превращается в олигархию, как мы видим на Юге. Если же, напротив, большинство образованных и достаточных классов не пользуется своим правом, то мнимая демократия превращается в охлократию, господство черни, как мы видим на Севере». Пользование законным правом в первом случае «невольное, но потому простительное», во втором – «добровольное и потому преступное». В южных штатах «власть переходит в руки тиранов», в северных штатах – «в руки демагогов», что не соответствует «истинной демократии». Тем не менее, элиты обеих политико-географических секций Америки тесно взаимодействовали между собой в течение десятилетий. Автор художественного произведения предсказывал, что подобное состояние не может иметь длительный характер: «...Настанет время, когда эгоистические, корыстные узы, связывающие их, достигнут высшего напряжения под гнетущим бременем и лопнут со страшным треском: вот тогда-то грянет роковая гроза» (т. е. война) (Перед грозой, 1865б, с. 327–328).

Из-за «преступного союза безумных олигархов и диких толпиц необразованных чужестранцев (иммигрантов)» над страной нависла реальная угроза «впасть в дикую анархию» (Перед грозой, 1865б, с. 329–331). Без отмены рабства невозможен «истинный прогресс». Рабство – «большое», «преступное», «вопиющее зло», один из главных пороков «демократической» и «свободной» страны, где якобы «все люди рождены равными» (Перед грозой, 1865б, с. 329). Одним из аргументов в пользу существования рабовладения назывался следующий: «Чтобы удержаться против Англии, необходим был Союз, а для сохранения Союза необходимо было терпеть рабство». Но в современных условиях подобной необходимости уже не существует (Перед грозой, 1865б, с. 330).

В статье «Южные генералы; кто они, и что они сделали» рассматривались особенности и природа «американской войны». При написании данной работы были использованы материалы из одноименной книги о военачальниках Конфедерации (Snow, 1865), получившей широкую известность, знаменитого английского путешественника и писателя Уильяма Паркера Сноу (1817–1895). В статье отмечалось, что «североамериканская распря отличается особым характером, которого напрасно стали бы искать в других продолжительных и кровопролитных войнах, не исключая даже времен Наполеона I» (Южные генералы, 1865, с. 41). Исследователями в 1865 г. формулировались некоторые сохранившиеся до наших дней и устоявшиеся в современной исторической науке концептуальные положения. «На Севере военная карьера не пользуется особым уважением». Многие из высших офицеров северных штатов не были профессиональными военными, назначались из гражданских лиц – верных сторонников «федеральной власти», становясь «генералами-политиками» или «политическими военачальниками». «Вообще федеральное правительство не ожидало продолжительной войны и думало, что полководцев так же легко создать, как армию из волонтеров. Напротив, Джефферсон Дэвис (президент Конфедеративных Штатов Америки), будучи сам опытным воином, предвидел гигантские размеры этой распри и понимал, что невоенные люди неспособны командовать войском». Рассуждая об отделении Юга, публицисты отмечали, что «от начальников южан менее можно было ожидать измены законному правительству, нежели от людей других категорий». Они учились в военных учебных заведениях США,

служили в федеральных войсках, «не одобрили распада Союза и с ужасом смотрели на междоусобную войну». «Однако же, как скоро отделился Юг, все они вышли в отставку и, покинув ряды федеральной армии, предложили услуги свои инсургентам» (Южные генералы, 1865, с. 42). При этом генералы и офицеры-южане не пытались увлечь своими убеждениями вверенные им подразделения.

«Ни одна из войн, продолжавшихся четыре года, не создала так много военных авторитетов, имена которых теперь известны даже детям». «Большее число знаменитостей принадлежит, бесспорно, Югу; из северных генералов отличились немногие, и, разумеется, впереди всех стоят Грант и Шерман... Вероятно, ни один из знаменитейших предводителей южан не сделал бы того, что совершили эти два, совершенно противоположные характера, действуя единодушно» (Южные генералы, 1865, с. 43). «Имена южных генералов» «тесно связаны» с «подвигами сепаратистов». Для южан (в отличие от северян) обучение в Военной академии Вест-Пойнт считалось наиболее престижным. «Начальниками сепаратистов при самом начале восстания были опытные офицеры», зарекомендовавшие себя с положительной стороны в период Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг., в отличие от «главных предводителей», полководцев Севера. «К числу резких противоположностей этой войны относится следующий факт. В рядах сепаратистов было очень много отличных стрелков, а между тем никто почти из северных генералов не был убит или даже ранен» (за небольшим исключением). «Напротив, очень немногим из предводителей южан удалось спастись от ран и пережить эту борьбу. Их генералы: Сидней Джонстон, Цолпкофер, Мак-Колох, Джексон, Стюарт и Полк пали на поле сражения, а Джозеф Джонстон, Лонгстрит, Эуэль, Гэмптон, Гуд и другие были ранены». Связано это обстоятельство было с тем, что «сепаратисты требовали от своих начальников примера неустрашимости и шли в бой только вслед за ними. Один из их начальников сказал: “Каждый атом влияния должно было купить каплею своей крови”» (Южные генералы, 1865, с. 41–42).

Анонимный автор статьи о генералах-южанах преувеличивал роль субъективного фактора в войне, полагая, что участие полководцев было решающим. Индивидуальный характер «вождей», личные достоинства предводителей являлись, по его мнению, определяющими. «Смерть Джонстона в битве при Шайло спасла федералистов от гибели и дала совершенно другой оборот войне на Западе. В сражении при Джетисборге (Геттисберге) северяне одержали победу с такими жертвованиями, что если бы, кажется, Джексон не пал при Чанселорсвилле, то генерал Ли, имея в нем надежного помощника, не был бы разбит, и тогда судьба Юга могла бы совершенно измениться». «В американской войне все объясняется личным характером предводителей. Когда южане дрались под начальством Ли, Джексона, Лонгстрита или Джонстонов, победа почти всегда оставалась за ними, если только на противной стороне не было решительного превосходства сил и средств. Но как скоро начальство над ними переходило в другие руки – они или терпели неудачу, или выигрывали сражение с такими потерями, что самую победу их можно было назвать поражением». «Окончательный успех федералистов объясняют крайним истощением южных штатов. Но этот факт отгадали вовремя только два человека – Грант и Шерман. Гениальная отважность последнего, соединенная с непоколебимой твердостью Гранта, покончили это страшное дело» (Южные генералы, 1865, с. 43).

В других отечественных периодических изданиях рассматриваемой эпохи, а также в первой изданной на русском языке в 1865 г. монографии британского военного историка Г. Ч. Флетчера (1833–1879) содержались схожие оценки событий сецессии Юга и Гражданской войны в США [Флетчер, 1865, с. 5–21]. Нередко в российской прессе печатались непроверенные данные, транслировались недостоверные слухи, делались нелепые предположения (Политика. Расторжение, 1861; Политическое обозрение. Последние известия, 1861). Интересное наблюдение о Гражданской войне в США содержалось в «Военном сборнике» – официальном печатном органе военного министерства Российской империи в 1858–1917 гг.: «Самая война эта могла бы быть предупреждена, если бы Союз имел регулярную армию,

достаточно сильную для того, чтобы заставить уважать решения законных властей и чтобы предупредить или подавить мятеж в самом его зародыше». Наблюдалось отсутствие у обеих сторон конфликта постоянных армий, которые только одни способны к проведению «искусно» спланированных операций и «достижению решительных результатов». «Североамериканцы» задействовали исключительно силы милиции (народного ополчения), что привело лишь к затяжным боевым действиям. «Продолжительность и упорность современной американской войны» способствовали огромным финансовым расходам Севера и Юга (до 40 млрд франков) (Иностранное военное обозрение, 1865).

Русские журналисты и публицисты в 1860-е гг. не всегда имели правильное представление о глубинных социально-политических процессах в США. Они писали фрагментарно о событиях Гражданской войны в США – второстепенной теме для россиян, сосредоточив основное внимание на новостях из России и Европы, на истории и культуре европейских стран. Но события 1860–1861 гг. в Америке взбудоражили общественность Российской империи. В начале конфликта многих представителей российских интеллектуальных кругов, особенно либерально-демократической направленности, отличала некоторая наивность в оценках политических процессов в США. Нередко в своих рассуждениях и теоретических построениях они выдавали желаемое за действительное, идеализируя Север. Во многом подобная позиция была обусловлена тем, что Российское государство с началом войны сразу официально поддержало Союз, т. е. северные штаты. Известно, что правительство Александра II в то время осуществляло курс либеральных реформ, важнейшей из которых являлась отмена крепостного права в 1861 г. Однако в дальнейшем отношение к сепарации Юга и войне менялось.

Российские авторы журнала «Отечественные записки» испытали разочарование в Америке, казавшейся почти совершенной страной. Они относительно быстро признали ошибки и начали придерживаться взвешенной позиции, оценивая «американскую войну». Симпатии в отношении Севера и американской демократии вскоре сменились антипатией и даже про-южными настроениями. Подобные колебания были также связаны с тем, что спецификой средств массовой информации является оперативность реагирования на события, но при этом они фиксируют информацию синхронно и с искажениями. Впоследствии интерес к данной войне вплоть до ее окончания был во многом утрачен и вытеснен осмыслением других событий, наиболее значимым из которых являлось польское восстание 1863–1864 гг. В 1865 г. возобладал более объективный и аналитический взгляд на события. Публицистами и учеными исследовались причины, особенности и последствия Гражданской войны для США, делались правильные предположения и выводы.

Список литературы

- Арустамян Л. Р.** Американская проблематика в русской периодической печати (1841–1856 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992а. 200 с.
- Арустамян Л. Р.** Американская тема на страницах «Отечественных записок» (1841–1856) // Американский ежегодник, 1991. М., 1992б. С. 93–103.
- Бондарчук Д. В.** Запад в воображении русских либералов 60-х гг. XIX в. (на материалах «Отечественных записок») // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 77–87.
- Бурин С. Н.** На полях сражений гражданской войны в США. М.: Наука, 1988. 172 с.
- Иванов Р. Ф.** Конфедеративные Штаты Америки (1861–1865 гг.). М.: Ин-т воен. истории РАН, 2002. Ч. 1. 276 с.; Ч. 2. 255 с.
- Иванов Р. Ф.** Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М.: Эксмо, 2004. 448 с.
- Казакова О. Ю.** Американская демократия и гражданская война: взгляд из России (по материалам русской прессы 1861–1865 гг.) // Демократия и общественные движения: История и общественная мысль. Волгоград, 1998. С. 57–61.

- Казакова О. Ю.** Америка и американцы в оценке русского общества, конец 1850-х – 1867 г.: социокультурные аспекты восприятия: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000. 250 с.
- Казакова О. Ю.** Американская тема в газетной периодике пореформенной России (1850–1860-е гг.): от информации к образу // *Americana*. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 58–95.
- Куропятник Г. П.** Гражданская война в Северной Америке. 1861–1865. М.: Наука, 2009. 354 с.
- Макферсон Дж.** Боевой клич свободы: Гражданская война 1861–1865. Екатеринбург: Гонзо, 2012. 976 с.
- Супоницкая И. М.** Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ИВИ РАН, 1998. 218 с.
- Флетчер Г. Ч.** История Американской войны: 1861–1865. СПб.: Тип. А. Головачева, 1865. Т. 1. 427 с.
- Шнейдер К. И.** Образы Запада и России в представлениях русских либералов // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2009. Вып. 27. С. 245–262.
- Guelzo A. S.** *Fateful Lightning: A New History of the Civil War and Reconstruction*. Oxford; New York: Oxford Uni. Press, 2012. 576 p.
- Rhodes J. F.** *History of the Civil War, 1861–1865*. New York: The Macmillan Company, 1919. 454 p.

Список источников

- Альбертини Н.** Северная Америка и Англия // *Отечественные записки. Журнал учено-литературный и политический (Журнал литературный, политический и ученый) (далее – ОЗ)*. 1862. № 140. С. 482–513.
- Иностранное военное обозрение // *Военный сборник*. 1865. Т. 42, № 3. С. 77–81.
- Перед грозой. Роман из американской жизни и нравов // *ОЗ*. 1865а. № 160. С. 649–668; 1865б. № 161. С. 320–348; 1865в. № 162. С. 64–102.
- Политика. Расторжение Северо-американского Союза // *Современник. Журнал литературный и политический*. 1861. Т. 85, № 1. С. 153–181.
- Политическое обозрение. Дела в Америке // *ОЗ*. 1861. № 135. С. 90–93.
- Политическое обозрение. Начало междоусобной войны в Америке // *ОЗ*. 1861. № 136. С. 53.
- Политическое обозрение. Положение дел в Америке. *ОЗ*. 1861. № 138. С. 55–56.
- Политическое обозрение. Последние известия // *Время. Журнал литературный и политический*. 1861. Т. 5, № 10. С. 66.
- Политическое обозрение. Северо-американский кризис // *ОЗ*. 1861. № 134. С. 87–92.
- Современная хроника. Известия из Северной Америки // *ОЗ*. 1864. № 156. С. 949–982.
- Современная хроника. Политическая хроника // *ОЗ*. 1865. № 159. С. 205.
- Южные генералы; кто они, и что они сделали // *ОЗ*. 1865. № 162. С. 41–43.
- Sedley H.** *Dangerfield's Rest: or, Before the Storm: A Novel of American Life and Manners*. New York: Sheldon & Co., 1864. 392 p.
- Snow W. P.** *Southern Generals, Who They Are, and What They Have Done*. New York: C. B. Richardson, 1865. 473 p.

References

- Arustamyan L. R.** *Amerikanskaya problematika v russkoi periodicheskoi pechati (1841–1856 gg.) [American Agenda in the Russian Periodicals (1841–1856)]*. Diss. Cand. Hist. Sci. Moscow, 1992, 200 p. (in Russ.)
- Arustamyan L. R.** *Amerikanskaya tema na stranitsakh “Otechestvennykh zapisok” (1841–1856) [American Theme on the Pages of “Domestic Notes” (1841–1856)]*. In: *Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook]*, 1991. Moscow, 1992, pp. 93–103. (in Russ.)

- Bondarchuk D. V.** Zapad v voobrazhenii russkikh liberalov 60-kh gg. XIX v. (na materialakh “Otechestvennykh zapisok”) [The West in the Imagination of Russian Liberals of the 60s of the 19th Century (Based on the Materials of “Domestic Notes”)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 10, pp. 77–87. (in Russ.)
- Burin S. N.** Na polyakh srazhenii grazhdanskoi voyny v SShA [On the Battlefields of the American Civil War]. Moscow, Nauka, 1988, 172 p. (in Russ.)
- Fletcher G. Ch.** Istoriya Amerikanskoi voyny: 1861–1865 [The History of the American War: 1861–1865]. St. Petersburg, Tipografiya A. Golovacheva, 1865, vol. 1, 427 p. (in Russ.)
- Guelzo A. S.** Fateful Lightning: A New History of the Civil War and Reconstruction. Oxford, New York, Oxford Uni. Press, 2012, 576 p.
- Ivanov R. F.** Avraam Linkol’n i Grazhdanskaya voyna v SShA [Abraham Lincoln and the American Civil War]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 448 p. (in Russ.)
- Ivanov R. F.** Konfederativnye Shtaty Ameriki (1861–1865 gg.) [The Confederate States of America (1861–1865)]. Moscow, Institut voennoi istorii RAN, 2002, pt. 1, 276 p.; pt. 2, 255 p. (in Russ.)
- Kazakova O. Yu.** Amerika i amerikantsy v otsenke russkogo obshchestva, konets 1850-kh – 1867 g.: Sotsiokul’turnye aspekty vospriyatiya [America and Americans in the Assessment of Russian Society, Late 1850s – 1867: Socio-cultural Aspects of Perception]. Diss. Cand. Hist. Sci. Orel, 2000, 250 p. (in Russ.)
- Kazakova O. Yu.** Amerikanskaya demokratiya i grazhdanskaya voyna: vzglyad iz Rossii (po materialam russkoi pressy 1861–1865 gg.) [American Democracy and the Civil War: A View from Russia (Based on Materials from the Russian Press of 1861–1865)]. In: Demokratiya i obshchestvennye dvizheniya: Istoriya i obshchestvennaya mysl’ [Democracy and Social Movements: History and Social Thought]. Volgograd, 1998, pp. 57–61. (in Russ.)
- Kazakova O. Yu.** Amerikanskaya tema v gazetnoi periodike poreformennoi Rossii (1850–1860-e gg.): Ot informatsii k obrazu [American Theme in Newspaper Periodicals of Post-reform Russia (1850–1860s): From Information to Image]. In: Americana. Volgograd, 2006, iss. 8, pp. 58–95. (in Russ.)
- Kuropyatnik G. P.** Grazhdanskaya voyna v Severnoi Amerike. 1861–1865 [The Civil War in North America. 1861–1865]. Moscow, Nauka, 2009, 354 p. (in Russ.)
- McPherson J.** Boevoi klich svobody: Grazhdanskaya voyna 1861–1865 [The Battle Cry of Freedom: The Civil War 1861–1865]. Yekaterinburg, Gonzo Publ., 2012, 976 p. (in Russ.)
- Rhodes J. F.** History of the Civil War, 1861–1865. New York, The Macmillan Company, 1919, 454 p.
- Schneider K. I.** Obrazy Zapada i Rossii v predstavleniyakh russkikh liberalov [The Images of the West and Russia as Viewed by Early Russian Liberals]. *Dialog so vremenem. Al’manakh intellektual’noi istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review], 2009, iss. 27, pp. 245–262. (in Russ.)
- Suponitskaya I. M.** Antinomiya amerikanskogo Yuga: svoboda i rabstvo [Antinomy of the American South: Freedom and Slavery]. Moscow, IVI RAN, 1998, 218 p. (in Russ.)

List of Sources

- Albertini N.** Severnaya Amerika i Angliya [North America and England]. *Otechestvennye zapiski. Zhurnal ucheno-literaturnyi i politicheskii* (Zhurnal literaturnyi, politicheskii i uchenyi) [Domestic Notes. Scientific-literary and Political Magazine (Literary, Political and Scholarly Magazine) (OZ)], 1862, no. 140, pp. 482–513. (in Russ.)
- Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign Military Review]. *Voennyy sbornik* [Military Collection], 1865, vol. 42, no. 3, pp. 77–81. (in Russ.)

- Pered grozoi. Roman iz amerikanskoi zhizni i nraov [Before the Storm. A Novel from American Life and Morals]. *OZ*, 1865, no. 160, pp. 649–668; 1865, no. 161, pp. 320–348; no. 162, pp. 64–102. (in Russ.)
- Politika. Rastorzenie Severo-amerikanskogo Soyuza [Policy. Dissolution of the North American Union]. *Sovremennik. Zhurnal literaturnyi i politicheskii* [*The Contemporary. Literary and Political Journal*], 1861, vol. 85, no. 1, pp. 153–181. (in Russ.)
- Politicheskoe obozrenie. Dela v Amerike [Political Review. Affairs in America]. *OZ*, 1861, no. 135, pp. 90–93. (in Russ.)
- Politicheskoe obozrenie. Nachalo mezhdousobnoi voyny v Amerike [Political Review. The Beginning of the Internecine War in America]. *OZ*, 1861, no. 136, pp. 53. (in Russ.)
- Politicheskoe obozrenie. Polozhenie del v Amerike [Political Review. The State of Affairs in America]. *OZ*, 1861, no. 138, pp. 55–56. (in Russ.)
- Politicheskoe obozrenie. Poslednie izvestiya [Political Review. Latest News]. *Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii* [*Time. Literary and Political Magazine*], 1861, vol. 5, no. 10, p. 66. (in Russ.)
- Politicheskoe obozrenie. Severo-amerikanskii krizis [Political Review. The North American Crisis]. *OZ*, 1861, no. 134, pp. 87–92. (in Russ.)
- Sedley H.** Dangerfield's Rest: or, Before the Storm: A Novel of American Life and Manners. New York, Sheldon & Co., 1864, 392 p.
- Snow W. P.** Southern Generals, Who They Are, and What They Have Done. New York, C. B. Richardson, 1865, 473 p.
- Sovremennaya khronika. Izvestiya iz Severnoi Ameriki [The Modern Chronicle. News from North America]. *OZ*, 1864, no. 156, pp. 949–982. (in Russ.)
- Sovremennaya khronika. Politicheskaya khronika [The Modern Chronicle. Political Chronicle]. *OZ*, 1865, no. 159, pp. 205. (in Russ.)
- Yuzhnye generaly; kto oni, i chto oni sdelaali [The Southern Generals; Who They Are, and What They Have Done]. *OZ*, 1865, no. 162, pp. 41–43. (in Russ.)

Информация об авторе

Виталий Викторович Прилуцкий, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57202783895
WoS Researcher ID O-3625-2017

Information about the Author

Vitaliy V. Prilutskiy, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57202783895
WoS Researcher ID O-3625-2017

Статья поступила в редакцию 28.12.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 27.04.2024
The article was submitted on 28.12.2023;
approved after reviewing on 14.03.2024; accepted for publication on 27.04.2024

Научная статья

УДК 94(594)+94(595)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-65-81

A Comparative Perspective of Educational Policies of the Netherlands in Indonesia and Great Britain in Malaya during the 19th and 20th Centuries

Tran Xuan Hiep¹, **Nguyen Huu Phuc**², **Le Hoang Kiet**³
Nguyen Tuan Binh⁴, **Tran Thi Tho**⁵

¹ Dong A University
Da Nang, Vietnam

² Historical Science Association of Thua Thien Hue province
Hue, Vietnam

³ Can Tho University
Can Tho, Vietnam

⁴ University of Education, Hue University
Hue, Vietnam

⁵ FPT University (Danang Campus)
Da Nang, Vietnam

¹ hieptx@donga.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0002-5236-993X>

² thienphuc2509history@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4582-711X>

³ kietnckh1999@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-9878-711X>

⁴ nguyentuanbinh@hueuni.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9968-1952>

⁵ thott7@fe.edu.vn, <https://orcid.org/0009-0008-4967-0159>

Abstract

This paper comparatively examines the educational policies of the Netherlands in Indonesia and Britain in Malaya during the 19th – 20th centuries from the perspective of post-colonial theory. By using historical documents and synthesizing existing literature, the study reveals similarities and differences in their approaches. Notably, both implemented a “dual education” system, separating indigenous and Western-oriented education tracks, while adopting secular curricula and centralized administration. The Dutch were more flexible in language policies, whereas the British enforced stricter linguistic segregation. Influenced by the “divide and rule” strategy, segregated school systems for each ethnic group emerged, fostering communal divides. However, these policies inadvertently facilitated modernization, mass education, and female literacy. Moreover, they unintentionally nurtured an intellectual class that catalyzed nationalist movements. While serving colonial interests, the educational reforms laid foundations for modern, diversified education systems in post-colonial Indonesia and Malaysia. The paper contributes insights into colonial legacies and their complex ramifications on Southeast Asian societies development trajectories. It underscores how education served as a double-edged sword, both consolidating colonial rule and sparking movements towards independence and progress.

Keywords

colonial education, native Malay community, Indonesian community, British colonial government, Dutch colonial government

For citation

Tran Xuan Hiep, Nguyen Huu Phuc, Le Hoang Kiet, Nguyen Tuan Binh, Tran Thi Tho. A Comparative Perspective of Educational Policies of the Netherlands in Indonesia and Great Britain in Malaya during the 19th and 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 65–81. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-65-81

© Tran Xuan Hiep, Nguyen Huu Phuc, Le Hoang Kiet,
Nguyen Tuan Binh, Tran Thi Tho, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 65–81
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 65–81

Сравнительное исследование образовательной политики Нидерландов в Индонезии и Великобритании в Малайе в XIX–XX веках

Чан Суан Хиеп¹, Нгуен Хыу Фук², Ле Хоанг Кьет³
Нгуен Туан Бинь⁴, Чан Тхи Тхо⁵

¹ Университет Донг А
Дананг, Вьетнам

² Научная историческая ассоциация провинции Тхыатхьен-Хюэ
Хюэ, Вьетнам

³ Университет Кантхо
Кантхо, Вьетнам

⁴ Университет Хюэ
Хюэ, Вьетнам

⁵ Университет FPT (кампус в Дананге)
Дананг, Вьетнам

¹ hieptx@donga.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0002-5236-993X>

² thienphuc2509history@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4582-711X>

³ kietnckh1999@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-9878-711X>

⁴ nguyentuanbinh@hueuni.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9968-1952>

⁵ thott7@fe.edu.vn, <https://orcid.org/0009-0008-4967-0159>

Аннотация

Предпринимается сравнительный анализ образовательной политики Нидерландов в Индонезии и Великобритании в Малайе в XIX–XX вв. в контексте постколониальных исследований. Цель статьи – выявление сходств и различий в образовательной политике двух колониальных администраций. Отмечается, что оба государства внедрили систему «двойного образования», создав параллельные образовательные системы: вестернизированную и локализованную, внедрив при этом повсеместно светские учебные программы и централизованное управление в образовании. Сравнение показывает, что голландские власти были более гибкими в языковой политике, тогда как британские ориентировались на более строгую языковую сегрегацию. Под влиянием стратегии «разделяй и властвуй» возникла сегрегированная школьная система для каждой большой этнической группы (параллельно с системой вестернизированных школ), что должно было препятствовать их объединению. Однако эта политика непреднамеренно способствовала модернизации, внедрению массового образования и женской грамотности. Более того, новая образовательная система впоследствии воспитала слой местных интеллектуалов, которые стали лидерами национально-освободительных движений. Образовательные реформы XIX–XX вв. заложили основу для диверсифицированных систем образования в современных Индонезии и Малайзии. Делается вывод о сложности колониальных процессов, в рамках которых образование служило «обоюдоострым мечом», одновременно укреплявшим систему колониального управления и стимулирующим модернизацию местных сообществ, результатом которой была борьба за национальную независимость.

Ключевые слова

колониальное образование, сообщество коренных малазийцев, индонезийское сообщество, британское колониальное правительство, голландское колониальное правительство

Для цитирования

Чан Суан Хиеп, Нгуен Хыу Фук, Ле Хоанг Кьет, Нгуен Туан Бинь, Чан Тхи Тхо. Сравнительное исследование образовательной политики Нидерландов в Индонезии и Великобритании в Малайе в XIX–XX веках (на англ. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 65–81. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-65-81

After occupying the colonies, what both Dutch and British wished for was political stability, with qualified personnel who could be loyal to, obey and had gratitude with the colonial governments. In that consideration, all plans to propagate Western religion and civilization would face hassles when educational policies could not grow their roots in the native lands. Along with the invading troops, all the wishes above went to educational foundations built up by the Dutch and British educators. When talking about the roles of education in occupying the colonies, Georges Hardy, a theorist of colonial education emphasized: “We also wanted to grasp native people’s hearts and

erase all misunderstanding among us... Appreciating their lands and helping them cling to our cause were the targets of the spiritual conquer. This invasion was longer lasting and brighter than prior, but was ample and hence, needed praising. No other tools might be able to help but the schools..." [Phuong, 2020, p. 31]. Besides, through educational policies, colonial government could gain control of native people's ideology.

Until the end of the 19th century, after prevailing all over the Malay peninsula, British colonial government applied suitable education patterns for each ethnic community. In the meantime, in Indonesia, the Dutch colonial government also implemented various educational revolutions so as to support their governing and calm down international opposing views against their exploit policies on the new land. Both Dutch education in Indonesia and British education in Malaya reflected basic innovations of the mother countries during the time. This study employs a multi-method approach, combining historical research methods with logical analysis, synthesis, and comparative techniques, situated within the theoretical framework of postcolonial theory, the authors would like to go into deep analysis of each educational policy that Dutch and British colonial governments employed in Indonesia and Malaya, as well as come to the resemblances and dissimilarities between them.

To fully contextualize the educational policies implemented by colonial powers in Southeast Asia, it is crucial to understand how they conceptualized the role and function of education differently in their colonies as opposed to their home countries. In Britain and the Netherlands, education was seen as a vehicle for social mobility, intellectual advancement, and national development [Phuc, 2018; Van, 2011]. However, in their colonies, the perspective shifted dramatically. Colonial administrations primarily viewed education as a means of maintaining control, creating a class of subordinate civil servants, and fostering allegiance to the empire [Suratminto, 2013].

While education in the metropole was aimed at producing knowledgeable citizens and future leaders, colonial education was deliberately limited in scope and access. It sought to create a small educated elite who could serve as intermediaries between the colonizers and the colonized masses, while simultaneously preventing the spread of ideas that might challenge colonial rule. This stark contrast in educational philosophy – empowerment at home versus control abroad – laid the foundation for the establishment of parallel and often discriminatory educational systems in the colonies. Understanding this fundamental difference in perspective is essential for comprehending the motivations and repercussions of colonial educational policies in Indonesia and Malaya.

Postcolonial theory provides new concepts and perspectives to evaluate the cultural, political, economic, and social legacies left by imperial powers in former colonies. According to this theory, colonial powers employed strategies such as "divide and rule", racial and class-based discrimination to maintain their dominance. However, the processes of invasion and colonial rule also inadvertently catalyzed social changes, contradictions, and subsequent liberation movements [Azim, 2008, p. 236].

In the context of researching the educational policies of the Netherlands and Britain in Indonesia and Malaya, postcolonial theory helps identify the strategies employed by colonial government in establishing parallel education systems to divide and control different ethnic communities. Simultaneously, it allows for an assessment of the complex impacts of these policies – both consolidating colonial rule but also facilitating the modernization process and laying foundations for later educational development.

Based on this theoretical framework, the study utilizes historical research methods to examine primary and secondary sources related to the educational policies and practices implemented by the Dutch and British colonial authorities. The logical analysis method is employed to systematically evaluate the rationales, objectives, and implications of the adopted educational policies. The synthesis method helps integrate information from various sources to construct a comprehensive overview of the educational landscape during this period. Finally, the comparative method allows for juxtaposing and identifying similarities and differences in the educational policies of the Netherlands and Britain, as well as analyzing the unique contextual factors that influenced policy formulation and implementation.

By combining these complementary methodological approaches and the postcolonial theoretical framework, the study aims to provide a multidimensional and in-depth understanding of colonial educational policies, their underlying motivations, and their complex impacts on the socio-political contexts of Indonesia and Malaya during the period under investigation.

After Vereenigde Oost-Indische Compagnie (VOC) was broke off and dissolved in 1799, Dutch government started their direct control over Colonial Indonesia. Under the reign of Dutch Government, Indonesian education was executed and managed directly by the colonial government in order to universalize Dutch culture. However, it could be said that the foremost objective of the educational policies that the Netherland “implemented in Indonesia did not aim at civilizing the indigenious people here, not at developing Indonesia as well. The main target of the education that the colonial government was conducting on this isle was to train a staff of agents for their exploitation in and control over the colonial states” [Phuc, 2018]. Therefore, the educational policies with that aim belonged to a system of policies for “Divide and Conquer”, and “Unite and Conquer” of the colonial government, so as to maintain the benefits of Dutch people and partly helped to limit the objection of native people.

At first, Dutch government only founded schools “to educate children from Western families, half-blooded, and a very small number of young people from native, high-class origins” [Khanh, 2012, p. 247]. Their schools were generally erected in the quarters of Western people or residential areas of high-class Indonesian, established by Dutch government or Churchmen. Indigenous low-class people and farmers could go to Islam’s schools of Pasentren¹, or had home schooling.

Nevertheless, under the influence of liberal politics, which was developing and had big impact throughout Europe, educational policies for colonial areas, including Indonesia, gained more priority. Especially in 1871, the Dutch governor issued an Educational Decree, which emphasized the construction of public education in Java and other islands in Indonesia. Also starting at this time, when the new Educational Law Suit was published, Westernized Primary Schools expanded their admission for different categories of children. Besides, also in accordance with this rule, teacher training got more focus and many public primary schools were built in different areas. “The number of public primary schools were expanded in Java and Madura, a rise from 82 schools in 1873 to 193 ones in 1883, and in all other islands from 117 schools to 284 schools” [Suwignyo, 2012, p. 52].

As regarded the demand of governing the colony, the Dutch – since the late 1890s – were more concerned with constructing a schooling system. “Until 1893, the Dutch only opened two systems of schools specializing for indigenous people; one was Local First-ranked Schools for children from noble families and mandarins (Priyayi), and the other was local, second-ranked schools to provide basic education for children from different social classes, mainly poor urban and rural commoners” [Khanh, 2012, p. 247]. This can be considered an important key point and an education reform that the Netherland performed to meet the need of controlling and developing education in Indonesia. Concerning this issue, Agus Suwignyo evaluated: “1893’s Educational reform pathed the way for Indonesian children, instructing the people to be educated in Western patterns, and partly helped expand opportunities for learning in a wider range for Indonesians” [Suwignyo, 2012, p. 53]. The curricula of two schools were: First-ranked would provide such subjects as mathematics, Indonesia geography, Indonesia history, arts and geomatics; while children of Second-ranked institutes only learned how to read and write in their native languages, and geomatics; besides, they could also take one of the other subjects taught in First-ranked schools. At first, Dutch language was not taught, only native or Malay languages were employed in teaching and learning. Until 1907, the Dutch language was introduced as a subject. Accordingly, school age for primary level was stipulated to be between 6 and 17 years of age.

Another crucial milestone to mark the development of Indonesian education was the publication of “Innovative Line” for Colonial Indonesia by the Dutch Queen in 1901. “In real nature, those phi-

¹ Before the import of Western education, traditional education in Indonesia was religious, with impacts from Hinduism and Buddhism (5th – 13th centuries) and Islamic education (from 13th century – now).

losophies confirmed that an empire's governing should be win-win; it is not recommended to consider the colonies as a source of profits; and a country's strength is a common, better commitment, education, benefit for native people; and above all, help them approach Western cultures, ideologies and technology" [Christie, 2000, p. 29–30]. Accordingly, native people would gradually be able to self-govern and have equal rights in approaching promotion chances in their work. In order to carry out these missions, the colonial government constructed people's banks, provided many forms of budgets to support people, focused on medical investment and expanded the educational and training system. It can be assured that these were improved activities and *"at the same time minimized the conflicts between Indonesian people and Colonist Netherland"* [Tong, 1992, p. 43].

Accordingly, the number of vocational programs for graduated students from primary schools were more focused. Also from the year 1901, the Dutch commenced establishing a system of college and university education in public sector, especially in the majors of agriculture and law. This can be seen as the second educational reform of the Dutch colonial government implemented in Indonesia. In 1903, the first School of Agriculture was constructed in Indonesia. By the year 1907, The School of Veterinary Medicine had been built, followed by the School of Law in 1908. Then came the Business School (1915) and School of Agriculture Education (1917). To support the teaching and training, the colonial government also erected buildings for labs, which were equipped with necessary educational aids for those schools; however, the quantity was not sufficient. Nonetheless, the lack of budget, especially in the economic crisis (1929–1936), led to hardship for the schools' performance. In the meantime, due to the absence of career support of the colonial government, many students went unemployed after graduation.

A prominent point in the educational policies of the Netherland in 1907 was when Governor Van Huezt initiated the foundation of Village Schools (Desa school). "Each or several villages constructed a school, usually from the free materials provided by the government, and contributed an annual amount of 90 guiders for maintenance" [Hall, 1997, p. 1081]. The colonial government would provide teachers and course books for education. In some Village Schools, parents had to pay tuition fees, but generally they were free for the whole 3 school years with local tongues as teaching languages. The aim of Village Schools was to eliminate illiteracy among rural children, as the subjects were merely reading, writing and calculating. With the efforts of the colonial government, the number of Village Schools for boys and girls went up annually (see table 1).

Table 1

Number of Village Schools and pupils
in Java and Madura

Year	School number	Pupil Number	
		Male	Female
1910	1,161	66,125	5,114
1911	1,740	99,757	7,295
1912	2,531	157,048	9,917
1913	2,948	187,046	12,670
1914	3,521	223,450	15,965
1915	3,696	242,436	18,691
1916	4,006	269,458	24,413
1917	4,185	274,113	25,403
1918	4,473	270,551	26,331

Source: [Penders, 1968, p. 100].

Another noted point, and also a common feature in comparison to British educational policies in Malaya, was that the Dutch government established the "dual education" policy in Indonesia,

in which the Netherlands allowed native education and Westernized education to be run in parallel (see fig. 1). This favoured the maintenance of traditional education, and afterwards, thanks to the contact with Western education, natural science subjects were introduced in to the curriculum of Mardasa, along with religion subjects in Islam's school system. When European Primary Schools (Europesche Lagere School – ELS) (see fig. 2), Hollander-Chinese School (Hollandsch Chineesche School – HCS), Holladsch Inlandsche School – HIS were converted from First-ranked schools since 1914, Hogere Burger School – HBS, Meer Uitgebreid Lager Onderwijs (MULO) and Algemeen Middelbare School – AMS, along with other colleges and universities were categorized into Western-oriented educational system. The distinctive point between these two educational systems was that the Western-oriented educational system had all education levels from primary, secondary to college and university, with better educational environment, in comparison to Local Education. With this difference, the colonial government, unintentionally, created a new inequality among learners after graduation, “with the same qualifications, in the same major, even with more qualified academic results, the promotional routes of native people were always harder. In addition, there existed ethnic discrimination in payment. In the same job, native Indonesians were forced to accept lower salary than their Dutch or European-Asian half-blooded colleagues” [Khanh, 2012, p. 248].

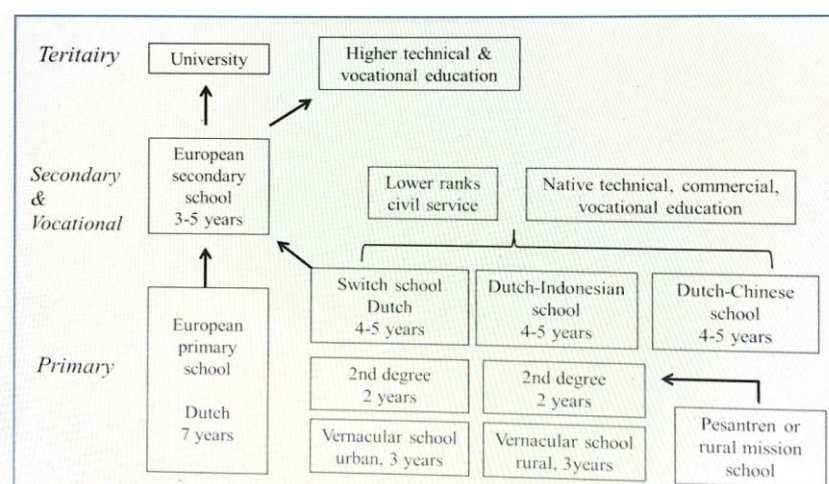

Fig. 1. Educational System in Indonesia under Dutch colony.

Source: [Frankema, 2013, p. 314]

Fig. 2. Hollandsch Chineesche School.

Source: Indonesia National Archives

In the meantime, the colonial government also sent many Indonesian students to the Netherland for training. This overseas study formed an intellectual class with Western education in Indonesian society at the beginning of the 20th century. Thank to attending schools in the Netherland, some Indonesian people had chances to approach Western democratic ideology. It was these people who became the key persons in Indonesia's revolutions for people's liberation in the years 1920–40s, and in the fights against Japan's conquers in 20th century.

Along with consolidating the administrative and law regime, as well as exploiting the colony economically, the British government advocated in strengthening the promulgating of Western – British-oriented – education and lifestyle in Malaya. Through education, promulgation and assimilation in culture can be performed as one of the main aims of the Great Britain's colonists. In colonial Malaya, as well as Mianmar, India and others, the Great Britain carried out their viewpoint that said “educational policies had to be constructed so as to be adaptive to each ethnic group and suitable for political roles, as well as unique economic position of each group in colonial social structure” [Van, 2011]. With that objective, educational policies were implemented by the colonial government in the policy system of “Divide and Conquer”, so as to prevent the ethnic groups of Malay, Chinese and Indian from uniting to oppose the British people, and consolidate their political positions in the colonies.

With the aim of maintaining their position in Colonial Malaya, besides political-economical tactics, the Great Britain employed education as an effective tool for their “Divide and Conquer” policy. With that interference, the British government used educational policies to separate the Native Malay communities from Indian, Chinese Immigrant communities in different states of Malaya. In order to be adaptive to each group, Malaya's education was divided by the British government into 4 different school systems, namely British Schools, Malay Schools, Chinese Schools and Indian Schools, with respective teaching languages of English, Malay, Chinese and Tamil. With mother tongues as the educating languages, those schools were constructed for each particular ethnic group, and hence, learners obviously could not attend schools of other communities.

From the perspective of its real nature, maintaining different school systems emphasized the dissimilarities in ethnic's histories and cultures, the factors that helped to protect the distinctive features of the ethnic groups in Malaya, China or India. The existence of these three school systems was originated from the demands for learning of the communities; and, in the meantime, could be considered as a way for the colonial government to easily implement their policy of “Divide and Conquer”. As a result, the only places for various ethnic communities to communicate, understand and respect each other were the English Schools, and thus, they can feel closer to English people. “The spoke English, dressed as Westerners, favoured English sports (including horse racing and gambling), and sent their sons to English Universities. Many of them became Britianized and lost the connection with their traditional culture” [Stevenson, 1975, p. 13–14].

In their educational policies, British government especially paid attention to implementing the policy of “dual education” for native Malaya community. To keep the original political roles and economical positions of the noble class as well as commoners in Malaya, British people founded and tried to carry out the policy of “dual education”. The system of “dual education”, or so-called “dualism in education”, means that British government maintained two paralleled educational systems, with local education on one side and Western-oriented education on the other side. Since the year 1876, budgets for education to support Chinese and Indian school were requested to cease, instead, British government commenced their investment into the dual education in English and Malay native language. Accordingly, the colonial government of the Great Britain would “implement an ‘elite’ educational program for the noble class and a ‘countryside-oriented’ educational program for commoners” [Van, 2011]. The target of this dual policy was “on the one hand, the colonial government gained the agreement from Malay's noble class; and, on the other hand, limited the development of not only intellectuality but also economic power of people from lower social classes, and hence, prevented the political ‘awakening’ of this vast social force” [Van, 2011].

Constructing Malaya's schools was a vital part in the "dual education" policy for native Malaya community. With the perspective of avoiding taking people away from their farms or making the commoners satisfied with their current state, an education full of "rural features" for holding farmers back was preferred by British people. Through the policies of British government, pupils from these schools would only be provided with elementary knowledge, which was sufficient for Malaya farmers to read, write, do calculation on the most basic ways, fundamental skills – such as gardening, fishing, handcraft techniques and knowledge of Malaya's history and geography. For higher educational levels, the colonial government of the Great Britain gifted very few chances for Malaya farmers to contact. Consequently, if wishing to continue to higher education, Malaya students had to attend two-year particular switching classes specializing in English language. The main language for education in Malaya school was decided to be native Bahasa Melayu. However, British people implemented a plan to Latinize Malaya language and introduced Latin into schools, in parallel with native language. Evidently, native Malaya schools in this dual education policy robbed Malaya farmers' children of their social promotional opportunities.

Regarding the noble class of Malaya, British government would grant them an "elite" education of British pattern to make them the future leaders, and, at the same time, complete their aim of "luring" the respect and loyalty of Malaya's noble class through expanding their commitment in the new administrative units (see fig. 3). For the noble class of Malaya, they also recognized British education as a means for their children to achieve higher levels in the government; nonetheless, a majority of them still paid little interest in this so-called new innovative education. Due to that fact, British government implemented various policies to prioritize children from Malaya's noble families, so as to improve this state of education. However, the results were not as expected by British people when "the total population of Malaya was 310.000, but only 2.636 people were employed at administrative offices of the government, in whom 1.175 were merely policemen" [Van, 2011]. To improve this reality, R. J. Wilkinson – after being appointed as School Inspector at Federal Malaya States (FMS) – carried out a new policy to found special schools that allow Malaya people from lower social classes to attend after gaining excellent academic achievement and being fluent in English.

Fig. 3. Malaya upper social class at Malaya College, 1906
Source: Malaysia National Archives

In regard to the community of Chinese immigrants (see fig. 4) and Indian Immigrants (see fig. 5), they could easily approach English schools, without any obstructions. It's the reason why admission rates of Malayan people were always lower than those of Chinese and Indian people. "A 1924's report pointed out that among the 32.873 students of English schools, there were about 90% learners from immigrant communities. Chinese students took the major part with more 61%, 14% went to Indians, while Asia-European half-blooded took 11%, although they occupied only 2% of the whole population" [Ozay, 2011].

Fig. 4. Chinese pupils in Chinese School for Girls
Source: Malaysia National Archives

Fig. 5. Alsagoff Arabic School – founded in 1912 for pupils from Indian community in Indonesia.
Source: <https://skssec2hi2i2grp1.weebly.com/education/education-during-the-british-rule>

To meet the demand in labor force and the performance of the policy “using native people to control native people”, British government increasingly built up a public educational system in English language from primary to university level for upper social classes of Malaya people. Raffles Institute – a public secondary school in British pattern was founded in 1873 in Singapore, two schools in new patterns were erected in Perak in 1878 and 1883, followed by Medicine University (1909), States Vocational College (1926), Successive Polytechnic College (1931). Since the 1920s, a system of libraries was built at various schools, especially in English ones, which was a considerable improvement in the infrastructure and effective support for the implementation of educational policies in colonial Malaya (see table 2).

Table 2

Number of libraries in English Schools at Strait Settlement
(1921–1932)

	1921	1926	1930	1932
Number of English schools	40	45	50	54
Number of Schools with libraries	15	27	37	39
Rate	38	60	74	72

Source: [Han, 2009, p. 71].

Thank to many advantages in approaching education via English language, most of Chinese children were able to continue to join universities in Malaya or Great Britain after graduating from secondary schools. Therefore, Chinese people not only played the main role in developing modern economy of colonial Malaya but also were the community holding important positions in colonial government; meanwhile, native Malaya people rarely had chances to attend these schools.

It can be said that, with the interference of the “Divide and Conquer” policy of British people, an educational system with four school systems, as well as the “dual education” policy, was applied in Malaya, which resulted in thorough separation among the ethnic communities, or even within each community. Nonetheless, the presence of British people brought about changes in educational patterns in Malaya, which as outdated before. All these factors, all sectors of education in the period from 1816–1941 was so new to native Malaya people and a proof of education modernization.

Next, we would like to conduct a comparative analysis of educational policies: Dutch for Indonesian and British for native Malaya community.

First, a secular, modern and thorough educational content.

Throughout the conquering time of colonial government, Indonesia’s and Malaya’s education had big improvements, with fundamental and thorough changes in secular directions. Among them, the shift in education from religion education in western educational pattern could be seen as a prominent distinction in the secularization of education in Indonesia and Malaya. It can be said that secularizing education is a distinctive phenomenon of South-East Asia’s education in the current time and in reality, it was imported into South-East Asian countries in general, and in Malaya, Indonesia in specific, in colonial period.

Returning to the time before the 19th century, classes of Qur’an bible, Pesantren, Pondok were common traditional education in all villages of Indonesia and Malaya. The teaching and learning took place mainly at the churches of private houses of religious men in charge, and the main educational content was religion-related subjects. Therefore, in parallel with colonial exploitation, in many ways, Dutch and British colonists step-by-step converted those religious classes into secular educational institutes through transforming them into local schools.

The biggest advantage of the education of the Dutch and the British was that it brought about an innovative education for colonial nations with western influence, including centralized manage-

ment, composing course books for different levels and subjects, focusing on practical and natural science. Obviously, the aim of founding secularized schools was to convert traditional classes of Qur'an bible in native villages. Although these classes were under the veil of religion, those cloaks gradually became faded and covered by secular coats. Under the management and control of the colonial government, local schools in Indonesia and Malaya were transformed deeply into secular educational institutes.

Besides the secularized educational programs, for the first time the Bahasa Melayu language of Indonesia and Malaya was Latinized into new written scripts and brought into teaching and learning at local schools to replace the complicated Jawa, which brought about advantages for educational acquisition. Another aspect expressing secular and modern direction was the foundation of modernized vocational and polytechnic schools in the early years of the 20th century. It can be said that this was the first time in Malaysia and Indonesia when education was managed according to legal documents, such as "Education Law", "Education Edict". Educational management units as well as managerial positions in educational sector were founded and appointed, including: Education Committee, Director of Education, Inspector of Education, and so on. In the meantime, educational policies were institutionalized, people in common and women in specific had more chances for the right of equality in education. Women's positions and rights were then improved in comparison to the past and other countries in South East Asia at the current time, when most of women were denied the rights for education in a patriarchal society with the perspective that women's main job should be house caring.

Second, an educational policy established, directly governed and managed by colonial government.

After finishing conquering Indonesia and Malaya, both Dutch and British people wanted to build up a system of education and administration to maintain their influence and create social order and stabilization. Therefore, an education system was established to train Indonesian staff, appoint them into different positions in the government and labor force (of low level), which was directly controlled by the colonial government. With the conquering policies of Dutch and British colonists, Indonesia and Malaya had a united authority for the whole country and a quite thoroughly developed education, which was better than in the previous stage. Impacts from educational policies brought about by western colonial government lifted Indonesia and Malaya to a new height, from a wild country in not only administration but also education.

Third, education deeply influenced by the "Divide and Conquer" policies of Dutch and British colonists.

Being influenced by the "Divide and Conquer" policy, Dutch and British colonial government constructed different school systems for each ethnic groups inhabited in colonial nations. British people built up 4 school systems, namely British schools, Malay schools, Chinese schools and Indian schools with respective teaching languages of English, Malay, Chinese and Tamil, which were designed for specific ethnic group speaking their mother tongue, preventing the people from joining schools of other groups. Meanwhile, Dutch people established three school patterns, namely Hollandsch Inlandsche School – HIS, Europeesche Lagere School – ELS, Hollandsch Chinese School – HCS, all of which followed westernized patterns and used Dutch as the main language; however, learners were not allowed to join schools of other communities. When giving comment on the educational programs of British people in Malaya, Chai Hon Chan confirmed: "social differences appeared between the English-educated Chinese and the Chinese-educated Chinese, as there did between the English-educated and vernacular-educated among the Malays and Indians" [Chan, 1977, p. 27].

The existence of different school patterns, on the one hand, was originated from the needs of different ethnic groups, as schools acted as the places for propagating cultural, religious values of each community; on the other hand, the most important thing was that the colonial government wanted to take advantage of that belief to maintain many local school patterns so as to make sure that although located closely, those ethnic groups could not be united into one force that might prevent the colo-

nial benefits. Obviously, the existence of different school systems resulted in regional preference, partly facilitated the formation of communalism, a risky ideology preventing the unity among ethnic groups. The consequence of this policy was that people's communities were isolated in their own cultural and social environment.

Fourth, dual education implemented by both the Netherlands and Great Britain in the colonies.

Another similarity between Dutch and British educational policies for colonial Indonesia and Malaya was the dual education implemented throughout the conquering period. With this dual educational policy, there existed an "elite" education in western orientation especially for children from noble families, and another programs with rural features for the majority of people from lower class, mainly farmers and fishers. The aim of this dual education policy was to "on the one hand, gain agreement from the upper class, and on the other hand, cease the development of knowledge and economical ability of people from lower classes, preventing liberal and independent ideologies" [Hien, 2017].

Under the influence of the "dual education" of the colonial government, the new intellectuals of Indonesia and Malaya communities were divided into two wings with two different educational systems: one followed westernized orientation and the other belonged to local education. Taking that educational system would gift promotion chances in careers, because the colonial government only recruited those trained in westernized education patterns, being fluent in foreign languages and loyal to the colonial government. Ethnic discrimination could be seen in not only in education, but also in appointment and payment. "With the same qualifications, in the same major, even with more qualified academic results, the promotional routes of native people were always harder" [Khanh, 2012, p. 248]. Consequently, along with other policies in their colonial conquering, the "dual education" policy for the noble class and farmers, Indonesian and Malay social classes, as well as European people were always in the system of "Divide and Conquer".

First, when comparing the two educational policies, it can be seen that the pattern employed by the Dutch in Indonesian communities was more lenient than that applied by British government in British Malaya. Although sharing the same target of serving the needs of the governing authorities in colony exploitation and culture synchronization, Dutch colonists permitted learners in Indonesia to have more chances to study and upgrade their knowledge. On the other hand, education for Malaya commoners followed the simplest form and limit higher education, while children from noble families were provided with programs in English, creating favourable conditions for them to approach new knowledge. Besides, Dutch education allowed learners from different classes to follow higher levels, even though they had to spent more time and took many examinations.

Second, although both Dutch and British colonists founded the dual education with the separation in the education systems for elite and common classes of people, with respective languages for teaching, Dutch people seemed to be more elastic with their flexibility in choosing languages, not as hard as British people in implementing policies on native people. The Dutch people considered their language as mandatory in westernized educational system, and Melary language was looked down on. However, in the educational programs for commoners, the Dutch still introduced their language into the curriculum, besides Melaru as the main tongue. What's more, the Dutch also established a program for higher education, providing chances to approach westernized patterns. In opposition, British people limited the chances for Malaya to contact English, the language which was only used in noble class as a means to bring the royal family closer to the colonists, while lower classed had few opportunities to get learn this language. Therefore, in order to attend English language schools, native learners had to pass many challenges and complete a 2-year English-training course in specialized classes (Remove Class) [Chuong, Linh, Phuc, 2021, p. 255].

Third, there was a lack of reformation in British educational policies in Malaya. Despite some certain changes based on background and demands, British educational policies did not have any real reformation and thus, failed to break the traditional education down. While the Dutch brought about noticeable improvements through two educational reforms, which helped westernized educa-

tion to be formed step by step throughout Indonesia, a controlled program aiming at “assimilating” native people.

The appearance of western colonialism, along with colonial governing policies in Indonesia and Malaya were considered as a factor that resulted in breaking down the traditional feudal social and economic structure which had long been in existence in these countries. Especially since the 2nd half of the 19th century, when western colonialism shifted into imperialism, both Dutch and British colonial governments wanted to become powerful countries in economy and expand their influence all over the world. Therefore, along with growing the colonial areas, colonist leaders fostered their colony exploitation in strong coordination with business profits to provide goods for exports and meet the demand of raw materials.

To comply with the international growing trends of capitalism’s manufactory process, South-East Asian countries, including Indonesia and Malaya, had to join the cycle of capitalism, which was a necessity of history. The force of Western capitalists acted as a catalyst to motivate the needs of accepting western civilization in economy, politics, culture and society. Among them, education was regarded as the core issue to change and provide conditions for national development in the following stages; especially in the current internationalization. From the educational policies of the colonial government in colonial periods, approaches to westernized educational patterns were open, shifting from religion-educating to learners’ thinking developing, approaching natural and social sciences, addressing vocational and physical training. In addition, sending native people oversea for education was also a developing trend that the whole world is aiming at. It could be admitted that, in order to integrate with modern education, education in Indonesia and Malaya in specific, and throughout South-East Asia in general, needed to be renovated, with more emphasis on vocational, physical and art training, along with an increase in foreign language education, especially English.

Indonesia and Malaya education in colonial periods had generalized features and high development. Under the impact of an improved education in westernized orientation, Indonesia and Malaya education had several important shifts, which went on to complete the secular educational system.

Regarding subjects following westernized education: Prior to the arrival of the Dutch and British people in Indonesia and Malaya, the education in these native lands were mostly based on religion, with subjects of history, literature and Islam bible, and other physical classes; but a lack of natural science – mathematics, arithmetic, etc., which lessened the effectiveness of secular education. Besides, religious classes were not clearly divided into levels as present, and thus, unsuitable for the need of development and education of learners in different age groups. In colonial era, Dutch and British government founded school that taught foreign languages, with Dutch language in Indonesia and English in Malaya introduced to curriculum, in combination with many secular subjects of natural and social science, physical and vocational training. All these helped thoroughly educate Indonesian and Malay people. In addition, the colonial government also sent learners oversea to study, providing conditions for them to acquire progressive ideologies of western countries. Well-trained and educated groups of people came into existence since the early time, such as teachers, journalists, civil servants.

Concerning educational system: With the educational policies of the Netherland and the Great Britain, a multi-level education was moulded in Indonesia and Malaysia with a full range of levels from primary, secondary to university as the highest. This was the result of various methods of the colonial government to develop the education for the majority of people, and also the foundation for Indonesia and Malaya divide educational levels as well as school ages for their modern education today.

About management pattern and methods: the construction of westernized education of the colonial government expressed the professionalism in management. The whole innovative educational system (either public or private) was under control of the authorities, from administration, course books, teaching staff to testing, evaluating and ranking academic performance, which created a uni-

ty in performance as well as training, and thus, helped to run the system effectively, increasing the training quality in the new education.

Relating to school ages: Educational policies of the Netherland in Indonesia and the Great Britain in Malaya set an earlier school age than the traditional one (6 years of age, instead of 8). This rule, at first, was appropriate with the children's physio-psychological state, as they had achieved a certain level of mental and physical development at this age, sufficient to meet the demand of learning. At present, 6-year-old is also the starting age for education applied in many countries worldwide. Secondly, two more early years in education provided children in Indonesia and Malaya with more chances for sooner contacting and acquiring modern knowledge, expanding the environment and communicating skills. Thank to that, their understanding and activeness could be soon formed, which is crucial and necessary in such a developing world like today.

The educational policies of the Dutch colonial government in Indonesia and the British in Malaya created a generalized education: from a wide country in administration and education, with those educational policies, Indonesia and Malaya were able to have a rather thoroughly developed education, much more progressive than other nations in the area. Some primary and secondary schools were even as developed as European schools. The basic aim of those policies was for colony conquering and exploitation, with school system from primary to university levels serving for training a staff work in colonial administration; however, they also had positive impact on the development of the nations, with a rapid increase in the number of schools and learners. Schools were founded everywhere, from city centers to remote rural areas.

In the implementation of the educational policies, colonial government favoured female education: when westernized patterns were applied in colonial areas, girls were allowed to go to school. From being limited in domestic science and household arts, the subjects were expanded to more general knowledge, which had big impact in increasing educational level (reading and writing ability) among women in specific and all people in general, helping to improve the rate of high education of these countries, providing favourable conditions for current international integration.

The colonial government focused on developing vocational education in Indonesia and Malaya: in the educational system founded by the colonial government, career-oriented subjects were formally introduced into curricula as compulsory ones from primary to secondary levels. What's more, there were specialized universities and colleges established for specialized training, such as pedagogy-agriculture-medicine schools. The common feature in career-oriented training within dual educational policies conducted by the Dutch and British people in Indonesia and Malaya was that vocational training was favoured and each ethnic group had its own program. This policy helped to diversify the majors, increase active ability for learners, create the foundation for them to acquire modern knowledge from the West, meeting the new social demand as well as the reconstruction of the counties after gaining independence, and then, the international integration in current days.

A progressive social class was formed from the intellectuals who joined in people's liberating movements: although the target of the Netherland and the Great Britain in implementing those educational policies was to train agents for their conquering and governing colonial people, "It's this educational system that created a force of Westernized educated people, many of whom had the ideology of nationalism, opposing to the wish of the colonial government" [Thanh, 2014, p. 39]. "It was the force that raised the national flag, leading Indonesian people into the fights for people liberation through encouraging people's culture, awakening people's awareness, asking for the rights to have freedom-equality-educational and economic development, and then moving up to gain independence in their own ways" [Tan, Loc, 2014]. Similar situations could be witnessed in Malaya, when "the 'elite' trained in English schools and supported by colonial government cooperated with the intellectuals originated from farmers and trained in local education. The latter – from the 1920s – was on the rise in number and gradually enlightened in political-ideology, becoming the opposing force not only to the colonial government, the traditional noble class, but also the intellectuals trained by British education [Khanh, 2012, p. 254].

In conclusion, from the analysis as above, the innovative education in Indonesia and Malaya showed positive features in forming innovative educational system with management patterns, teaching curricula, vocational training which were completely new to the native society with long-lasting traditional religious education. All these features are still applicable to the current educational systems of Malaysia and Indonesia, at different levels. However, that education still had many limitations when considering the subjects approached as well as the real results achieved. In other words, the limitations not only lied in the educational system founded by the colonial government but also originated from the objectives that system aimed at.

This study utilized postcolonial theory as an analytical framework to examine the educational policies of the Dutch authorities in Indonesia and the British in Malaya during the colonial period. From a postcolonial perspective, the educational policies of colonial powers were tools to reproduce their domination and exploitation of the colonies. However, this process was not simply an imposition by the ruling side but rather a complex interplay between colonial interests and unintended objective impacts.

On one hand, the educational policies in Indonesia and Malaya served the “divide and rule” strategy aimed at consolidating the empire and exploiting the colonies. The parallel education systems of Western and indigenous education reflected discrimination based on class and race. The division of the education system along linguistic and cultural differences deepened community divides, hindering the integration process in colonial society.

On the other hand, from a postcolonial viewpoint, colonial educational policies also brought about some positive unintended impacts. The introduction of the modern Western education system contributed to advancing the modernization process, promoting mass education, increasing literacy rates among the population, and opening up new educational opportunities for women. Notably, colonial education inadvertently nurtured an intellectual class that absorbed progressive thoughts, becoming the first nucleus for the national liberation movements against colonialism.

Thus, the educational legacy left from the colonial era carries an intertwined duality. It reflects the imperialist nature, racial and class discrimination; but it also inadvertently opened up the origins and foundations for the development of modern education systems in present-day Indonesia and Malaysia. These complex legacies continue to influence and create tensions within the multi-ethnic, multicultural societies of Southeast Asia. However, if viewed objectively and with goodwill, they are also valuable resources to be utilized and promoted in the era of global integration.

References

- Azim F.** Post-colonial Theory. In: *The Cambridge History of Literary Criticism*. Cambridge, 2008, vol. 9: Twentieth-Century Historical, Philosophical and Psychological Perspectives, pp. 237–248.
- Chan C. H.** Education and Nation – Building in Plural Societies: The West Malaysian Experience. Canberra, The Australian National Uni. Press, 1977, 116 p.
- Christie C. J.** Lịch sử Đông Nam Á hiện đại [Modern History of South-East Asia]. Hanoi, National Political Publ., 2000, 420 p. (in Viet.)
- Chuong D. V., Linh N. T. V., Phuc N. H.** Politiques éducatives des Anglais pour les Malaisiens indigènes et celles des Français pour les Vietnamiens (de la fin du xixe au début du xxe siècle) – étude comparative. In: *Conférence internationale l'education Franco-Vietnamienne fin du xixe – début du xxe siècle*. Hue, 2021, pp. 243–258.
- Frankema E.** Why Was the Dutch Legacy So Poor? Educational Development in the Netherlands Indies, 1871–1942. *Masyarakat Indonesia*, 2013, vol. 39, no. 2, pp. 307–326.
- Hall D. G. E.** Lịch sử Đông Nam Á [History of South-East Asia]. Hanoi, National Political Publ., 1997, 1292 p. (in Viet.)

- Han L. P.** The Beginning and Development of English Boys and Girls' Schools and School Libraries in the Straits Settlements, 1786–1941. *Malaysian Journal of Library & Information Science*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 57–81.
- Hien H. P. H.** “Chính sách giáo dục của Anh đối với người Malay” [Educational Policies of the Great Britain for Malay People]. *Vietnam Social Science Journal*, 2017, vol. 12, pp. 90–98. (in Viet.)
- Khanh T.** Lịch sử Đông Nam Á [History of South-East Asia]. Hanoi, Social Science Publ., 2012, vol. 4, 558 p. (in Viet.)
- Ozay M.** A Revisiting Cultural Transformation: Education System in Malaya During the Colonial Era. *World Journal of Islamic History and Civilization*, 2011, vol. 1, pp. 37–48.
- Penders C. L. M.** Colonial Education Policy and Practice in Indonesia: 1900–1942. PhD Thesis. Canberra, Australian National Uni. Press, 1968, 444 p.
- Phuc N. H.** “Cải cách giáo dục của Hà Lan ở thuộc địa Indonesia (1893–1901)” [The Netherland's Educational Reforms in Colonial Indonesia (1893–1901)]. *Journal of Science & Education – Hue University of Education*, 2018, vol. 2, pp. 78–87. (in Viet.)
- Phuong T. P.** Giáo dục Việt Nam dưới thời thuộc địa huyền thoại đỏ và huyền thoại đen [Vietnamese Education in Colonial Period Red and Black Legends]. Hanoi, Hanoi Publishing House, 2020, 164 p. (in Viet.)
- Stevenson R.** Cultivators and Administrators: British Educational Policy Towards the Malays 1875–1906. Oxford, Oxford Uni. Press, 1975, 240 p.
- Suratminto L.** Educational Policy in the Colonial Era. *International Journal of History Education*, 2013, vol. 14, no. 1, pp. 77–84.
- Suwignyo A.** The Breach in the Dike: Regime Change and the Standardization of Public Primary School Teacher Training in Indonesia (1893–1969). PhD Thesis. Leiden, Uni. of Leiden Press, 2012, 468 p.
- Tan N. V., Loc N. T. B.** “Nhìn lại phong trào vận động cải cách ở Indonesia, Philippines và Myanmar trong những năm cuối thế kỷ XIX đầu thế kỷ XX” [A Look Back on Movements for Improvement in Indonesia, Philippines and Myanmar in the Last Years of 19th Century and Early 20th Century]. *Journal of South East Asia Studies*, 2014, vol. 6, pp. 49–54. (in Viet.)
- Thanh H. T.** “Sự phát triển của tầng lớp trung lưu Indônêxia dưới thời kỳ trật tự mới (1966–1998)” [The Development of Indonesian Middle Social Class in the New Order Period (1966–1998)]. *Journal of South East Asia Studies*, 2014, vol. 4, pp. 38–43. (in Viet.)
- Tong H. V.** Lịch sử Indonesia (Từ thế kỷ XIV – XVI đến những năm 1980) [History of Indonesia (from 14th – 16th Centuries to 1980s)]. Ho Chi Minh, Open Education Institute, 1992, 196 p. (in Viet.)
- Van L. T.** “Chính sách giáo dục của Anh đối với cộng đồng người Malaya bản địa (từ nửa cuối thế kỷ XIX đến đầu thế kỷ XX)” [The Educational Policies of the Great Britain for Native Malaya Community (from the 2nd Half of 19th Century to Early 20th Century)]. *Journal of South East Asia Studies*, 2011, vol. 5, pp. 11–23. (in Viet.)

Information about the Authors

Tran Xuan Hiep, PhD (Politics), Associate Professor

Scopus Author ID 57212152131

Nguyen Huu Phuc, PhD Student (History)

Le Hoang Kiet, PhD Student (International Relations)

Nguyen Tuan Binh, PhD (History)

Scopus Author ID 57221775698

Tran Thi Tho, PhD (English)

Информация об авторах

Чан Суан Хиеп, PhD (политические науки), доцент

Scopus Author ID 57212152131

Нгуен Хыу Фук, аспирант

Ле Хоанг Кьет, аспирант

Нгуен Туан Бинь, PhD (история)

Scopus Author ID 57221775698

Чан Тхи Тхо, PhD (английский язык)

Contribution of the Authors:

Tran Xuan Hiep – methods, mainly responsible for the content, finalization of the text

Nguyen Huu Phuc – source material, write a draft of the article

Le Hoang Kiet – the research concept, original material

Nguyen Tuan Binh – proofreading and publishing organization

Tran Thi Tho – translate articles and process language

Вклад авторов:

Чан Суан Хиеп – методы, основное содержание, доработка текста

Нгуен Хыу Фук – источники, черновик статьи

Ле Хоанг Кьет – концепция исследования, исходный материал

Нгуен Туан Бинь – корректура, подготовка публикации

Чан Тхи Тхо – перевод статьи, языковая обработка

The article was submitted on 19.03.2024;

approved after reviewing on 30.08.2024; accepted for publication on 14.10.2024

Статья поступила в редакцию 19.03.2024;

одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 14.10.2024

Научная статья

УДК 94(410)+32.019.5

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-82-89

Советский Союз в британском общественном мнении накануне и в начале Второй мировой войны

Виктор Федорович Мезенцев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия

vicmir10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4781-1631>

Аннотация

Характеризуются основные позиции общества Великобритании в отношении СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны. На основе опросов общественного мнения, материалов британской прессы, свидетельств современников и других источников реконструируется картина представлений о роли и значении советского государства в международной политике, его воздействии на европейские и мировые процессы, последствиях принимаемых советским руководством решений. Прослеживается динамика отношения к СССР на фоне происходивших в самой Великобритании и в мире событий и процессов.

Ключевые слова

Великобритания, СССР, общественное мнение, Вторая мировая война

Для цитирования

Мезенцев В. Ф. Советский Союз в британском общественном мнении накануне и в начале Второй мировой войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 82–89. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-82-89

British Public Opinion toward the Soviet Union on the Eve and at the Beginning of the Second World War

Viktor F. Mezentsev

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch)
Russian State Professional Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russian Federation

vicmir10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4781-1631>

Abstract

The article explores British public opinion regarding the USSR on the eve of and during the early stages of the Second World War. By utilizing various sources, including public opinion polls, materials from the British press, and testimonies of contemporaries, it reconstructs perceptions of the Soviet state's role and significance in international politics, its influence on European and global events, as well as the repercussions of decisions made by Soviet leadership. In the early months of 1939, just prior to the outbreak of the Second World War in Europe, British perceptions of the Soviet Union were intricate and diverse. These viewpoints reflected a blend of historically established attitudes toward Russia and the political preferences of different segments of British society concerning the Soviet regime. As the war unfolded, these perceptions were further shaped by the rapidly changing military and political landscape in Europe, alongside the actions of the Soviet government, which were evaluated based on their influence on the course of the conflict. British society's attitude toward the Soviet state was primarily driven by the perception of the USSR as a significant and potentially valuable participant in the European confrontation, with Hitler's Germany already recognized as the principal adversary.

Keywords

Great Britain, USSR, public opinion, World War II

© Мезенцев В. Ф., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 82–89

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 82–89

For citation

Mezentsev V. F. British Public Opinion toward the Soviet Union on the Eve and at the Beginning of the Second World War. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 82–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-82-89

Проблема восприятия странами и народами друг друга играет значительную роль в международных отношениях. Представления о стране, сформировавшиеся на основе опыта взаимодействия, оказывают влияние на принятие политических решений, способствуют или препятствуют установлению дружественных отношений [Boulding, 1959]. Интерес к этой теме отразился в современной историографии появлением разнообразных работ, посвященных восприятию образа Другого, его отражению в литературе и иных культурных формах [Одиссей..., 1994].

История России и Великобритании дает обширный материал для анализа формирования представлений друг о друге на различных этапах их отношений. Одной из первых значительных работ на эту тему в отечественной историографии стала монография Н. А. Ерофеева [1982]. Большой интерес вызывает складывание взаимных представлений в периоды международных кризисов и войн, таких как канун и время Второй мировой войны – период, когда взаимоотношения Советского Союза и Великобритании отличались особой динамикой, пройдя несколько фаз от враждебности до союза. В отечественной историографии эта тема недостаточна изучена. Советско-британские отношения этого периода рассматриваются в основном на уровне официальных контактов, и лишь частично затрагивается проблема восприятия Советской России рядовыми британцами. При этом упор делается на период взаимного сотрудничества, приходящегося на 1941–1945 гг. [Наринский, Поздеева, 1995; Поздеева, 2000; Bell, 1990]. В то же время рассмотрению того, как формировалось и развивалось представление о Советском Союзе среди рядовых британцев в период, непосредственно предшествующий войне, уделено недостаточно внимания.

Реконструкция коллективного восприятия другой страны сталкивается с рядом проблем методологического и практического свойства. Разрозненность и разнохарактерность источников, которые фиксируют восприятие британцами на рубеже 1930–1940-х гг. образа Советской России, делают невозможным описать этот образ во всей полноте. Сам характер источников определяет ограниченные рамки такого исследования. Самым важным среди них является печатная пресса, которая в ежедневном режиме отражала интерес к тем или иным общественным, культурным и политическим темам. В свою очередь, пресса влияла и на восприятие определенного явления в обществе, нередко формируя его понимание. В связи с этим необходимо учитывать политическую ориентацию издания, а также контекст публикации того или иного материала [Knight, 2013].

В конце 1930-х гг. в Великобритании начинают проводиться регулярные опросы общественного мнения. Первые опросы проводил, начиная с 1937 г., Британский институт общественного мнения (BIPO), подразделение американского института Гэллапа¹. Учитывая зачаточный характер в развитии методики такого рода опросов, их использование требует особой осторожности в выводах [Bell, 1990, p. 9]. Отдельные опросы, которые ограничивались одним или двумя вопросами, как правило, сформулированными с однозначной ориентацией на определенный ответ, не позволяют в полной мере представить адекватную картину сложной структуры общественного мнения по той или иной проблеме. В то же время данные этих опросов являются заслуживающими внимания индикаторами изменений общественного мнения. Они основывались на методике опросов, предполагавших определенную репрезентативную выборку (BIPO использовал выборку в 2 000 чел.). В дальнейшем ссылки на ре-

¹ Hughes R. The Politics of Polling: Everyday Practices of Political Opinion Polling. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy Department of Politics Faculty of Social Sciences. The University of Sheffield. March 2020. URL: https://etheses.whiterose.ac.uk/27150/1/RH_Thesis.pdf (дата обращения 21.02.2024).

зультаты опросов общественного мнения в данной статье приводятся на основе сводной публикации результатов изучения общественного мнения, предпринятого Институтом Гэллага и его подразделениями за 1935–1946 гг. (Public Opinion, 1951) и данных архива Британского института общественного мнения².

В данной статье на основе различных доступных источников предпринимается попытка выделить основные мотивы, обстоятельства и тенденции, определявшие восприятие Советского Союза британским обществом накануне и в начальной стадии Второй мировой войны, в период чрезвычайно значимых изменений в международных отношениях в Европе, прямо затрагивающих отношения СССР и Великобритании.

На отношение британского общества к Советскому Союзу накануне и в самом начале Второй мировой войны влиял целый ряд факторов как исторического характера, так и тех, которые были вызваны текущей динамикой международной политической ситуации³. Отношение разных сегментов общества к Советской России также определялось уровнем образования, политической ангажированностью, характером и объемом информации, получаемой из различных каналов.

Таковыми основными каналами были пресса (газеты, еженедельники, журналы), радиопередачи и киножурналы. Немногочисленные книги об СССР, написанные как очевидцами, так и наблюдателями со стороны, дополняли образ советского государства, который складывался в сознании британской общественности.

Несомненно, самым важным источником информации были сообщения, репортажи и обзоры событий, публикуемые в печатных СМИ.

К началу Второй мировой войны в Великобритании ежедневно выпускались 14,5 млн экземпляров газет, было около 9 млн радиоприемников, документальную хронику в кинотеатрах еженедельно смотрели около 20 млн чел. [Pronay, 1982]. Из 14,5 млн экземпляров газет 10,5 млн приходилось на Лондон [Impacts and Influences..., 1987, p. 29]. Газеты представляли один из главных источников информации для большинства британцев. Газеты ежедневно читали 70 % опрошенных (Public Opinion, 1951, p. 515). Еще одним важным источником получаемых жителями Великобритании новостей было радио. Так, в ходе опросов на различные темы одновременно задавался дополнительный вопрос: есть ли у Вас радио? Свыше 80 % отвечали на этот вопрос положительно (Public Opinion, 1951, p. 1155).

Восприятие Советского Союза британской публикой в течение 1939 г. – кануна и самой начальной стадии Второй мировой войны – определялось напряженной внешнеполитической обстановкой, которая характеризует этот кризисный период. Частота упоминания СССР и отношение к нему были во многом связаны с динамикой военной опасности и попыток ее предотвратить. Анализ упоминаний Советского Союза (подсчет произведен на базе электронного архива британских газет⁴, в качестве маркеров выступали слова «Russia» и «Soviet») в газетах 1939 г. демонстрирует следующую картину (см. таблицу).

Очевидной является зависимость роста внимания к СССР от изменения внешнеполитической ситуации на протяжении предвоенных и военных месяцев 1939 г. Относительное спокойствие первых двух месяцев года сменяется резким ростом напряженности и несколькими волнами интереса к советской теме в британской прессе.

Отношение британцев к иностранным государствам, помимо исторических связей и прежнего опыта взаимоотношений, зависело от текущей политической ситуации. Опросы общественного мнения, проведенные в 1937 и 1939 гг., демонстрировали, как менялось отношение к той или иной стране вследствие изменения международной атмосферы.

² The British institute of public opinion. URL: <https://doc.ukdataservice.ac.uk/doc/2038/mrdoc/pdf/2038userguide.pdf> (дата обращения 21.02.2024).

³ Жилинская И. В. Позиция политических кругов и общественности Великобритании в отношении англо-советского сотрудничества в 1931–1939 гг. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/206297> (дата обращения 21.02.2024).

⁴ The British newspaper archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения 21.02.2024).

Количество упоминаний Советского Союза в британских газетах (1939 г.)
The number of mentions of the Soviet Union in British newspapers (1939)

Ключевое слово	Месяц											
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Russia	2 865	2 419	4 028	5 361	7 309	4 452	3 912	5 278	6 512	9 627	5 546	7 845
Soviet	1 815	1 577	2 495	3 104	5 178	3 571	3 877	5 230	6 601	9 084	5 487	8 142

В июне 1937 г. на вопрос, какие страны вам нравятся, прежде всего ответили: Соединенные Штаты (37 %), Франция (28 %), Германия (15 %), другие страны (20 %). Опрос общественного мнения, состоявшийся в июне 1939 г., отразил заметное изменение симпатий британцев. Позитивное восприятие было в отношении США (33 %), Франции (22 %), вслед за ней шла Россия (12 %). Германия вызвала положительный отклик только у 3 % аудитории. Отрицательно к Германии относились 54 %, к России – 5 %, к Франции – 1 % (Public Opinion, 1951, p. 275).

Советская Россия на протяжении предвоенного десятилетия отнюдь не находилась в центре общественного внимания. Как отмечает исследователь, «за пределами оплачиваемых Москвой крайне левых изданий СССР редко упоминался в британских газетах, а если упоминался, то в пренебрежительном тоне» [Hucker, 2018, p. 66].

Анализ содержания британских газет показывает, что упоминание Советского Союза, помимо официальной международной хроники, касается, как правило, негативных, с точки зрения обывателей, явлений: преследование верующих (Daily News, 1939, Jan. 18, p. 11), голод, унесший от трех до пяти миллионов жизней за один только год (Liverpool Echo, 1939, Jan. 18, p. 3), «чистки» в государственном аппарате (Daily Mirror, 1939, Jan. 23, p. 2).

Особое внимание было привлечено к авантюристичной истории британского инженера Брайана Гровера и советской гражданки Елены Голиус. Работавший в СССР по контракту и затем высланный из Советского Союза, Б. Гровер попытался попасть обратно, чтобы забрать любимую женщину, и с этой целью на купленном им самолете совершил несанкционированный полет, приземлившись в Калужской области, где у него закончилось горючее. Суд над ним и затем высылка из страны вместе с женой заняли большое место в британских газетах в первые недели нового 1939 г. Сама эта история с ее драматическими поворотами привлекла внимание к стране, о внутренней жизни которой у обычного британца складывалось представление обрывочное и достаточно противоречивое. С одной стороны, он мог прочитать в газете информацию о бежавшем из советского концлагеря Иване Солоневиче в связи с выходом его книги на английском (Liverpool Daily Post, 1939, Jan. 3, p. 3), а с другой – узнать, что в Советской России за последние десять лет была полностью ликвидирована безработица (Birmingham Mail, 1939, Feb. 8, p. 11) и что число учащихся средних школ в СССР составило более 16 млн, в то время как в царской России накануне Первой мировой войны число всех учеников гимназий и реальных училищ не превышало 823 тыс. (Birmingham Mail, 1939, Mar. 11, p. 10). Кроме того, регулярно появлялись материалы о мерах, предпринимаемых советским правительством в военной сфере и о том, что именно СССР является главным врагом фашистской Германии.

Положительное отношение к Советскому Союзу в этот период связано с несколькими обстоятельствами. По мнению некоторых авторов, здесь играли роль сохранявшийся ореол революционных идеалов 1917 г., участие в гражданской войне в Испании, надежды на союз против гитлеровской Германии [Wybrow, 1989, p. 6]. Такое отношение к СССР было характерно прежде всего для «левой» части аудитории [Bell, 1990, p. 29].

В январе 1939 г. в ходе опроса, проведенного Британским институтом общественного мнения, был задан вопрос, предполагавший однозначный выбор: «Если Вам нужно выбрать между коммунизмом и фашизмом, что бы Вы выбрали?». Лишь 26 % опрошенных выбрали фашизм, 74 % – коммунизм⁵.

В дальнейшем отношение к Советскому Союзу было связано прежде всего с его ролью и местом в складывавшейся весной 1939 г. ситуации в Европе. Советская Россия воспринималась как страна не близкая для Великобритании в силу ее политических и культурных особенностей, но являющаяся важным участником процессов на европейской политической арене.

Интерес к СССР и его роли в международной политике значительно увеличивается в марте 1939 г. вслед за обострением ситуации в Европе, вызванным захватом Гитлером остатков Чехословакии. В газетах появляются рассуждения о том, что даже коммунистическая Россия является меньшей опасностью, чем нацистская Германия (Birmingham Daily Post, 1939, Mar. 22, p. 8), что «единственный путь сдерживания нацистской агрессии заключается в сотрудничестве западных демократий и России» (Coventry Herald, 1939, Mar. 25, p. 5).

В марте 1939 г. в ходе опроса 84 % высказались за то, чтобы между Советским Союзом и Великобританией были дружеские отношения (Public Opinion, 1951, p. 276).

В апреле 1939 г. положительно относились к военному альянсу Великобритании, Франции и СССР более 87 % опрошенных⁶. Высокая оценка роли СССР в поддержании мира проходит через публикации мнений в газетах. «С тех пор как Россия вступила в Лигу Наций, она более привержена ее принципам, чем британское правительство. Можно утверждать, что она выступает в качестве окончательного и решающего фактора на стороне тех, кто выступает за мир» (Birmingham Daily Gazette, 1939, Apr. 4, p. 9).

Весной и летом 1939 г. симпатии к СССР находились на высоком уровне. Дипломатические контакты, начало переговоров о совместных действиях против агрессии создавали ощущение того, что участие Советской России в планируемом альянсе Великобритании и Франции и возможно, и желательно.

Образ Советского Союза как ценного потенциального союзника подкреплялся материалами, подобными сообщению о том, как увеличилось число курсантов в советских военных училищах за последние пять лет (Coventry Evening Telegraph, 1939, May 13, p. 1). В ходе опроса, проведенного в июне, положительно высказались в пользу альянса с Россией 83 %⁷.

Надежда на то, что переговоры английской и французской делегаций в Москве принесут успех в создании прочной коалиции, направленной против агрессивной Германии, находила соответствующее отражение в прессе. Об этом сообщает в своем дневнике и советский полпред в Лондоне И. М. Майский: «...колоссальная популярность идеи союза с СССР. На митингах и собраниях во всех частях страны каждое упоминание о таком союзе вызывает бурные овации» (Майский, 2006, с. 385). Это, тем не менее, не означало, что иные взгляды на природу советского государства полностью сошли на нет. «К сожалению, среди нас есть те, кто относится к такому пакту (с СССР) с большим недоверием и кто, по сути, говорит, что Россия атеистична, поэтому такой союз должен быть предотвращен, чего бы это ни стоило» (Coventry Evening Telegraph, 1939, Jul. 31, p. 4).

Современный исследователь Д. Хакер, рассматривая взаимосвязь между динамикой общественного мнения западных стран и принятием политических решений в период англо-франко-советских переговоров летом 1939 г., полагает, что с конца апреля по начало июня 1939 г. британское и французское общественное мнение, представленное прессой, выступало в пользу «Большого союза». Однако он считает, что это привело к обратному результату. «Ободренный собственным прочтением западных газет, СССР усилил свои требования, уве-

⁵ The British institute of public opinion. URL: <https://doc.ukdataservice.ac.uk/doc/2038/mrdoc/pdf/2038userguide.pdf> (дата обращения 21.02.2024).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

ренный, что внутреннее давление заставит Лондон и Париж уступить, что стало фатальным просчетом». С середины июня общественное мнение западных стран повернулось против Москвы, и на поверхность вновь вышли известные антисоветские приемы [Hucker, 2018].

В августе 1939 г. на вопрос, «считаете ли Вы правильным, чтобы британское правительство заключило соглашение с Россией?», положительно ответили 51,2 %, против выступили 29,86 % (18,94 % выбрали вариант «Не знаю») ⁸. Тем большим шоком было внезапное известие о том, что 23 августа СССР и Германия заключили пакт о ненападении. «Мы делали всё, чтобы переговоры с Советской Россией были успешными, и думали, что они приведут к счастливому результату, когда она внезапно изменила свою политическую доктрину» (Birmingham Mail, 1939, Aug. 26, p. 8). Отношение к действиям СССР иллюстрирует заголовок материала, посвященного подписанию пакта, в одной из газет – «Классическое предательство» (Birmingham Mail, 1939, Aug. 24, p. 8). Одновременно шли рассуждения о том, что «недавние разговоры о том, как Россия может стать надежным другом демократий, выглядят парадоксальными, если взять во внимание ее недавнюю историю» (Birmingham Daily Gazette, 1939, Aug. 25, p. 6).

Заключение пакта с нацистской Германией, нападение Гитлера на Польшу и объявление войны, вступление советских войск в Восточную Польшу (Западную Украину и Западную Белоруссию) – все эти стремительно разворачивающиеся события составили фон, формирующий общественное мнение в отношении к Советской России осенью 1939 г. Пакт с Германией рассматривался как преступление и вероломство, однако СССР и нацистская Германия не отождествлялись как одинаково враждебные Великобритании страны. О резкой реакции и одновременно замешательстве, возникшем в кругах британского общества в связи с заключением пакта, пишет И. М. Майский. «Ежедневно я получаю много писем – анонимных и не анонимных, – обнаруживающих совершенно фантастическое потрясение мозгов у их авторов. Да, путаница колоссальная» (Майский, 2009, с. 18).

В сентябре 1939 г. был задан вопрос: «Как вы думаете, последние действия России помогли или помешали Германии начать войну против нас?». 32 % считали, что эти действия помогли Германии, и почти столько же (29,77 %) заявили, что они помешали Германии начать войну против Англии ⁹. В октябре 1939 г. 48 % принявших участие в опросе высказались за то, чтобы британское правительство направило делегацию в Москву для обсуждения будущих отношений с Россией. Против выступили 35,71 % ¹⁰.

Начало советско-финской войны вызвало бурную реакцию в британских средствах массовой информации, оказывавших большое влияние на мнение рядовых британцев. И. М. Майский отмечал: «Реакция в Англии бешеная. Печать, радио, кино. Парламент – всё мобилизовано» (Майский, 2009, с. 75).

Тем не менее, отношение к Советскому Союзу, при всем осуждении его действий, определялось общим раскладом сил, где первостепенное значение отводилось германской угрозе. В ноябре 1939 г., уже после начала советско-финской войны, только 14 % опрошенных полагали, что Россия готова помочь Германии сделать всё, чтобы та могла одержать победу над Британией и Францией. 70 % придерживались противоположного мнения ¹¹.

Таким образом, восприятие Советского Союза британским обществом на протяжении последних предвоенных месяцев 1939 г. характеризовалось переходом от умеренного интереса к чужой стране со своеобразной культурой и политическим строем ко всё большему сосредоточению внимания к нему как фактору, влияющему на политическую ситуацию в Европе и мире. Если первоначально отношение к Советской России было связано с политическими предпочтениями различных сегментов общества, уровнем их религиозного сознания, исто-

⁸ The British institute of public opinion. URL: <https://doc.ukdataservice.ac.uk/doc/2038/mrdoc/pdf/2038userguide.pdf> (дата обращения 21.02.2024).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

рическим кругозором и т. д., то по мере нарастания предвоенного кризиса внимание сосредотачивалось на том, какую роль играет эта страна в условиях надвигающейся угрозы европейской войны. Несмотря на повороты советской внешней политики на протяжении предвоенного периода и позицию, занятую СССР с началом мировой войны, отношение британского общества к советскому государству определялось в первую очередь представлением о нем как очень значимом и потенциально ценном участнике европейского противостояния, где роль главного противника была уже закреплена за гитлеровской Германией.

Список литературы

- Ерофеев Н. А.** Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Наринский М. М., Поздеева Л. В.** Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне, 1941–1945: к 50-летию Победы. М., 1995. С. 326–347.
- Одиссей: Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре / Отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1994. 330 с.
- Поздеева Л. В.** Лондон – Москва: британское общественное мнение и СССР: 1939–1945. М.: ИВИ РАН, 2000. 305 с.
- Bell P. M. H.** John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941–1945. London: Hodder Arnold, 1990. 214 p.
- Boulding K. E.** National Images and International Systems // Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol. 3. P. 120–131.
- Hucker D.** Public Opinion, the Press, and the Failed Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939 // The International History Review. 2018. No. 40 (1). P. 65–85.
- Impacts and Influences: Essays on Media Power in the Twentieth Century / Ed. by Curran J. et al. London: Routledge, 1987. 360 p.
- Knight C.** The making of the Soviet Ally in British wartime popular press // Journalism Studies. 2013. No. 4. P. 476–490.
- Pronay N.** The News Media at War // Propaganda, Politics and Film, 1918–45. London: Macmillan, 1982. P. 173–208.
- Wybrow R. J.** Britain Speaks Out, 1937–87: A Social History as Seen Through the Gallup Data. Basingstoke: Macmillan, 1989. 174 p.

Список источников

- Майский И. М.** Дневник дипломата, Лондон, 1934–1943: В 2 кн. / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. Кн. 1: 1934 – 3 сентября 1939 г. 531 с.; 2009. Кн. 2, ч. 1: 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 г. 489 с.
- Birmingham Daily Gazette. 1939. Apr. 4; Aug. 25.
- Birmingham Daily Post. 1939. Mar. 22.
- Birmingham Mail. 1939. Feb. 8; Mar. 11; Aug. 24, 26.
- Coventry Evening Telegraph. 1939. May 13; Jul. 31.
- Coventry Herald. 1939. Mar. 25.
- Daily Mirror. 1939. Jan. 23.
- Daily News. 1939. Jan. 18.
- Liverpool Daily Post. 1939. Jan. 3.
- Liverpool Echo. 1939. Jan. 18.
- Public Opinion. 1935–1946 / Ed. by H. Cantrill. Princeton: Princeton Uni. Press, 1951. 1260 p.

References

- Bell P. M. H.** John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941–1945. London, Hodder Arnold, 1990, 214 p.

- Boulding K. E.** National Images and International Systems. *Journal of Conflict Resolution*, 1959, vol. 3, pp. 120–131.
- Curran J. et al.** (eds.). *Impacts and Influences: Essays on Media Power in the Twentieth Century*. London, Routledge, 1987, 360 p.
- Erofeev N. A.** Tumannyi Al'bion: Angliya i anglichane glazami russkikh, 1825–1853 gg. [Foggy Albion: England and the British through the Eyes of Russians, 1825–1853]. Moscow, Nauka, 1982, 320 p. (in Russ.)
- Gurevich A. Ya.** (ed.). *Odissei: Chelovek v istorii [Odysseus: Man in History]*. 1993. *Obraz “drugogo” v kul'ture [1993. The Image of the “Other” in Culture]*. Moscow, Nauka, 1994, 330 p. (in Russ.)
- Hucker D.** Public Opinion, the Press, and the Failed Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939. *The International History Review*, 2018, no. 40 (1), pp. 65–85.
- Knight C.** The Making of the Soviet Ally in British Wartime Popular Press. *Journalism Studies*, 2013, no. 4, pp. 476–490.
- Narinsky M. M., Pozdeeva L. V.** Vzaimnye predstavleniya: imidzhi, idealy, illyuzii [Mutual Representations: Images, Ideals, Illusions]. In: *Soyuzniki v voine, 1941–1945: k 50-letiyu Pobedy [Allies in the War, 1941–1945: To the 50th Anniversary of the Victory]*. Moscow, 1995, pp. 326–347. (in Russ.)
- Pozdeeva L. V.** London – Moskva: britanskoe obshchestvennoe mnenie i SSSR: 1939–1945 [London – Moscow: British Public Opinion and the USSR: 1939–1945]. Moscow, IVI RAN, 2000, 305 p. (in Russ.)
- Pronay N.** The News Media at War. In: *Propaganda, Politics and Film, 1918–45*. London, Macmillan, 1982, pp. 173–208.
- Wybrow R. J.** Britain Speaks Out, 1937–87: A Social History as Seen Through the Gallup Data. Basingstoke, Macmillan, 1989, 174 p.

List of Sources

- Birmingham Daily Gazette, 1939, Apr. 4, Aug. 25.
- Birmingham Daily Post, 1939, Mar. 22.
- Birmingham Mail, 1939, Feb. 8, Mar. 11, Aug. 24, 26.
- Cantrill H.** (ed.). *Public Opinion. 1935–1946*. Princeton, Princeton Uni. Press. 1951, 1260 p.
- Coventry Evening Telegraph, 1939, May 13, Jul. 31.
- Coventry Herald, 1939, Mar. 25.
- Daily Mirror, 1939, Jan. 23.
- Daily News, 1939, Jan. 18.
- Liverpool Daily Post, 1939, Jan. 3.
- Liverpool Echo, 1939, Jan. 18.
- Maisky I. M.** Dnevnik diplomata, London, 1934–1943 [Diplomat's Diary, London, 1934–1943]. In 2 books. Ed. by A. O. Chubaryan Moscow, Nauka, 2006, book 1: 1934 – 3 sentyabrya 1939 goda [1934 – September 3, 1939], 531 p.; 2009, book 2, pt. 1: 4 sentyabrya 1939 – 21 iyunya 1941 goda [September 4, 1939 – June 21, 1941], 489 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Виктор Федорович Мезенцев, кандидат исторических наук, доцент

Information about the Author

Viktor F. Mezentsev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.10.2023;
одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 25.03.2024
The article was submitted on 12.10.2023;
approved after reviewing on 04.03.2024; accepted for publication on 25.03.2024

Научная статья

УДК 908(470+571)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-90-112

Оброчные мельницы Прикамья в XVII–XVIII веках (социально-экономическая и пространственная перспектива)

Анна Алексеевна Космовская

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

Пермский государственный институт культуры
Пермь, Россия

Пермская государственная фармацевтическая академия
Пермь, Россия

akosmovskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

Аннотация

Изучено мельничное хозяйство на территории Прикамья в XVII–XVIII вв. Сведения об оброках с мельниц извлечены из приходных книг Новгородского приказа, сметных списков, переписей, реестров, рапортов, перечневых тетрадей, донесений в центральные и местные учреждения. Оценены размеры денежных поступлений в государственную казну, локализованы районы размещения мельниц. Определены типы конструкций мельниц, рассмотрен социальный состав владельцев крупных объектов. Наличие большого числа мельниц свидетельствует о высоком уровне гидротехнических работ. Определены основные тенденции развития мельничного хозяйства Прикамья на протяжении XVII–XVIII вв.

Ключевые слова

Прикамье, XVII век, XVIII век, мельницы, производство муки, оброк

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01070, <https://rscf.ru/project/24-28-01070/>.

Автор выражает благодарность Даниилу Алексеевичу Ренёву за помощь в составлении карт и размещении оброчных мельниц.

Для цитирования

Космовская А. А. Оброчные мельницы Прикамья в XVII–XVIII веках (социально-экономическая и пространственная перспектива) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 90–112. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-90-112

Levies from Mills in Prikamye in the 17th – 18th Centuries (Socio-Economic and Geographical Perspective)

Anna A. Kosmovskaya

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Perm State Institute of Culture
Perm, Russian Federation

Perm State Pharmaceutical Academy
Perm, Russian Federation

akosmovskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

Abstract

The article studies the mill economy in Prikamye region in the 17th – 18th centuries. It draws information about mill-related taxes from various sources, including receipt books of the Novgorod local administrative office (prikaz), annu-

© Космовская А. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 90–112

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 90–112

al voivodeship reports (smetny spisok), censuses, registers, reports, list notebooks, reports to central and local governmental institutions. The considerable number of mills in the region indicates a high level of hydraulic engineering work. The study identifies key trends in the development of the mill economy in Prikamye during this period. Most mills were water-powered, and the construction of larger facilities indicated a growing sophistication in commodity-money relations. State policy during the era of Peter the Great emphasized the need to account for all income sources, including mill fees. A notable increase in government oversight of mills occurred with the establishment of an office dedicated to recording these fees. The largest mills, which operated year-round, were predominantly situated in economically thriving areas where the local population engaged in bread production. Following Peter's reforms, the majority of taxes collected from mills originated from the estates of the Stroganovs and the Kungur district. The products of the Kama flour mill, including flour and cereals, were not only sold in local markets but also exported to neighboring regions. The article further evaluates the size of cash receipts to the state treasury and identifies the locations of the mills. It categorizes various mill designs and examines the social composition of the owners of these significant facilities.

Keywords

Prikamye, 17th century, 18th century, mills, flour production, rent

Acknowledgments

The research was supported by Russian Science Foundation grant no. 24-28-01070, <https://rscf.ru/project/24-28-01070/>.

The author expresses gratitude to Daniil Alekseevich Renev for his help compiling maps and placing mills.

For citation

Kosmovskaya A. A. Levies from Mills in Prikamye in the 17th – 18th Centuries (Socio-Economic and Geographical Perspective). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 90–112. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-90-112

Жители Российского государства с древности использовали мельницы для изготовления муки. На берегах рек ставились мельницы и плотины, а владельцы или арендаторы платили в казну оброк. Анализ мельничного хозяйства Прикамья с привлечением архивного материала позволил:

- изучить размеры налоговых поступлений с мельниц;
- локализовать места постройки оброчных объектов, районы развития хлебного товарного хозяйства;
- определить социальную структуру плательщиков оброка с мельниц (кто преимущественно являлся владельцем или арендатором мельничного производства).

Характеристика мельниц как сооружений, принципы их работы, разновидности на общероссийском и северорусском материалах описывались в коллективных монографиях этнологической направленности [Русские, 1967; На путях..., 1989]. Конструктивные особенности в зависимости от региона бытования мельниц прослеживаются по материалам музейных коллекций [Жгилев, 2010]. Мельницы северных территорий Российского государства XVII – начала XVIII в. строились, как правило, на небольших реках в лесной полосе [Кауфман, 2023]. География мукомольных производств обширна – от южных и западных территорий до востока Сибири. На крупных реках Малороссии конструкция водяных мельниц была оригинальной – в XVIII в. на правом берегу Днепра в Киеве существовали плавучие мельницы на двух баржах. Технические особенности позволили переместить водяные мельницы на левый берег по указу Елизаветы Петровны [Андриевский, 1891]. Принципы проектирования и работы колесных мельниц исследованы Л. К. Штурмом [1782]. Техника мельничного производства представлена в работе Н. А. Пономарева [1955]. Конструкции и способы сохранения мельниц для музейных коллекций изучались архитекторами [Заяц, 2012; Черных, Волшаник, 2017].

Слово «оброк» в XVII–XVIII вв. имело несколько значений. Так назывались повинности крестьян, заключавшиеся в натуральных или денежных выплатах; налог, собираемый натурой; доход, получаемый с какого-либо угодья. Налоговые поступления с оброчных мест в регионах Российского государства изучались с позиции становления и развития мукомольного производства, распространения видов мельниц, учета владельцев [Люцидарская, 2018]. Для Кунгурского уезда конца XVII – начала XVIII в. количество мельниц разных видов и размер оброка подсчитал А. А. Преображенский [1956, с. 168].

Прикамье (Чердынский, Соликамский и Кунгурский уезды) развивалось в изучаемый хронологический период неравномерно. Преимущественное положение Чердынского и Соликамского уездов в XVII в. сменилось экономическим подъемом нового центра – Кунгура.

Исследование мельниц Прикамья задумывалось как междисциплинарное (методами исторической и географической наук). Источниковой базой стал архивный материал, собранный в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Технические принципы функционирования мельниц изучены на основе сохранившихся музейных экспонатов («Парк истории реки Чусовой», каскад наливных мельниц в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» и др.), схематических изображений и фото [Теплоухов, 1915].

Сведения об оброчных мельницах для XVII – начала XVIII в. извлечены из материалов фондов № 137, 159, 214 РГАДА. Основой для построения карты мельничных хозяйств стали приходные книги приказов (Новгородская четверть), окладные росписи и тетради, сметные списки воевод. Репрезентативными для выявления видов мельниц и категорий владельцев являются приходные книги Новгородской четверти, окладные росписи местных учреждений XVII в.¹ Обычно упоминаются местонахождение мельницы, ее тип, владелец и размер оброка. Сведения в делопроизводственной и финансовой документации дополнялись анализом переписей XVII–XVIII вв. и ревизий XVIII в.

Упоминания о мельничном хозяйстве Прикамья XVIII в. присутствуют в материалах фондов № 439, 444, 576 РГАДА. Продуктивным оказалось введение в научный оборот материалов фонда № 273 (Камер-коллегия) РГАДА. Размеры поступлений с мельниц изучены на материалах окладных, приходных, доимочных книг. Информативными являются реестры, рапорты, счета, перечневые тетради местных учреждений. Мельничный промысел занимал важное место в приказной и канцелярской документации. В реестрах содержатся сведения о налогооблагаемых объектах, в том числе мельницах разных видов, их локализации и владельцев. Была осуществлена сверка информации разных единиц хранения в фондах центральных и местных учреждений. В ГАПК отложились сведения о мельничных хозяйствах в 1780–1790-е гг. Создание Пермского наместничества (1781 г.) повлекло за собой составление отчетности об оброчных статьях. Взятие на оброк, стоимость постройки, содержание работ по модернизации мельниц извлечены из материалов ГАПК (фонды № 21, 316).

При построении карт использовалась свободно распространяемая геоинформационная система QGIS 3. Выполнена геопривязка изображения карты, созданной Афанасием Жичигиным в 1744 г. Были оцифрованы границы Чердынского, Соликамского и Кунгурского уездов, вотчины баронов Строгановых (полигональный слой), речная сеть (линейный слой) и положение некоторых населенных пунктов (точечный слой). При помощи нового точечного слоя на основе информации из приказной документации на карту были нанесены оброчные мельницы, существовавшие на изучаемой территории в конце XVII – начале XVIII в. (рис. 1).

На рис. 2 способом количественного фона была отражена информация о сумме платежей с мельниц в год, на основе картодиаграмм продемонстрировано соотношение типов мельниц в вотчине Строгановых, в Кунгурском, Чердынском и Соликамском уездах.

В Прикамье мельницы преимущественно были водяными (подробнее о конструкции мельниц: [Штурм, 1782; Теплоухов, 1915; Русские, 1967, с. 118–126]). В архивной документации большие мельницы разделялись на наливные и подошвенные (они же «подшвенные», почвенные, подливные). Наливные использовали энергию падающей воды. Для направления

¹ РГАДА. Ф. 137. Новгород. 1625/1626 г. Д. 15 (6); Ф. 37. Псков. 1683/1684 г. Д. 13; Ф. 137. Новгород. 1686/1687 г. Д. 117; Ф. 137. Чердынь. 1682–1684 гг. Д. 6а; Ф. 137. Чердынь. 1684/1685 г. Д. 8; Ф. 137. Чердынь. 1687/1688 г. Д. 9; Ф. 137. Новгород. 1696/1697 г. Д. 143; Ф. 137. Новгород. 1627–1629 гг. Д. 16. Ч. 2; Ф. 137. Новгород. 1628–1630 гг. Д. 18. Ч. 2; Ф. 137. Новгород. 1644/1645 г. Д. 31; Ф. 137. Соликамск. 1679/1680 г. Д. 26; Ф. 137. Соликамск. 1684/1685 г. Д. 9; Ф. 137. Соликамск. 1698/1699 г. Д. 13; Ф. 214. Оп. 5. 1710 г. Д. 1991.

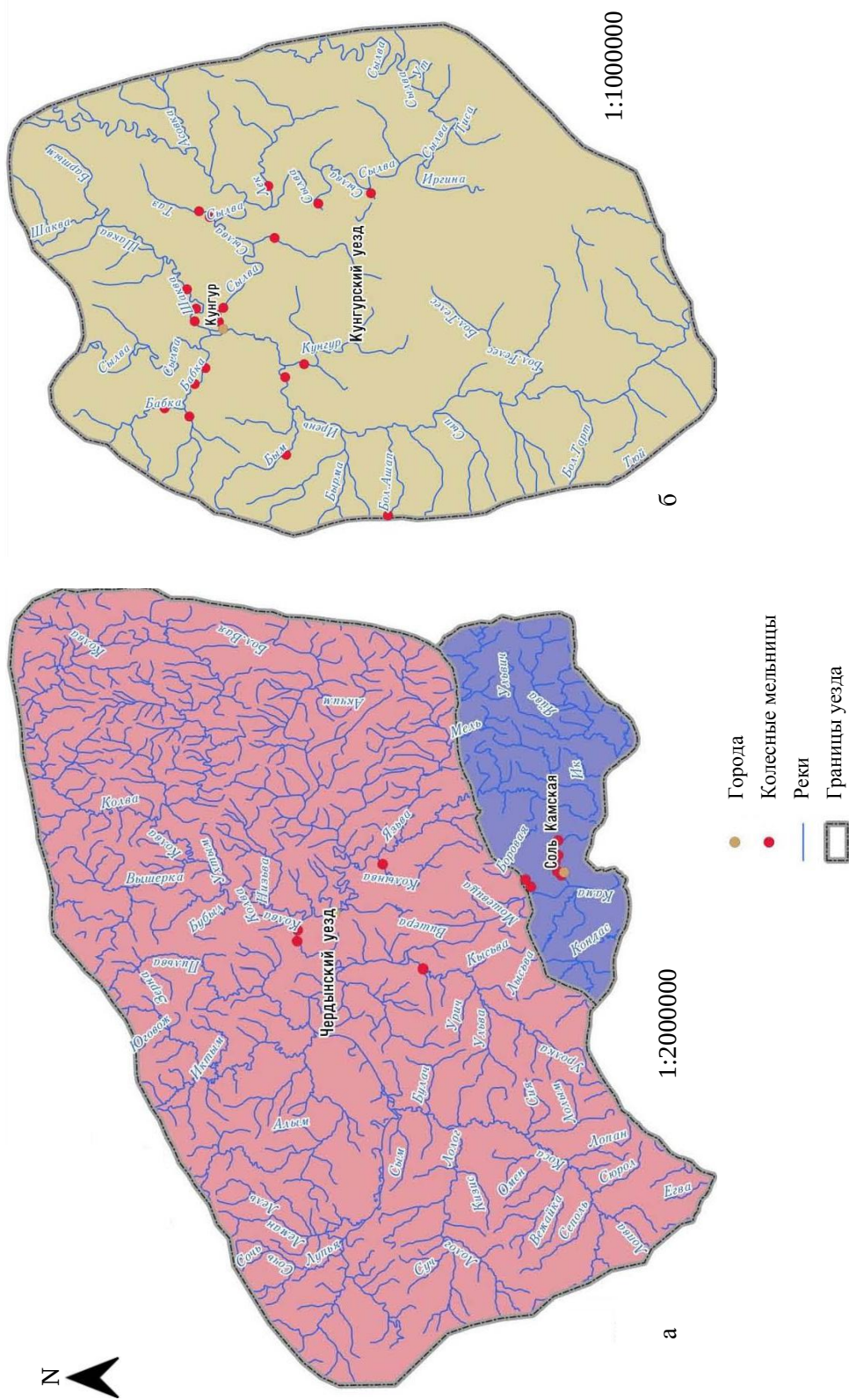

Рис. 1. Расположение крупных оброчных мельниц по приказной документации конца XVII – начала XVIII в.:

a – Чердынский и Соликамский уезды; *б* – Кунгурский уезд

Fig. 1. Location of large levy-paying mills according to the local administration's documentation of the late 17th – early 18th century: *a* – Cherdyn and Solikamsk uyezds; *b* – Kungur uyezd

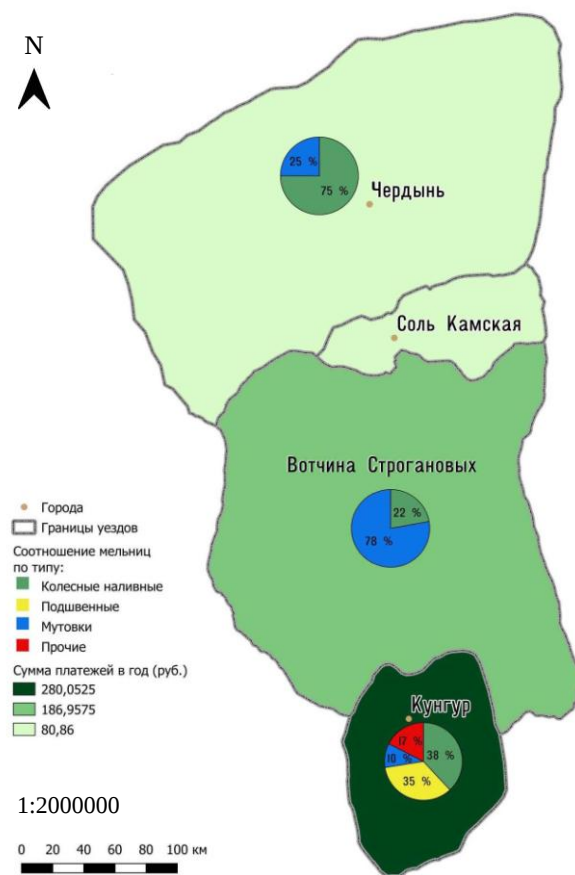

Рис. 2. Соотношение типов мельниц и мельничные сборы в 1772 г. (по канцелярской документации)

Fig. 2. The ratio of mill types and mill taxes in 1772 (according to office documentation)

цы располагались на малых реках. Часто они функционировали только летом или весной, поскольку зависели от потока воды. Размеры оброка с мутовок составляли небольшие суммы: обычно «оброку и пошлин 5 алтын 1,5 деньги»².

Конструкция мутовок могла быть сложнее (вращение от веретена шло через передачу на горизонтальный вал, а потом движение передавалось оси верхнего жернова). Маленькие мутовчатые мельницы обычно использовались жителями одного или нескольких дворов.

В литературе и архивных документах есть данные о колотовках. Г. Н. Чагин упоминал, что «колотовками в Прикамье называли мельницы-толчеи, в которых дробили зерно на крупу» [На путях..., 1989, с. 100]. Для других территорий понятия «мутовка» и «колотовка» выступают синонимами из-за близости конструкции. В документации по Прикамью сведения о «толчеях» встречаются отдельно от колотовок. Ф. А. Теплоухов описывает конструкцию толчей, использование таких мельниц для измельчения коры деревьев [1915, с. 266].

Поскольку крупные мельницы облагались оброком, они учитывались местными органами власти. Мелкие объекты просто упоминались в документации. Переписи населения показывают меньшее количество оброчных мельниц, чем всех мельничных объектов безотносительно платежей с них (в XVII – начале XVIII в.). Особенно это характерно для Чердынского уезда.

напора воды строилась плотина. Подошвенные, или подливные, мельницы функционировали за счет энергии течения. Прикамские реки подходили для строительства мельниц обоего типа. Даже летом некоторые реки отличались бурным течением. Наливные и подошвенные устройства имели одно, два, три колеса. Колесчатые мельницы были диаметром 2–2,5 сажени и более [Фальковский, 1950, с. 220]. Колесные подошвенные мельницы позволяли смалывать за сезон по 300–500 пудов зерна, а наиболее высокопроизводительные наливные с плотиной – более 10 тыс. пудов муки [На путях..., 1989, с. 137]. Постройка больших мельниц (они облагались высоким оброком – как правило, до 10–15 руб. в год) свидетельствовала о развитии товарно-денежных отношений. На высокотехнологичных сооружениях постоянно трудились и жили сотрудники, строились избы для приезжающих «клиентов». Обслуживание крупных мельниц предполагало наличие большой материально-технической базы [Люцидарская, 2018, с. 459].

Мельницы-мутовки («мутовчатые») обычно ставились на небольших речках. Конструкция была простой, они могли строиться без предварительных чертежей. В мутовках колесо располагалось горизонтально. Поток воды, направленный из плотины по желобу, падал на лопасти, благодаря чему вращалась ось с насаженным на нее подвижным жерновом. Такие мельницы

² РГАДА. Ф. 137. Новгород. 1627–1629 гг. Д. 16. Ч. 2. Л. 352 об.

Мельницы в Прикамье были государственными и частными. Частные мельницы облагались оброком и попадали в финансовую документацию. В Прикамье изготавливалось вино для кабаков, поставлялась мука в Сибирь, поэтому государственные мельницы строились, но проследить их количество трудно. Крупные мельницы могли находиться на оброке у нескольких людей одновременно. После взятия части мельниц «на государя» в начале XVIII в., подсчитать количество оброчных мельниц проще.

Оброчные мельницы на государственных и частных землях присутствуют в писцовых описаниях И. И. Яхонтова (1579 г.) и М. К. Кайсарова (1623–1624 гг.). Источниковедческий и статистический анализ сохранившихся списков писцовых описаний провел С. А. Климанов [2023] (табл. 1).

Таблица 1

Мельницы в Соликамском, Чердынском уездах и на вотчинных землях
по писцовым описаниям (подсчет С. А. Климанова)

Table 1

Mills in Solikamsk and Cherdyn uyezds and on votchina land estates
according to the scribal description (calculation by S. A. Klimanov)

Писцовое описание	Принадлежность	Черносошные		Вотчинные	
		Колесные	Мутовки и колотовки	Колесные	Мутовки и колотовки
И. И. Яхонтов	Посадские	1			
	Крестьянские		42		
	Монастырские	1		2	
	Строгановские			2	
	Итого	2	42	4	
М. К. Кайсаров	Посадские	2	2		
	Крестьянские		117	1	2
	Монастырские	1	2	1 ½	
	Церковные	½			
	Строгановские			9	3
	Итого	3 ½	121	11 ½	5

Г. Н. Чагин по материалам переписей приводит данные о более чем 50 мельницах на 1579 г. в Чердынском уезде. В 1623 г. в Чердынском уезде «насчитывалось 75 мутовок и 33 колотовки; по 12 мельниц имелось в Соликамском уезде и в вотчинах Строгановых» [На путях..., 1989, с. 99].

В Чердынском уезде оброчными мельницами, по документам, владели монастыри. Исключение составляют сведения в приходной книге 1625/26 г. Посадский человек Гаврила Лаптев платил с большеколесной мельницы в Чердынском уезде в погосте на Покче 3 руб. 5 алтын, а в уезде было много «колотовок» на оброке. В Покче и окрестностях с 15 мутовок собирали 2 руб. 12 алтын 0,5 деньги.

Всего на постоянном оброке к концу XVII в. в Чердынском уезде, по сведениям приходных книг и окладных росписей, было три мельницы местных монастырей и одна посадского человека Петрушки Плотникова (табл. 2). Оброк с четырех мельниц в прежнем размере прослеживается по приходной книге 1696/97 г.

Переписная книга стольника князя И. И. Щербатова и дьяка С. Попкова 1707–1708 гг. содержит конкретные сведения о безоброчных мельницах в Чердынском уезде. Их учтено 129. Большая часть этих мельниц – мутовки, которыми каждый владелец «мелет про свой обиход, когда бывает вода большая». Отдельно в переписной книге указывалось, что у Чердынского

Богословского и Соликамского Вознесенского монастырей есть мельница и сенные покосы, с которых платили по 5 руб. 26 алтын 4,5 деньги в государственную казну³.

Несколько колесных мельниц принадлежали посадским людям и крестьянам. У посадского человека Соликамска Семена Иванова сына Турчанинова на р. Бондюге была колесная мельница, а в Анисимовском стане в деревне Савине на р. Лызовке – половина мутовчатой мельницы. Другая половина мельницы принадлежала той же деревни крестьянину Андрею Чалину. Они мололи муку «про свой обиход»⁴.

Соликамский Вознесенский монастырь владел колесной мельницей на Кылынве. Там работали вкладчики, а оброк платили «того монастыря монахи Тарасий и Тихон з братиею»⁵.

В погосте Вильва функционировало две мельницы. На одной из них (колесной) староста Никон Мальцев вымалывал денег в год около 3,5 руб., но тратил на церковный обиход, починку мельницы и «мельнику в наем». Еще одна мельница на р. Вильве Ивана Маракова была ветхой и использовалась для личных нужд⁶.

В починке Литбор Пухирево и деревне Касиб на р. Лысьве стояли две ветхие колесные мельницы. В селе (прежняя деревня Верх-Уролка у р. Уролки) братья Василий и Григорий Шустовы держали двор. На р. Уролке находилась их колесная мельница («с той мельницы в государеву казну с тягла своего платит по окладу стрелецких денег») ⁷.

Небольшая часть мельниц в Чердынском уезде была обложена оброком. В основном местные жители держали мутовки, которые работали только в сезон и «про свой обиход».

Сведения о мельницах Соликамского уезда в документации представлены более репрезентативно, но к концу XVII в. в качестве оброчных упоминаются только мельницы Соликамского Вознесенского монастыря (табл. 3). При этом общее количество мельниц в Соликамском уезде было больше, чем отражено в приходных книгах и сметных списках.

Оброчные мельницы в конце XVII в. учтены в документации приказной избы и приходных книгах Новгородского приказа не полностью. Строгановы как вотчинники уплачивали налоги самостоятельно в Москве.

Мельничные сборы увеличиваются с активизацией внешней политики Петра I. Поиски денег на нужды Северной войны заставляли правительство вводить новые налоги и сборы, а также увеличивать старые. Оброчные угодья не остались без внимания правительства.

Распоряжение о переоброчке мелких сборов было сделано 21 января 1704 г., после чего отдельные виды оброка передавались прибыльщикам, подчиненным Семеновской приказной палате. В начале XVIII в. часть мельниц была «отписана на государя». Ингерманландская канцелярия (первоначально Семеновская приказная палата) была создана вскоре после завоевания Ингерманландии. В юрисдикцию этого учреждения поступили мелкие сборы, в том числе и мельничный [Милуков, 1905, с. 155–158].

С мельниц Соликамска собирали крупные суммы. По переписной книге 1710 г. Сибирского приказа Алексея Никеева можно проследить не только количество плательщиков, но и численность сотрудников оброчных мельниц в Соликамском уезде⁸. Сметный список Соликамска дает представление о суммах оброка⁹.

В Соликамске у посадского человека Александра Ростовщикова была мельница «у Соли Камской». На ней работал мельник. На р. Усолке Александр Ростовщиков владел мельницей «о трех поставех» со всякими дополнительными постройками в виде изб. Этот посадский человек пользовался покровительством крупного собственника и солепромышленника Г. Д. Строганова [Устюгов, 1957]. Александр Ростовщиков платил с мельницы 9 руб. 9 алтын 1 деньгу¹⁰.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 5. 1707 г. Д. 1468. Л. 955 об. – 956.

⁴ Там же. Л. 461 об.

⁵ Там же. Л. 645 об.

⁶ Там же. Л. 717, 726.

⁷ Там же. Л. 739, 740 об., 851 об.

⁸ Там же. Д. 1538.

⁹ Там же. Д. 1991.

¹⁰ Там же.

Мельница посадских людей Ивана Большого и Ивана Меньшого Суровцовых с тремя поставами обслуживалась трудом нескольких сотрудников («целовальник, два человека засыпки, да два человека работных») ¹¹. Иван Суровцов, согласно данным сметного, списка вносил 6 руб.

Пыскорский монастырь имел две мельницы на р. Усолке ¹². С мельницы у Соли Камской Пыскорского монастыря поступило в казну 40 руб. Также монастырь платил в г. Соликамске с сылвенской, пыскорской и двух камгортских мельниц 18 руб. 5 алтын 2 деньги ¹³.

В Городищенском стане на р. Усолке мельница Вознесенского монастыря в 1705 г. была «взята на великого государя». На ней обитали сотрудники, а отдельно была построена «изба жилиая для огревания приезжих людей».

На р. Усолке упоминалась мельница на оброке крестьян с. Городища. Она была оборудована тремя избами, отдельно жили мельник с семьей и работный человек, «Кеврольского уезду д. Елисеевой крестьянин дворцовой». Под д. Анкушино крестьянская мельница на р. Черной уступала прочим: строений, сотрудников в лице мельников и целовальников там не было, «а мелет та мельница на один жерновишко» ¹⁴.

В Половодовском стане под д. Харюшино на р. Усолке мельница «о трех поставех» в 1703 г. была отписана на великого государя. На ней трудились мельник, целовальник, засыпки ¹⁵. По сметному списку г. Соликамска (без уезда) 1710 г., верные целовальники собирали с бывших завьяловской и харюшинской мельниц денежного помольного дохода 149 руб. 32 алтына 2 деньги ¹⁶.

В Соликамском уезде в вотчине Вознесенского монастыря функционировало несколько мельниц. В починке Татарское городище на р. Бабке была монастырская колесная мельница с сотрудниками и всем оборудованием. Оброк составлял в год 7 руб. 20 алтын.

С чертежской мельницы (населенный пункт – Чертеж) Соликамский Вознесенский монастырь вносил в казну 18 руб. Мельница Вознесенского монастыря на р. Усолке в 1705 г. была взята «на государя».

На Сылве в слободке Вознесенский монастырь владел тремя мельницами с тремя дворами и одной избой ¹⁷. Все эти мельницы были колесными, а оброк составлял с производства на р. Шадейке по 16 алтын 4 деньги, на р. Шакве с одной – 7 руб., и с другой – 10 руб. в год. Вторая половина последней мельницы принадлежала посадскому человеку г. Кунгура Флору Федорову сыну Шавкунову. Оброк он платил со старцами Вознесенского монастыря поровну.

Вознесенский монастырь имел также мельницу в Чердынском уезде на р. Кылынве (она упоминалась в отчетности местных учреждений и Новгородского приказа в XVII в.), но оброк с этой мельницы не зафиксирован в переписи ¹⁸.

Почти все посадские люди Соликамска, которые платили оброк, упомянуты в переписной книге и сметном списке 1710 г. Обитатели посада вносили следующие суммы: Фока Быков – 3 руб. 5 алтын 1,5 деньги, Василий Черепанов – 8 руб., гостиной сотни Федор Черкасов – 16 алтын 4 деньги, Федор Чюпров – 2 алтына, Григорий Новиков – 3 алтына 2 деньги.

В Кунгурском уезде первыми владельцами мельниц во второй четверти XVII в. были вотчинники и монастыри. С большой двухколесной мельницы на р. Бабке Вознесенский монастырь платил оброк 5 руб. 50 коп. в год.

В грамоте Новгородского приказа от 26 апреля 1675 г. кунгурскому воеводе Ивану Поливкину встречаются записи о получении оброчных денег с мельниц (с колесчатой 3 руб. 8 алтын 2 деньги, а также с колотовки и мутовки, принадлежавших посадским людям Кунгура) [Преображенский, 1956, с. 166].

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 5. 1707 г. Д. 1538. Л. 130 об.

¹² Там же. Л. 131.

¹³ Там же. Д. 1991.

¹⁴ Там же. Д. 1538. Л. 180 – 190 об.

¹⁵ Там же. Л. 276 об.

¹⁶ Там же. Д. 1991.

¹⁷ Там же. Д. 1538. Л. 360 – 360 об.

¹⁸ Там же. Л. 376.

Таблица 2

Оброк с мельниц в Чердынском уезде

Table 2

Rent from mills in Cherdyn uyezd

Год	Вид	Размер оброка	Владелец
1625/26	Большеколесная в Чердынском уезде в погосте в Покче	3 руб. 5 алтын	Посадский человек Гаврилка Лагтев
	С 15 мельниц колотовок	2 руб. 12 алтын 0,5 деньги	Жители уезда
1683/84 – 1696/97	Колесная мельница на р. Кылынге	3 руб. 13 алтын 4,5 деньги	Соликамский Вознесенский монастырь
	Колесная мельница на р. Лызовке	17 алтын 3 деньги	Чердынский Вознесенский богословский монастырь
	Другая колесная мельница на р. Лызовке*	28 алтын	
	Новоприбылая колесная мельница в Чердынском уезде на р. Уролке Усть-Урольского погоста верхнего конца (поставлена в 1683/84 г.)	2 руб. 3 алтына 2 деньги	Чердынец Петрушка Плотников

* Построена в 7177 или 7186 г. – по разным упоминаниям. Возможно, новая дата постройки указывалась после глобальной реконструкции.

Таблица 3

Оброк с мельниц в Соликамском уезде

Table 3

Rent from mills in Solikamsk uezd

Год	Вид	Размер оброка	Владелец
1628/29	Полумельница двухколесная на р. Усолке	5 руб. 8 алтын 2 деньги	Соликамская соборная церковь Николая Чудотворца
	Колесная мельница	5 руб. 8 алтын 4 деньги	Семейка Харитонов
	Мutowка на р. Черной	5 алтын 1,5 деньги	Ивашка Куделин
	2 мutowки на р. Усолке	10 алтын 3 деньги	Городищенские крестьяне
	Мutowка на р. Боровой	5 алтын 1,5 деньги	Посадский человек Ивашка Сергеев
	5 мutowок без указания мест с окладом по 5 алтын 1,5 деньги каждая	26 алтын 0,5 деньги	Данилка Неклюдов, Митка Зырянов, Обросимка и Захарка Онкудиновы, Сенька Сапегин с братьями, Тимошка Пешуков

Продолжение табл. 3

Год	Вид	Размер оброка	Владелец
1629/30	Полумельница двухколесная на р. Усолке	5 руб. 8 алтын 2 деньги	Соликамская соборная церковь Николая Чудотворца
	Колесная мельница	5 руб. 8 алтын 4 деньги	Семейка Харитонов
	Мутовка на Зырянке на р. Тольче	10 алтын 3 деньги	Богдан Левашев
	Мутовка на р. Черной	5 алтын 1,5 деньги	Ивашка Куделин
	2 мутовки на р. Усолке	10 алтын 3 деньги	Городищенские крестьяне
	Мутовка на р. Боровой	5 алтын 1,5 деньги	Посадский человек Ивашка Сергеев
	5 мутовок без указания мест с окладом по 5 алтын 1,5 деньги каждая	26 алтын 0,5 деньги	Данилка Неклюдов, Митка Зырянов, Обросимка и Захарка Онкудиновы, Сенька Салегин с братьями, Тимошка Пешуков
1644/45	Колесная мельница на р. Зырянке	1 руб. 12 алтын 1 день-га	Гость Григорий Никитников
	Двухколесная мельница на р. Зырянке	4 руб. 6 алтын 4 деньги	
	Мельница в Усольском уезде на р. Боровой	13 алтын 3 деньги	
	Двухколесная мельница	5 руб. 8 алтын 2 деньги	
	9 мутовок	1 руб. 13 алтын 5,5 денег	
1677/78	Мутовка на Сылве на р. Татарке	16 алтын 4 деньги	Соли Камской Вознесенского монастыря
	Двухколесная мельница в Усольском уезде на р. Обве	1 руб. с полтиною	Усолицы Ивашка и Пашка Сычевы
	С Ёньвенские земли да с мутовки на р. Бабка	3 руб. 16 алтын 4 деньги	Соликамский Вознесенский монастырь
1683/84	Колесная мельница	3 руб. 5 алтын	Соликамский Вознесенский монастырь (была гостиной сотни Алексея Анофриева)
1684/85	Городищенская мельница и с присадные пожни сенных покосов	11 руб.	
	Колесная мельница на р. Усолке выше мельницы Соборной церкви	5 руб. 8 алтын 2 деньги	Сенька Харитонов сын Завьялов
	Мутовка на р. Черной	5 алтын 1,5 деньги	Данилка и Гришка Неклюдовы

Год	Вид	Размер оброка	Владелец
	Мutowка под д. Зыряновой на роднике	5 алтын 1,5 деньги	Митка Зырянов, а ныне Соликамского Вознесенского монастыря
	Мutowка под д. Поповкою на роднике	5 алтын 1,5 деньги	Сенька Сапегин с братьею
	Мutowка под деревнею Чертежем на р. Боровой	5 алтын 1,5 деньги	Посадский человек Иван Суровцов
	Колесная мельница на р. Боровой	30 алтын 3 деньги	Федора Анофриева, а ныне Соликамской вознесенского монастыря старцы
	Колотовка в Усольском уезде на р. Сылве и р. Бабке	16 алтын 4 деньги	Соликамский Вознесенский монастырь
	Мutowка на р. Черной	5 алтын 1,5 деньги	Городищенский крестьянин Ивашка Куделин
	Мutowка под д. Онкудного на роднике	5 алтын 1,5 деньги	Городищенский крестьянин Стенька Прибытков с товарищи
	2 мutowки на р. Усолке	9 алтын 3 деньги	Городищенский крестьянин Стенька Прибытков с товарищи
	3 мutowки без указания мест с окладом по 5 алтын 1,5 деньги	15 алтын 4,5 деньги	Тимошка Спиридонов и без указания владельцев
	Колесная мельница	3 руб. 5 алтын	Соликамский Вознесенский монастырь (была гостинной сотни Алексея Анофриева)
	Городищенская мельница, пожня и с сенных покосов на Усть-Боровой	8 руб. 25 алтын	Соликамский Вознесенский монастырь
	2 колесные мельницы в Обвенском стане	1 руб. с полтиною	Усольты Ивашка и Пашка Сычевы
	Мutowка на р. Бабке	3 руб. 16 алтын 4 деньги	Соликамский Вознесенский монастырь
	Колесная мельница	3 руб. 5 алтын	
	Городищенская мельница и с сенных покосов на Усть-Боровой	11 руб.	
1698/99			

В переписи русского населения Кунгурского уезда 1679 г. отмечено 7 мельниц неизвестных размеров. При мельнице в с. Троицкое жил мельник Федька Семенов сын Петров¹⁹. В Тохтареvской пустыни была мельница на р. Суксун. Социальный состав владельцев мельниц разнообразен – это представители гостинной сотни Михайло и Иван Ивановичи Елисеевы (мельница на р. Таз), посадский соликамский человек Богдаша Гурьев сын Онохов (мельница на р. Шакве под деревней Черемховый лог)²⁰.

Есть сведения о «новоприбылых» колесных мельницах. С одноколесной усольский посадский человек Тишка Попов платил 5 руб. с полтиной, а несколько владельцев четырехколесной мельницы – 10 руб. (среди них был посадский человек Иван Шавкунов). «Новоприбылого» оброка с двух мельниц 1690/91 г. владельцы вносили в казну 2 руб. 23 алтына. Еще две учтенные мельницы были совсем невелики – платежи составляли 5 алтын и 4 алтына 4 деньги соответственно²¹.

У жителей Кунгура в 1696/97 г. многие мельницы относились к категории «новопостроенных». Со старых оброчных угодий (в общий приход включены рыбные ловли и харчевни) было взято 27 руб. 31 алтын 2 деньги²².

В Кунгурском уезде в 1701 г. существовало 102 мельницы, из которых 60 были одно-, двух- и трехколесные, 12 колотовок и 30 мутовок. Наиболее крупные объекты были сосредоточены в руках посадских людей и церковников.

Крестьяне обычно владели одноколесными или небольшими мельницами-мутовками (последние составляли свыше 50 % общего числа объектов). Крупные мельницы принадлежали зажиточным посадским людям (табл. 4) [Преображенский, 1956, с. 168]. При этом платежи в документации местной приказной избы прослеживаются для крупных объектов, как видно по данным приходных книг²³.

В г. Кунгуре и Кунгурском уезде по следующей переписи тюменского сына боярского И. Т. Текутьева 1703–1704 гг. оброчных мельниц стало больше. В переписи определены разновидности мельниц, но размеры оброка не указаны. Кунгурский посадский Фрол Федоров сын Шавкунов владел в Кунгурском уезде на р. Шакве двумя двухколесными мельницами «ввопче з братом ево Семеном да Вознесенского монастыря со старцы»²⁴.

Таблица 4

Распределение мельниц в Кунгурском уезде (по оброчной книге 1701 г.)
по подсчетам А. А. Преображенского

Table 4

The distribution of mills in Kungur uyezd (according to the levy book of 1701)
according to the calculations of A. A. Preobrazhensky

Владельцы мельниц	Количество мельниц					Итого
	трехколесные	двухколесные	одноколесные	колотовки	мутовки	
Крестьяне	–	2	19	9	28	58
Посадские люди	1	6	21	3	1	32
Церковники	1	4	6	–	1	12
Всего	2	12	46	12	30	102

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. 1679 г. Д. 226. Л. 65 об.

²⁰ Там же. Л. 245, 258, 260, 260 об.

²¹ Там же. Ф. 137. Оп. 1. 1690/1691 г. Д. 128. Л. 237 – 238 об.

²² Там же. Ф. 137. Новгород. 1694/1695 г. Д. 140. Л. 181 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 5. 1704 г. Д. 743. Л. 85.

Бывший кунгурский подьячий приказной избы Иван Федоров сын Шавкунов был хозяином двух мельниц: двухколесной на р. Юмыш («а мелет де он на той мельнице хлеб про свой обиход»²⁵) и одноколесной в Кунгурском уезде на р. Бым («ввопче с кунгурцы с Иваном Кадешниковым з братьями ево...»). Влас Савин сын Рудаков продал свою мельницу крестьянину Г. Д. Строганова Сидору Белоногову в 1702 г.

Михайло Киприянов сын Калашников в Кунгурском уезде в деревне Сыскаеве на р. Черемиске имел одноколесную мельницу («мелет летом в прибылую воду, у той же ево мельницы поварня зделана для винного курья в подряд на государевы кружечные дворы»²⁶). На р. Лек у Михаила было еще две мельницы колесчатые, а для мельников и засыпок стояли два двора.

Иван Федор сын Шубин в устье р. Шакувы на трехколесной мельнице «мелет зимою и летом ис помолу», мельница была оборудована избой для приезда «помольцов» и мельника. Иван Шубин имел на р. Кунгурке двухколесную мельницу, которая работала зимой и летом. Рядом с мельницей были построены три избы «для приезда помольцов и скоцкой кормли и для пахоты работным и наемным людям». Михайло Яковлев сын Загайнов владел двумя одноколесными мельницами (на р. Мазуевке). Одна из них была в совместной собственности с Дементьем Ширяевым, но «та мельница недостроена»²⁷.

Никифор Дорофеев сын Песьяков вместе с крестьянином Г. Д. Строганова Сидором Белоноговым в с. Златоустовском на р. Ключе имел одну одноколесную мельницу.

В Кунгурском уезде в Покровском селе на р. Кишерти была маленькая мельница, которой пользовались только «летом в прибылую воду» крестьяне Прокопий Романов сын Дехтев и еще несколько крестьян²⁸. Весь размер платежа составлял 4 гривны на год.

В д. Таз Иван Иванов сын Елисеев (представитель гостиной сотни) с племянником Федором Елисеевым на р. Таз владели двумя мельницами²⁹. В д. Опалихина Никита Титов сын Коротаев вместе с другим крестьянином Тимофеем Сибиряковым имел мельницу на р. Суксуне³⁰.

В Кунгурском уезде учтено еще несколько мельниц – на реках Кишерти, Суксуне и Таз. Про первую конкретно указано, что в государеву казну платится оброк по 4 гривны на год (40 коп.). Про оброчные платежи посадских людей и уездных крестьян в Кунгурском уезде по данным переписи начала XVIII в. почти нет сведений. Мельницы указаны в большинстве случаев просто как собственность жителей города и уезда. У некоторых владельцев работают на мельницах наемные сотрудники.

О размерах отдельных мельниц можно судить по косвенным данным. В 1705 г. стоимость мельницы посадского человека Михаила Шуткина была определена в 150 руб. Вознесенский монастырь владел 4 мельницами (трехколесная, двухколесная, одноколесная и колотовка), Тохтаревская пустынь имела 5 мельниц (2 двухколесные и 3 колотовки), еще 3 находились в собственности церковников уезда. В 1703 г. со своих 4 мельниц монастырь платил 25 руб. с гривной в год [Преображенский, 1956, с. 169–170].

Данные о владельцах и местонахождении мельниц в Прикамье за более поздний период XVIII в. извлечены из настольных реестров, ведомостей о приходе сборов, доимочных книг. Размеры статьи не позволяют представить сведения обо всех оброчных мельницах с владельцами. Ограничимся подсчетами по пермской провинциальной и соликамской воеводской канцеляриям в начале 1770-х гг. (незадолго до отмены мелочных канцелярских сборов с мельниц при Екатерине II).

Виды и владельцы оброчных мельниц учитывались пермской провинциальной канцелярией. В годовом рапорте учреждения 1772 г. перечислены все сведения о сборах с мель-

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. 1704 г. Д. 743. Л. 87 об.

²⁶ Там же. Л. 90 – 91 об.

²⁷ Там же. Л. 96 об. – 97.

²⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 5. 1703 г. Д. 1373. Л. 115.

²⁹ Там же. Л. 263 об.

³⁰ Там же. Оп. 5. Не ранее 1703 г. Д. 703. Л. 308 об.

ниц и плательщиках в Кунгурском уезде³¹. Общая сумма платежей в год составляла 280,0525 руб., из них на момент составления документа было собрано 172,9225 руб., а в доимке числилось 107,13 руб.

Одноколесных наливных, по данным рапорта, было учтено 39 мельниц (табл. 5). Из них 23 принадлежали крестьянам, а 5 – посадским людям. Помимо них в числе владельцев есть представители разных социальных групп и профессий. На р. Шадейке владел одноколесной наливной мельницей публичный нотариус Тимофей Шавкунов (с платежом 1,25 руб. в год). С одноколесной наливной на р. Сосновке платил 0,5 руб. кунгурский купец Иван Хлебников.

Заводчики Иван и Петр Осокины владели тремя мельницами на реках Курашине (Иван, 1 руб. в год), Иргине (Петр, 1 руб.), Бым (Иван, 0,8 руб.).

Таблица 5

Мельницы в Кунгурском уезде в 1772 г. *

Table 5

Mills in Kungur district in 1772

Вид мельниц	Владельцы			Всего
	посадские люди	крестьяне	прочие	
Одноколесные наливные	5	23	11	39
Двухколесные наливные	8	5	10	23
Трехколесные наливные			10	10
Подшвенные трехколесные			2	2
Подшвенные двухколесные		4	11	15
Подшвенные одноколесные	11	17	20	48
Мутовки	2	13	4	19
Прочие (без указания видов, толчеи)				33

* Сост. по: РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 435. Л. 4–18.

Наливные мельницы небольшого размера были у отставных солдат (на р. Кунгуре у Гаврилы Игошева, на р. Ясыле у Сергея Васильева). Последний солдат Сергей Васильев владел мельницей вместе с татаринном Мясагутом Сумевым из д. Малый Ашап Карьевской четверти. Обер гиттен форвалтер (чиновник в горнозаводской промышленности) Иван Княгинин платил с одноколесной наливной мельницы на р. Турыш 1 руб.

Следующая категория мельниц – двухколесные наливные – тоже была распространенной (23 объекта): 8 мельниц принадлежали посадским людям, 2 – местным татарам. Среди прочих владельцев – уездные крестьяне в количестве 5 человек, в вотчинах Строгановых указано 9 двухколесных наливных мельниц. Двухколесной наливной на р. Таз владел отставной прапорщик Кирилл Кожин (платеж 1,3 руб. в год). Еще с одной подобной на р. Тюш платил 2,5 руб. в год публичный нотариус Тимофей Шавкунов.

Встречаются случаи, когда крестьяне владеют мельницей с местными татарами. С двухколесной наливной в Кунгурском уезде в Сылвенской четверти на р. Ут татары Лазарь Анметев и Михал Агимов вместе с крестьянином Торговижского острожка Фадеем Некрасовым ежегодно отдавали 1,25 руб.

Наиболее крупные экземпляры (трехколесные наливные) в количестве 10 объектов принадлежали разным владельцам. Бывший канцелярист Сильвестр Сидорцов платил с такой мельницы 2 руб. в год. В с. Введенском за действительным статский советником Акинфием Демидовым записана мельница при Ашапском медеплавильном заводе на заводской плотине

³¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. 1772 г. Д. 435. Л. 4–18.

(построена в 1768 г.) с ежегодным поступлением в казну 0,7625 руб. Акинфий Демидов умер в 1745 г., но в документации местных учреждений мельничные объекты продолжали числиться в его землях. Деньги с мельниц, которые записаны как демидовские, выплачивались. По факту пользовались объектами и вносили платежи наследники его владений.

С трехколесной наливной на р. Юмыше посадский г. Кунгура Семен Шавкунов платил 2 руб. В Кунгурском уезде в с. Спасском на р. Лек в вотчинах действительного камергера и кавалера князя Михаила Михайловича Голицына была трехколесная наливная мельница с платежом 3 руб. в год. За владельцем на 1772 г. числилась задолженность.

Прочие трехколесные мельницы находились в вотчинах наследников барона Александра Строганова («вдовствующей жены ево баронессы Марьи Артемьевны и дочери ее баронессы Варвары Александровны, что ныне... за князем Борисом Григорьевичем Шаховским»). Некоторые из них были положены в оклад относительно недавно (в 1760-е), оброк составлял до 1 руб. в год.

В Кунгурском уезде учтено 48 одноколесных «подшвенных» (подошвенных, подливных) мельниц. Крестьяне платили деньги за 17 из них, посадских люди – за 11, а церковники – за 3 мельницы. С одноколесной подошвенной на р. Кунгуре дьякон Ильинской церкви Василий Пономарев вносил ежегодно 1 руб.

Среди владельцев числились обитатели вотчин наследников Акинфия Демидова, Строгановых; директор Петр Осокин владел (помимо упомянутых выше наливных) еще подошвенной мельницей с платежом 1 руб.

За две одноколесные подошвенные мельницы баронесса Мария Артемьевна и ее дочь Варвара Александровна Строгановы на р. Шакве должны были вносить в казну 10,9675 руб. ежегодно, но эта сумма числилась в доимке. Среди плательщиков присутствовали местные татары и черемисы. С одноколесной подошвенной на р. Ут черемис Тебеняк Киляшев и крестьянин Иван Шиленских из Бисертской крепости екатеринбургского ведомства вносили ежегодно 1 руб.

Количество подошвенных двухколесных мельниц намного меньше, чем одноколесных (всего 15). Представителям церкви принадлежали 4 таких объекта, но не всегда полностью. С двухколесной подошвенной на р. Шакве Соликамская Рождественская пустынь задолжала 2,5 руб. годового платежа.

Поп Григорий Протопопов из Успенской церкви на р. Таз платил 2 руб. в год. Тохтаревская Богословская пустынь вместе с наследниками Акинфия Демидова владели на р. Суксуне мельницей с платежом 2,2 руб. Та же пустынь с другой мельницы (казенной) на р. Суксун ежегодно должна была платить 3 руб., но они в этот год числились в доимке.

Крестьянам принадлежали 4 двухколесные подошвенные мельницы, а в вотчинах наследников Акинфия Демидова подобных было 3 (с платежом от 2,065 до 2,93 руб. ежегодно). Кунгурский купец Михаил Ярышкин платил деньги с одной мельницы на р. Иргине (2,5 руб. ежегодно). Все перечисленные выше плательщики (крестьяне, обитатели вотчин Демидова и купец) добросовестно вносили деньги в казну.

В рапорте 1772 г. были записаны 2 подошвенных трехколесных мельницы в Кунгурском уезде. Одна из них находилась в с. Троицком («на Усть речке Кунгура Троицкой церкви построили мельницу с оброком 8 руб.»). Судя по размеру оброка, сооружение было довольно крупным. С трехколесной подошвенной мельницы, которая находилась на р. Большой Телес, с протоколита Родиона Викулова брали 2,25 руб. в год. Родион Викулов являлся сотрудником пермской провинциальной канцелярии. Его сын, Захар Родионович, сделал блестящую карьеру и был пожалован в 1798 г. чином коллежского асессора³².

Что касается мелких оброчных объектов – мельниц-мутовок, то их в Кунгурском уезде на оброке числилось 19 штук. Из них 13 принадлежали крестьянам, 2 – посадским, 2 – татарам, 1 находилась в вотчинах Акинфия Демидова. Владелец еще одной мельницы не упоминается.

³² ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. 1798 г. Д. 1011. Л. 8 об. – 10.

Нет сведений о типе 33 мельниц (в основном одно-, но встречаются и двух-, и трехколесные). Указано только количество колес. Часть их названа колесчатыми, некоторые из них с 1 или 2 «анбарами». Имеются данные о 6 толчеях (три из них «восьмипестовые», одна «шестипестовая»). Чаще всего владельцами таких объектов без точных указаний на тип мельницы являлись местные крестьяне и обитатели Строгановских вотчин.

Соликамская воеводская канцелярия учитывала свои мельничные объекты в ином варианте. В годовом рапорте 1771 г. количество колес у большинства мельниц не указывалось. Косвенно об их размере можно судить по размеру ежегодного платежа.

Второе отличие связано с количеством мелких мельничных объектов. Большая часть мельниц у крестьян находилась в вотчинах Строгановых – мелкие мутовки с размером оклада от 0,5 до 0,15 руб. в год. Причем с большинства таких объектов оплата находилась на текущий год в доимке. Всего по ведомству соликамской воеводской канцелярии учтено 210 мутовок (Чердынский и Соликамский уезды).

Колесчатых (колесных) с платежами от 0,2675 до 15 руб. насчитывалось 68 мельниц. Платежи вносились нерегулярно. Оперативно деньги поступили с относительно новых мельниц в вотчинах Строгановых. По старым крупным монастырским мельницам числилась задолженность. Кратко сведения о суммах платежей и доимке представлены в табл. 6.

Первые объекты являлись старинными. Рапорт открывали данные о мельницах солепромышленников, о которых после пожаров в земских избах «подлинной справки не имеется»³³.

Долги взыскивали через нарочных. Со старых мельниц деньги не собирались не только в связи с ветхостью, «за совершенною пустотою». Причиной невзыскания могла быть смерть владельца.

Те самые мельницы, которые были взяты в казну в начале XVIII в. (Завьяловская, Городищенская, на р. Боровой), состояли в ведомстве государственной Коллегии экономии. О них в документе прямо сказано: «При оных мельницах за невзятъем их на откуп находятся у збору за помол денег мельники и сколько соберут, велено их вносить к платежу в оклад обще с прочими таковыми же экономическими мельницами, токмо по незбору со всех полного окладу оные деньги остались в доимке»³⁴. Фактически размер платежа предсказать было невозможно. Мельницы быстро ветшали. Вложение денег в реконструкцию государственного объекта представлялось делом невыгодным.

Ценным источником являются книги приходные из доимки, где записывались долги: «С мельниц, что в селе Златоустовском на ключе вотчины баронов Строгановых села Нового Усолья крестьянина Сидора Белоусова на 1744–1765 гг. по 30 коп. на год, итого 6,3 руб.»³⁵.

Сидор Белоусов в начале XVIII в. был известен как разбогатевший на торговле крестьянин из вотчины Г. Д. Строганова. Сидор Белоусов пытался взять молотовой амбар Мазуевского медеплавильного завода в оброчное содержание. В 1715 г. крестьянин предложил платить в год 30 руб. (с дополнительными условиями о возмещении расходов на ремонт и о беспрепятственной покупке кричного железа и леса) [Преображенский, 1972, с. 283–285]. Он был готов в середине 1710-х гг. платить по 30 руб. в год за аренду завода, а также отремонтировать предприятие за свой счет. Спустя некоторое время в документации встречаются сведения о долгах Сидора Белоусова.

В 1735 г. в расходной книге соликамской провинциальной канцелярии есть упоминание о том, что 31 января 1735 г. «послано из оной канцелярии в Казанскую губернскую канцелярию взысканных 7,8 руб. в 1734 г. с крестьянина Исидора Белоусова («со владения его города Кунгура в уезде с двух мельниц из доимки с 1724 по 1730 год»³⁶).

³³ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. 1772 г. Д. 436. Л. 10.

³⁴ Там же. Л. 1–29. Л. 10 об.

³⁵ Там же. Д. 202. Л. 5 об., 6 об.

³⁶ Там же. Ф. 444. Оп. 1. 1735 г. Д. 109. Л. 3 об.

Таблица 6

Сборы с мельниц
по годовому рапорту соликамской воеводской канцелярии 1771 г. *

Table 6

Levies from mills
according to the annual report of the Solikamsk voivode office in 1771

Звание сборов	Оклад	Взято	Доимка
С трехколесной по р. Усолке реке с соликамской соляной промышленницы вдовы Ксении Суровцевой	7,8975	–	7,8975
С трехколесной Ростовщикова на р. Усолке	6	–	6
Соликамского Вознесенского монастыря (ныне состоят в ведомстве государственной Коллегии экономии): на р. Усолке с Завьяловской, Городищенской, на р. Боровой	7,9925	–	7,9925
С Харюшинской по р. Усолке реке о трех поставках со владельца Городищенской Богородской церкви с казенного старосты и Соликамского уезда крестьянина Ефрема Мельникова	8,0375	–	8,0375
С пустых мельниц крестьян	9,4175	–	9,4175
В вотчинах Пыскорского монастыря с монастырских колесчатых: на Чашкинском истоке, р. Кондасе – 3 мельницы	5,08	–	5,08
По указу бывшей соликамской провинциальной канцелярии 1733 г. Соликамского Вознесенского монастыря с колесчатых мельниц в Сылвенской вотчине (которые прежде были в окладе в кунгурской провинциальной канцелярии) на рр. Шакве, Бабке, Шадейке, Лысьве (6 мельниц)	28,2275	–	28,2275
С вотчин Строгановых	186,9575	150,6775	36,28

* Сост. по: РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. 1772 г. Д. 436. Л. 1–29.

По сведениям ведомости пермской провинциальной канцелярии о недоимках в 1744–1760 гг. можно выяснить дальнейшую судьбу Сидора Белоусова. В 1744–1759 гг. за одну из мельниц накопилась доимка по 30 коп. на год (4,8 руб.). Местная администрация провела следствие, после чего в ведомости появилась запись: «На котором месте мельница была построена, то на оном не токмо мельницы, но и платины не имеется и к мельнишному строению то место не годно за малостию вод, а оной Белоусов умре в 1741 году»). Сотрудники пермской канцелярии пытались найти наследников для взыскания доимки, но и их обнаружить не удалось («за тем той доимки взыскивать не с кого»³⁷).

Мельница могла принадлежать целому поколению представителей одной фамилии, или после смерти мужа мельницу «держала» вдова («погоста Шакшура вдовы Катерины Шубиной на 1765 г. по 50 коп.»)³⁸.

История с неплатежами мельничного сбора бывала очень продолжительной. По доимочной ведомости пермской провинциальной канцелярии о долгах 1744–1774 гг. выявляются мельницы, которые условно относятся к безнадежным в плане взысканий. В табл. 7 показаны должники по мельничному оброку со сроком неплатежа более трех лет³⁹.

Таблица 7

³⁷ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. 1760 г. Д. 141. Л. 2.

³⁸ Там же. Оп. 1. 1765 г. Д. 190. Л. 6 об.

³⁹ Там же. Оп. 1. 1774 г. Д. 535. Л. 5–7.

Доимочная ведомость пермской провинциальной канцелярии
на 1744–1774 гг.

Table 7

The statement of recovering tax arrears of the Perm provincial office
for 1744–1774

С мельниц в Кунгурском уезде	Доимка, руб.
С двухколесной подшвенной на р. Шакве соликамской экономической Рождественной вотчины на 1764–1773 гг. по 2,5 руб.	25
С одноколесной наливной в Вознесенском острожке на р. Березовке канцеляриста Евдокима Костромина на 1763–1773 гг. по 25 коп.	3
С одноколесной подшвенной на р. Суксуне Тохтареvской экономической вотчины с одной половины на 1764–1773 гг. по 1,1 руб.	9,9
С колесчатой мельницы, что была в с. Златоустовском на Ключе вотчин господ баронов Строгановых с. Нового Усолья крестьянина Сидора Белоусова на 1744–1773 гг. по 30 коп.	9

После 1775 г. мельничный налог постепенно был выложен из оклада, пополнив ряды сборов, в которых правительство больше не видело необходимости. В Прикамье мельничный относительно прочих мелких сборов был на первых местах (после сбора с медеплавильных печей и домен).

В табл. 8 мельничные окладные сборы подсчитаны по годам. На рис. 3 представлена динамика сборов с мельниц на протяжении 1730–1770-х гг.

Общий оклад в Пермской провинции приводится для сопоставления процента сборов с мельниц в общей структуре «доходов» местной администрации. В процентном соотношении мельничный сбор составлял в разные годы до 3 % оклада, превышая прочие канцелярские сборы в государственную казну Российской империи.

После исключения мельниц из оклада до 1777 г. включительно небольшие средства еще учитывались местными канцеляриями. В процессе создания Пермского наместничества составлялась документация с оброчными угодьями. В 1781–1782 гг. с мельниц, состоявших в распоряжении откупщиков, собиралось 321,105 руб. в год, а с «не на откуп состоящих» – 248,0375 руб.⁴⁰ От общей суммы поступлений с оброчных статей (3320,565 руб.) мельничные статьи составили 17,14 %.

В соликамском городском магистрате периодически искали желающих взять в оброчное содержание мельницы в окрестностях города. В 1783 г. было принято предложение восьми соликамских купцов, а из мещан никто на мельницы не претендовал⁴¹. Многие желающие из купцов являлись бывшими или действующими сотрудниками соликамского городского магистрата (Иван Коршунов⁴², Ларион Лапин⁴³).

Разбогатевшие крестьяне участвовали в экономической жизни городов. В бытность свою крестьянином Василий Баранов совместно с обитателями Пыскорской экономической вотчины получил в оброчное содержание мельницы и лавки («не собственное ево а на общее реченной вотчины всех крестьян всегдашнее содержание вечно оброчные статьи»). Проявив деловые качества, Василий Баранов записался в соликамское купечество, а Чердынский нижний земский суд начал выяснять, в каком состоянии находятся оброчные объекты. Больше всего

Таблица 8

⁴⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. 1781–1782 гг. Д. 20. Л. 50.

⁴¹ Там же. Ф. 21. Оп. 2. 1783 г. Д. 18. Л. 338.

⁴² Иван Коршунов – бургомистр в 1781 г. (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. 1781 г. Д. 3. Л. 25 об.).

⁴³ Ларион Лапин – ратман с 18 октября 1793 г. (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. 1793 г. Д. 77. Л. 221 об.), бургомистр в 1799, 1809 гг. (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. 1799 г. Д. 136. Л. 1; Оп. 1. 1809 г. Д. 236. Л. 1).

Годовой оклад сбора с мельниц в Пермской провинции
в 1733–1778 гг. *

Table 8

The annual tax collection rate of mills in the Perm province
in 1733–1778

Год	Оклад с мельниц	Весь годовой оклад	Сбор с мельниц в % относительно оклада
1733	390,9875	23217,19875	1,68
1736	389,7575	27946,5475	1,39
1744	400,8525	21967,14	1,82
1745	402,3775	21975,165	1,83
1755	505,8175	18027,9625	2,81
1756	509,2025	18178,935	2,80
1757	433,125	16532,13	2,62
1759	441,195	16533,5125	2,67
1760	442,345	16533,6625	2,68
1762	448,745	16540,0625	2,71
1765	505,8175	18027,9625	2,81
1766	509,2025	18178,935	2,80
1767	448,745	57818,74	0,78
1768	514,19	59368,6975	0,87
1769	541,55	59442,3425	0,91
1770	542,7	59442,3425	0,91
1771	545,52	92392,4175	0,59
1773	547,87	70178,38	0,78
1774	547,87	70137,3925	0,78
1777	44,1325	82395,615	0,05
1778		81714,5	

* Сост. по данным: РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2922, 3640, 4424, 6062; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6747; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 3. Д. 11159; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 29058, 30020, 30025, 31759, 31787, 31954, 31964, 31976, 31983; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 9. Д. 33513, 33631, 33723; Ф. 444. Оп. 1. Д. 102; Ф. 439. Оп. 1. Д. 749.

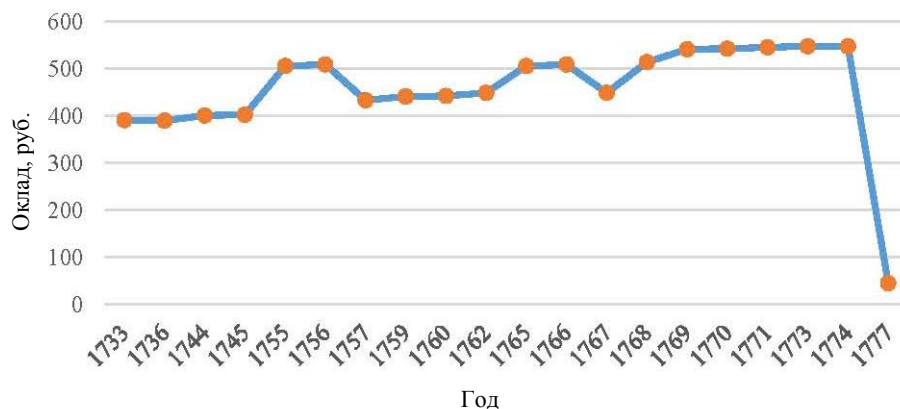

Рис. 3. Годовой оклад сбора с мельниц в Пермской провинции в 1733–1777 гг.

Fig. 3. The annual tax collection rate of mills in the Perm province in 1733–1777

администрацию интересовал вопрос: «Выстроена ль взятая им на откуп состоящая на речке Чюлве (Чёлве. – А. К.) мучная мельница и на ход пушена ль или еще и поныне не выстроена?»⁴⁴. Для оценки состояния старинных мельниц важен ответ практичного Василия Баранова. Он охарактеризовал ветхость старинных сооружений (в том числе упомянутой ранее мельницы на р. Кылынве) и резюмировал: «Естли мельницу выстроить то нималого возвращения употребленных денег получить нет способа»⁴⁵. Василий Баранов показал и неплохое знание рыночной конъюнктуры. По его словам, у местных крестьян мельницы уже имелись, но и те не всегда работали из-за отсутствия спроса. Так старинные мельницы постепенно исчезали, оставаясь в документации канцелярий и памяти старожилов. При разборе прав на земельную собственность мельницы выступали в качестве ориентиров. Упоминания о старинных мельницах есть в актовом материале (в копиях XVIII в.) за 7119 (1611), 7127 (1619) гг.

Есть сведения о закладной «7119 июля 15-го от соликамского жильца Гаврила Серебренникова к Осипу Софониеву да к Василию Анофриеву в четырех рублях на два наволочка пожженные повыше Никольские мельницы»⁴⁶. На Никольскую мельницу около Соликамска как на межевую примету ссылался в закладной 1619 г. крестьянин Федор Черкасов⁴⁷. Материалы городских учреждений сохранили немало историй о передаче мельниц на оброк и сложностях содержания хозяйств.

Первые упоминания о мельницах присутствуют в источниках XVI в. Водяные мельницы применялись не только для приведения в движение мукомольных жерновов, но и для изготовления кож, ткани.

Для начала XVIII в. А. А. Преображенский делает следующее заключение: «Оброк с мельниц был самой крупной статьей в общем сборе оброчных денег с Кунгурского уезда. За вычетом взимаемых с марийцев оброчных денег (70 руб.) доход казны от мельниц Кунгурского уезда составлял не менее 75 % годового оброчного сбора» [Преображенский, 1956, с. 170]. Данный вывод подкрепляется сведениями из приходных книг конца XVII в., изученных автором статьи⁴⁸. В Чердынском и Соликамском уездах картина в XVII в. была несколько иная: в первом на оброке числились всего несколько мельниц, в Соликамском уезде были и другие крупные оброчные объекты.

В XVII в. большинство мелких мутовок не записывалось в качестве оброчных в приказной документации. Владельцы крупных объектов могли выплачивать деньги в государственную казну зачетом (соответственно, сведения о мельницах не попадали в документацию). Таким способом происходила индивидуализация оклада (например, платежа стрелецких денег). Личные оклады стрелецких денег в большом размере на посаде Соликамска платили пять посадских семей (в частности, 25 руб. – крупный кожевник Алексей Антонов Колмогоров с родственниками; 30 руб. – солевар Василий Максимов Ростовщиков) [Устюгов, 1957, с. 200].

Увеличение внимания к мельницам со стороны правительства фиксируется с момента создания специальной канцелярии для учета мельничных сборов. В XVIII в. правительство интересовалось мельницами, посылало нарочных для взятия доимок и контролировало поступление сборов.

После петровских реформ наилучшую статистику по собираемости демонстрируют мельницы в вотчинах Строгановых и собственников в Кунгурском уезде. Со старых объектов (особенно в прошлом принадлежавших церквям) деньги часто состояли в доимке. Наиболее крупные объекты принадлежали наследникам Строгановых, Демидова, жителям посада городов. Церковные мельницы сдавали свои позиции. Среди владельцев – представителей иных народов присутствуют татары, черемисы. Они могли держать мельницы вместе с местными крестьянами. В XVIII в. среди владельцев мельниц упоминаются сотрудники канцеля-

⁴⁴ ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. 1783 г. Д. 20. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Л. 58.

⁴⁶ Там же. 1789 г. Д. 22. Л. 251.

⁴⁷ Там же. Л. 248 об.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 137. Новгород. 1696/1697 г. Д. 143. Л. 282–285; Новгород. 1694/1695 г. Д. 140. Л. 179–182.

рий и магистратов (бывшие и действующие). Крупные мельницы (колесные) с круглогодичным циклом обработки ставились в экономически развитых районах, жители которых занимались производством хлеба. Сопоставление сведений о географии размещения мельниц с размерами платежей в местные органы управления подтверждает обнаруженные в архивных материалах тенденции укрупнения хлебного хозяйства Кунгурского уезда.

Тенденция сокращения количества крупных мельниц для Чердынского уезда наблюдалась в начале XIX в. В 1804 г. на данной территории из 231 мельницы колесных было только 26 [Попов, 1804, с. 110]. Местные жители предпочитали использовать мутówki, а больших строений было менее 10 %.

В начале XVIII в. максимальное число мельничных объектов было обложено обязательным платежом, который составлял в среднем 1,8 % от общего оклада местных воеводской и провинциальной канцелярий. С новых мельниц платежи аккуратно поступали в государственную казну, а владельцы старых оброчных объектов не вносили деньги ввиду естественных причин (смерть хозяина, разрушение мельницы). В делопроизводственных материалах фиксируются ввод в эксплуатацию и постанoвка на оброк крупных мельниц, особенно на юге Прикамья, где активно развивался хлебный рынок. Продукция прикамского мукомольного производства (мука, крупа) не только продавалась на местных рынках, но и вывозилась в другие уезды.

Список литературы

- Андривский А. А.** Судьба киевских водяных мельниц // Киевская старина. 1891. № 7. С. 131–133.
- Жгилев В. С.** Мельницы в структуре северной деревни XIX – начала XX веков и их отражение в экспозиции музея «Малые Корелы» // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Архангельск, 2010. С. 83–99.
- Заяц И. С.** Архитектура водяных и ветряных мельниц Северо-Западного региона России. История и перспективы сохранения. СПб.: СПбГАСУ, 2012. 316 с.
- Кауфман А. О.** Кузнецкие мельницы XVII – начала XVIII вв. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2023. Вып. 10. С. 38–43.
- Климанов С. А.** Расширение источниковой базы и новые результаты в изучении писцовых книг Перми Великой 1579 и 1623–24 гг. Часть 1 // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 15–31.
- Люцидарская А. А.** Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. С. 457–461.
- Милюков П. Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1905. 688 с.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1989. 352 с.
- Пономарев Н. А.** История техники мукомольного и крупяного производства. М.: Заготиздат, 1955. 132 с.
- Попов Н. С.** Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь: Тип. губ. правл., 1804. 400 с.
- Преображенский А. А.** Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 302 с.
- Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX – начало XX века / Гл. ред. С. П. Толстов. М.: Наука, 1967. 358 с.
- Теплоухов А. Ф.** К истории мукомольного производства в западной части Пермской губернии // Тр. Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1915. Вып. 12. С. 264–273.

- Устюгов Н. В.** Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с.
- Фальковский Н. И.** Москва в истории техники. М.: Моск. рабочий, 1950. 528 с.
- Черных О. Н., Волшаник В. В.** Роль водяных мельниц в воссоздании исторических ландшафтов // Природообустройство. 2017. № 4. С. 47–55.
- Штурм Л. К.** Совершенное описание строения мельниц. М.: Сенат. тип., 1782. 54 с.

References

- Aleksandrov V. A.** (ed.). Na putyakh iz Zemli Permskoi v Sibir': ocherki etnografii severno-ural'skogo krest'yanstva XVII–XX vv. [On the Ways from the Land of Perm to Siberia: Essays on the Ethnography of the North Ural Peasantry in the 17th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1989, 352 p. (in Russ.)
- Andrievsky A. A.** Sud'ba kievskikh vodyanykh mel'nits [The Fate of Kyiv Water-powered Mills]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity], 1891, no. 7, pp. 131–133. (in Russ.)
- Chernykh O. N., Volshanik V. V.** Rol' vodyanykh mel'nits v vossozdanii istoricheskikh landshaftov [Role of Water Mills in Restoration of Historical Landscapes]. *Prirodoobustroistvo* [Environmental Engineering], 2017, no. 4, pp. 47–55. (in Russ.)
- Falkovsky N. I.** Moskva v istorii tekhniki [Moscow in the History of Technology]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1950, 528 p. (in Russ.)
- Kaufman A. O.** Kuznetskie mel'nitsy XVII – nachala XVIII vv. [Kuznetsk Mills of the 17th – Early 18th Centuries]. In: Iz kuznetskoi stariny [From Kuznetsk Antiquity]. Novokuznetsk, 2023, iss. 10, pp. 38–43. (in Russ.)
- Klimanov S. A.** Rasshirenie istochnikovoi bazy i novye rezul'taty v izuchenii pistsovykh knig Permi Velikoi 1579 i 1623–24 gg. Chast' I [Studying the Cadastral Records of Great Perm of 1579 and 1623–24: Broadening the Source Base and New Results. Part 1]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology], 2023, no. 9, pp. 15–31. (in Russ.)
- Lyutsidarskaya A. A.** Mel'nitsy sibirskogo regiona v XVII veke kak znaki stanovleniya i razvitiya mukomol'nogo proizvodstva [Mills of the Siberian Region in the 17th Century as Signs of the Formation and Development of Flour-grinding Production]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings], 2018, vol. 13, pp. 457–461. (in Russ.)
- Milyukov P. N.** Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [State Economy of Russia in the 1st Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo M. V. Pirozhkova, 1905, 688 p. (in Russ.)
- Ponomarev N. A.** Istoriya tekhniki mukomol'nogo i krupyanogo proizvodstva [History of Flour and Cereal Production Technology]. Moscow, Zagotizdat Publ., 1955, 132 p. (in Russ.)
- Popov N. S.** Khozyaistvennoe opisanie Permskoi gubernii [Economic Description of the Perm Province]. Perm, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1804, 400 p. (in Russ.)
- Preobrazhensky A. A.** Ocherki kolonizatsii Zapadnogo Urala v XVII – nachale XVIII v. [Essays on the Colonization of the Western Urals in the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow, AS USSR Publ., 1956, 302 p. (in Russ.)
- Preobrazhensky A. A.** Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka [The Urals and Western Siberia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1972, 392 p. (in Russ.)
- Shturm L. K.** Sovershennoe opisanie stroeniya mel'nits [A Perfect Description of the Structure of Mills]. Moscow, Senatskaya tipografiya, 1782, 54 p. (in Russ.)
- Teploukhov A. F.** K istorii mukomol'nogo proizvodstva v zapadnoi chasti Permskoi gubernii [On the History of Flour Milling in the Western Part of the Perm Province]. In: Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Proceedings of Perm Scientific Archive Commission]. Perm, 1915, iss.12, pp. 264–273. (in Russ.)

- Tolstov S. P.** (ed.). Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas. Zemledelie. Krest'yanskoe zhilishche. Krest'yanskaya odezhda. Seredina XIX – nachalo XX veka [Russians. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant Dwelling. Peasant Clothes. The Middle of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Moscow, Nauka, 1967, 358 p. (in Russ.)
- Ustyugov N. V.** Soleyarenaya promyshlennost' Soli Kamskoi v XVII veke: k voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnoshenii v russkoi promyshlennosti [The Salt Industry of the Sol' Kamskaya in the 17th Century: On the Question of the Genesis of Capitalist Relations in Russian Industry]. Moscow, AS USSR Publ., 1957, 336 p. (in Russ.)
- Zayats I. S.** Arkhitektura vodyanykh i vetryanykh mel'nits Severo-Zapadnogo regiona Rossii. Istoriya i perspektivy sokhraneniya [Architecture of Water- and Wind-powered Mills of the North-West Region of Russia. History and Prospects of Preservation]. St. Petersburg, SPbGASU, 2012, 316 p. (in Russ.)
- Zhgilev V. S.** Mel'nitsy v strukture severnoi derevni XIX – nachala XX vekov i ikh otrazhenie v ekspozitsii muzeya "Malye Korely" [Mills in the Structure of the Northern Village of the 19th – Early 20th Centuries and Their Reflection in the Exposition of the Museum "Small Korely"]. In: Traditsionnaya kul'tura Russkogo Severa: istoki i sovremennost' [Traditional Culture of the Russian North: Origins and Modernity]. Arkhangelsk, 2010, pp. 83–99. (in Russ.)

Информация об авторе

Анна Алексеевна Космовская, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57219358488
WoS Researcher ID X-4396-2019

Information about the Author

Anna A. Kosmovskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57219358488
WoS Researcher ID X-4396-2019

*Статья поступила в редакцию 25.07.2024;
одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 15.10.2024
The article was submitted on 25.07.2024;
approved after reviewing on 24.09.2024; accepted for publication on 15.10.2024*

Научная статья

УДК 94(47).05/065+911.375.4:355.47

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-113-126

**«В разные годы в пьянстве малые кражи чинил»:
преступления служащих нижних чинов
Выборгского и Кексгольмского гарнизонов
в 1710–1740 годах**

Мария Евгеньевна Проскурякова

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Аннотация

Статья посвящена проблеме военного права и правоприменения в военных судах России XVIII в. Внимание уделено сопоставлению государственного законодательства и приговоров, вынесенных в отношении гарнизонных служащих Выборга и Кексгольма. Изучение архивных данных по Выборгскому и Кексгольмскому гарнизонам позволило выявить наиболее распространенные преступления служащих нижних чинов, проанализировать характер вынесенных им приговоров, сравнить наказания за схожие преступления и проследить применение военно-уголовного права в повседневной судебной практике. Установлено, что решения полковых судов при утверждении их в Военной коллегии зачастую пересматривались в сторону смягчения наказания. Параллельно с кодифицированными нормами существовал свод неписаных правил, ежедневно применявшихся и значительно менее суровых.

Ключевые слова

преступления, судопроизводство, наказания, военное сословие, гарнизоны, Выборг, Кексгольм, служащие нижних чинов

Для цитирования

Проскурякова М. Е. «В разные годы в пьянстве малые кражи чинил»: преступления служащих нижних чинов Выборгского и Кексгольмского гарнизонов в 1710–1740 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 113–126. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-113-126

**“From Time to Time, Being Drunk, He Committed Petty Thefts”:
Crimes of Lower-Ranking Military Men
of the Vyborg and Kexholm Garrisons
in the 1710–1740**

Mariya E. Proskuryakova

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Abstract

The article examines military law and law enforcement in military courts in Russia during the 18th century. The author compares state legislation with sentences imposed on the garrison personnel of the Vyborg and Kexholm fortresses.

© Проскурякова М. Е., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 113–126
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 113–126

The study spans the period from the 1710s to the 1740s, which represents the early use of two pivotal military law acts from the Petrine era: the Military Procedure Code and the Military Article, both issued in 1715. By analyzing archival documents pertaining to the Vyborg and Kexholm garrisons, the author identifies the most prevalent crimes committed by lower-ranking personnel, assesses the nature of the sentences rendered, compares punishments for similar offenses, and traces the application of military criminal law in routine judicial practice. The findings indicate that the most common offenses among lower-ranking members in Vyborg and Kexholm included escapes and thefts. Military personnel were also frequently charged with poor performance of their duties and excessive alcohol consumption. In contrast, more serious crimes, such as false denunciation, attempts on life, and sexual violence, were relatively rare. Under the law, even minor military offenses faced severe penalties. However, the revision process introduced significant modifications to the nature of these sentences. The College of War frequently reviewed the decisions made by regimental courts, often opting for lighter punishments. Consequently, alongside the established codified norms, a set of unwritten rules emerged that were implemented in practice and tended to be more lenient.

Keywords

crimes, legal proceedings, punishments, social group of military men, garrisons, Vyborg, Kexholm, lower-ranking military men

For citation

Proskuryakova M. E. "From Time to Time, Being Drunk, He Committed Petty Thefts": Crimes of Lower-Ranking Military Men of the Vyborg and Kexholm Garrisons in the 1710–1740. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 113–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-113-126

Исследование посвящено практике применения норм военно-уголовного законодательства в русской армии 1710–1740 гг. и продолжает серию статей, посвященных преступлениям служащих Выборгского и Кексгольмского гарнизонов и вынесенным им наказаниям [Проскурякова, 2012; 2014]. В течение 2000-х – начала 2020-х гг. российскими специалистами было опубликовано несколько работ по проблеме военного права и правоприменения в военных судах XVIII в. Внимание историков оказалось привлечено к несоответствию законов, принятых по воле Петра I против преступлений военнослужащих, и выносимым в судах приговорам. По закону беспощадно карались даже самые незначительные проступки военных. Однако ревизионно-решающий порядок рассмотрения дел вносил существенные коррективы в характер приговоров. Решения полковых судов при утверждении их в Военной коллегии зачастую пересматривались в сторону смягчения наказания.

Одно из первых исследований, в котором был описан данный феномен, принадлежит Б. А. Азнабаеву. Его статья посвящена правонарушениям дворян, служивших в Оренбургском корпусе в 1743–1802 гг. Автору удалось показать, что военные судьи в своей практике отказались от санкций законодательства. Б. А. Азнабаев предположил, что такое отступление от норм закона произошло с течением времени, после 1720-х гг. [Азнабаев, 2004, с. 114]. Другая значимая работа о преступлениях офицеров вышла в 2011 г. В центре внимания Е. М. Лупановой оказался офицерский корпус русского флота второй половины XVIII в. [Лупанова, 2011]. По сути, ее выводы о невозможности применения на практике законодательных норм в силу их суровости подтвердили выводы, сделанные ранее Б. А. Азнабаевым. По мнению Е. М. Лупановой, большое количество преступлений и дефицит кадров заставили военных судей изменить и облегчить санкции на уровне принятия конкретного решения. Также девиантному поведению военнослужащих, следственным практикам и процедурам судопроизводства посвящены работы последних лет А. В. Дмитриева [2018; 2020а; 2020б; 2021] и Д. А. Письмак [2022]. Историки на основании анализа богатого архивного материала пришли к заключению о том, что приговоры полковых судов в воинских частях Сибирского корпуса второй половины XVIII в. принимались исключительно на основе норм права. В то же время Военная коллегия, обладая определенной свободой действий, выносила решения, не соответствующие букве закона [Там же, с. 148]. Здесь военные власти руководствовались соображениями служебной необходимости и практической целесообразности, что, по мнению А. В. Дмитриева, придавало системе военного правосудия гибкость [Дмитриев, 2018, с. 82].

Несмотря на то что проблема правоприменения обсуждается в современной научной литературе, абсолютное большинство работ посвящено второй половине XVIII в. и зачастую

офицерскому корпусу, в то время как правоприменение в первой половине того же века по-прежнему остается малоизученной темой. В настоящей статье на основании анализа комплекса архивных документов проведено системное сопоставление законодательства с приговорами полковых судов и решениями, принятыми в отношении этих приговоров Военной коллегией. Внимание сосредоточено на преступлениях и дисциплинарных проступках унтер-офицеров, солдат и нестроевых нижних чинов.

Наиболее значимыми источниками для исследования являются военные законы царя Петра: первый в России Военно-процессуальный кодекс («Краткое изображение процессов или судебных тяжб...») (ПСЗ-I, 1830, т. 5, № 3006, с. 382–411) и первый кодекс о преступлениях и наказаниях военнослужащих – Артикул воинский [Российское законодательство, 1989, с. 327–265]. Согласно данным, полученным Д. О. Серовым, самая ранняя публикация Военно-процессуального кодекса относится к 1712 г., а Артикула воинского – к 1714 г. [Серов, 2013]. Внедрение уложений в судебную практику России тесно связано с переходом государства к регулярной армии и созданием военного сословия. Эта трансформация потребовала наличия специфических правовых норм. Прежнее российское законодательство не соответствовало новым задачам государства.

Военно-процессуальный кодекс 1712 г. был издан в новой редакции в 1715 г. Он регулировал военное судопроизводство и судебный процесс. Следствие (фергер) начиналось с проверки фактов преступления и возглавлялось аудитором. Аудитор был должностным лицом, имевшим необходимые юридические познания для расследования преступлений. По окончании расследования аудитор выносил постановление о передаче материалов в суд (кригсрехт). Состав полкового кригсрехта включал в себя председателя (презуса), шесть заседателей, аудитора и секретаря. Место председателя обычно занимал командир полка, а остальные офицеры получали места заседателей. Аудитор не имел голоса при принятии решений в суде и лишь надзирал за законностью приговора. Решения полкового кригсрехта выносились на основе норм Артикула воинского. Окончательная редакция этого свода военно-уголовных законов появилась в 1715 г. Акт содержал перечень военных преступлений и наказаний за них. Важнейшей особенностью русской военной судебной системы того времени было утверждение (конфирмация) судебных решений. Принципиальное значение для формирования в России этой системы имел императорский указ от 3 марта 1719 г. [Серов, 2008, с. 105]. Ревизионно-решающей инстанцией для полковых судов стал генеральный кригсрехт. В нем в качестве судей выступали высшие армейские командиры. Указ требовал направлять каждый приговор генералитета на утверждение. После утверждения высшим генералитетом приговоры направлялись на рассмотрение в Военную коллегию.

Результаты исследования основаны на анализе комплекса неопубликованных источников. Их можно разделить на три основные группы: 1) переписка командующего гарнизонными войсками на Карельском перешейке с центральными властями ¹; 2) следственные дела и судебные приговоры, которые отложились как в материалах Выборгской провинциальной канцелярии (1722) ², так и в документах Аудиторской экспедиции Канцелярии Военной Коллегии (1710–1730-е гг.) ³; 3) смотровые списки служащих гарнизонных полков с данными о правонарушениях и приговорах (за 1733, 1735, 1740) ⁴.

В данной работе особое внимание уделено сопоставлению государственного законодательства и приговоров, вынесенных в отношении гарнизонных служащих Выборга и Кексгольма. Хронологические рамки исследования ограничены концом 1710-х – 1740 г., когда два основных акта военного права – Военно-процессуальный кодекс и Артикул воинский – только вводились в юридическую практику. Изучение данных по Выборгскому и Кексгольмскому гарнизонам позволило выявить наиболее распространенные преступления, рассмотреть

¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 706, 1061.

² КА. VeSa. Nrot. 2996.

³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1, 3.

⁴ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 34, 54, 198, 199.

характер наказаний, применявшихся к служащим гарнизонов, сравнить наказания за схожие преступления и, наконец, проследить применение военно-уголовного права в повседневной судебной практике. Гарнизон Выборга включал в себя три полка, а гарнизон Кексгольма составлял батальон (в 1732 г. батальон был развернут в полк). Общая численность служащих местных гарнизонов в период с 1710 по 1740 г. выросла с трех тысяч до пяти с половиной тысяч человек.

Материалы названных выше источников содержат сведения более чем о 300 преступлениях унтер-офицеров и рядовых. Выявлены сведения о 206 побегах, пяти случаях умысла на совершение побега, двух случаях подстрекательства к побегу и одном факте неявки на службу в установленный срок. Данный вид преступлений следует считать наиболее распространенным противоправным деянием служащих нижних чинов [Проскурякова, 2014]. На втором месте по числу эпизодов находятся преступления, совершенные из корыстных побуждений (49 случаев). К этой категории преступлений отнесены кражи, скупка и заклад краденого имущества. Далее следуют правонарушения дисциплинарного характера: винокурение, виноторговля («корчемство»), «слабая команда» и пьянство. Общее число выявленных правонарушений такого рода составляет 44 случая. Значительно меньшее распространение получили преступления, связанные с ложным доносом или составлением поддельных документов. В рамках исследования были установлены факты по 18 таким эпизодам, и большинство из них касалось инцидентов по предоставлению властям ложных сведений, чаще всего в отношении сослуживцев. Наконец, меньше всего данных об особо тяжких преступлениях, таких как убийства и преступления на сексуальной почве. Всего удалось выявить четыре эпизода, связанных с покушением на жизнь, и три случая преступлений на сексуальной почве (табл. 1).

Таблица 1

Правонарушения служащих нижних чинов в 1710–1740 гг.

Table 1

The Offences of Lower-Ranking Personnels in 1710–1740

Вид преступления	Преступление	Количество
Дезертирство	Побег	206
	Умысел к побегу / подстрекательство к побегу	7
	Неявка на службу	1
Преступления для извлечения материальной выгоды	Кража	45
	Скупка краденого	3
	Операция с закладом	1
Дисциплинарные правонарушения	Винокурение и корчемство	23
	«Слабая команда»	15
	Пьянство	2
Доносы и подлоги	Ложный донос	16
	Составление подложного документа	2
Тяжкие преступления	Убийство / самоубийство	4
	Преступление на сексуальной почве	3
Всего		328

Среди преступлений, совершаемых служащими нижних чинов, на втором месте по числу случаев находятся кражи. Совершались кражи казенного и полкового имущества, кражи у обывателей, кражи у сослуживцев, кражи церковного имущества, грабежи. Власти предвидели возможность широкого распространения преступлений такого рода. В Артикуле воин-

ском 21-я глава «О зажигании, грабительстве и воровстве» из 18-ти статей (статьи со 178 по 195) была посвящена кражам и грабежу (Российское законодательство, 1989, с. 361–363).

В документах выявлены данные о 16 эпизодах совершения краж государственного и полкового имущества. Чаще всего объектом кражи становилось недорогое казенное имущество. Солдат Шувалова полка Матвей Агафонов 17 августа 1725 г. нарушил правила несения караульной службы и совершил кражу⁵. Согласно его показаниям, он получил от капрала разрешение сходить в казарму и взять хлеб. Возвращаясь на пост, солдат увидел в окне одной из кладовых палат полковой артиллерии крюк («крюк железной, чем бомбы вытаскивают»)⁶. М. Агафонов украл и спрятал крюк, намереваясь впоследствии продать. Во время суда стало известно, что солдат покинул караул без разрешения капрала, поэтому М. Агафонову предъявили обвинение как в краже из артиллерии, так и в незаконном оставлении караула. Согласно Артикулу, эти преступления заслуживали высшей меры наказания. Статья 191-я провозглашала, что хищение из артиллерии должно караться повешением, а статья 192-я требовала смертной казни для любого, кто покинул караул и совершил кражу (Российское законодательство, 1989, с. 362)⁷. Выборгский обер-комендант Иван Максимович Шувалов направил 23 октября 1725 г. в Военную коллегию доношение и экстракт из фергера и кригсрехта с решением о смертной казни. Уже 15 декабря 1725 г. Военная коллегия постановила заменить повешение солдата троекратным прогоном сквозь строй шпирцрутенами и ссылкой на каторгу на три года. Члены Коллегии смягчили наказание из-за низкой стоимости украденного крюка и непричастности солдата к преступлениям в прошлом: «...понеже он преж сего служил беспорочно и та кража не великой важности, к тому ж оное краденое им в целости назад возвращено»⁸.

Нередко жертвами краж, совершенных служащими нижних чинов, становились городские обыватели или товарищи по службе. Среди похищенных предметов в разные годы были зарегистрированы чулки, штаны, шапка, сукно для военной формы, лоскуты форменного сукна, чехол для барабана. В материалах по штатному составу гарнизонов удалось найти сведения о четырех случаях краж у выборгских купцов и прибывших в крепость иноземцев. Так, в 1729 г. мушкетер Козьма Коновалов украл у посадского 40 руб.⁹ В 1735 г. капрал Матвей Кругляков был обвинен в краже хрустальной посуды у неизвестного¹⁰.

Интересна биография барабанщика Выборгского гарнизона Авдея Опочинина, привлекавшегося к суду по обвинению в совершении пяти краж. Служивший с 1703 г., барабанщик впервые совершил преступление в Дубках, украв муку у маркитантов. Во второй раз он украл муку в Выборге у местного жителя. В следующий раз А. Опочинин ограбил в Выборге иноземца, взяв у него шубу. Все преступления барабанщик совершал в состоянии алкогольного опьянения, и всё похищенное было возвращено владельцам. За третье преступление его приговорили к наказанию батогами¹¹. Четвертую кражу А. Опочинин совершил 31 мая 1725 г. Будучи пьяным, он проходил мимо двора выборгского жителя мещанина Класа Вегера и увидел привязанную к «городьбе» лошадь с прикрепленными к седлу двумя пистолетами. А. Опочинин забрал пистолеты. Лошадь принадлежала шведскому офицеру Георгию Отто, только что прибывшему в Выборг. Свидетелем кражи стал служитель Г. Отто Яган Питерсон. Он задержал вора и передал его караульным на гауптвахту¹². По статье 191-й, военнослужащие, совершившие кражу в четвертый раз, должны были быть наказаны повешением. Именно эта мера пресечения названа в приговоре полкового суда А. Опочинину, состоявшегося в августе 1725 г.: «И по криксрехту презеса <...> капитана Хотяинцова и асе-

⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 103 об. – 104.

¹⁰ Там же. Д. 199. Л. 109 об. – 110.

¹¹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161. Л. 1 об.

¹² Там же. Л. 1.

соров приговорено вышеписанному барабанщику Авдею Опоченину за кражу королевского величества шведского у оборстер-лейтнанта Георгия пистолетов одной пары, с которыми он, Опоченин, пойман служителем ево Яганом Питерсоном, по военному Артикулу 191 учинить ему смертную казнь, повесить, понеже-де он <...> допросом своим объявил, что и прежде в разных годах в пьянстве малые кражи чинил»¹³. 25 октября 1725 г. Военная коллегия отменила казнь из-за незначительности всех совершенных краж и возвращении украденного владельцам. Барабанщика наказали троекратным проходом сквозь строй в тысячу человек под ударами шпицрутен. Впоследствии А. Опоченин продолжал служить, нарушая закон¹⁴. В 1728 г. он украл штаны у капрала Выборгского гарнизонного полка Репникова, за что был вновь наказан шпицрутенами¹⁵.

Еще два случая касались кражи церковного имущества в Нейшлоте и Кексгольме в 1721 г. Во время происшествия Нейшлот всё еще находился под контролем русского военного контингента. Служащие трех Выборгских гарнизонных полков обеспечивали охрану этой крепости, направляя в нее на службу по несколько десятков человек¹⁶. Одной из главных обязанностей военных в крепости Нейшлот была караульная служба, в том числе охрана церквей. 31 января солдату Карпова полка Максиму Давыдову было приказано нести караул у церкви. Однако он покинул пост, вошел в церковь и взял из алтаря церковные и солдатские деньги. Общая сумма похищенного составила 28 руб.¹⁷ Завладев деньгами, солдат раздал их небольшими суммами товарищам на хранение под видом личных сбережений¹⁸. Полковой суд приговорил М. Давыдова к смертной казни по статьям 186 и 192 (Российское законодательство, 1989, с. 362). Статья 186-я требовала смертной казни для любого, кто ограбит церковь, а статья 192-я предусматривала повешение служащего за оставление караула и совершение кражи.

Аналогичные обвинения были предъявлены солдату Кексгольмского батальона. 30 июня 1721 г. Григорий Тихонов покинул караул у церкви в Кексгольме и ограбил ее. Он взял из опечатанного ящика два рубля церковных и поповских денег¹⁹. Приговор по этому делу полностью соответствовал приговору суда над М. Давыдовым. Согласно нормам статей 186-й и 192-й, Г. Тихонов должен был быть казнен²⁰. Приговоры М. Давыдову и Г. Тихонову власти Выборга отправили в Военную коллегия для конфирмации. В феврале 1722 г. императорский указ отменил для них смертную казнь и заменил ее ссылкой в Сибирь²¹. Вероятнее всего, причиной для столь сурового приговора стало совершение солдатами двух преступлений одновременно: самовольное оставление караула и кража церковного и казенного имущества.

Итак, по делам о четырех кражах 1721–1725 гг. удалось выявить данные о приговорах как полкового суда, так и Военной коллегии. Во всех четырех случаях полковые офицеры приговаривали виновных к смертной казни по законодательной норме. И во всех четырех случаях казнь была отменена. В трех из четырех случаев служащие были виновны в оставлении караула и краже. Все трое были приговорены к ссылке на каторгу, но солдат М. Агафонов, виновный в краже из артиллерии, получил двойное наказание: шпицрутены и каторга. В то же время барабанщика А. Опоченина, виновного в совершении кражи в четвертый раз, приговорили только к шпицрутенам, как и в случае совершения им пятой кражи в 1728 г. Таким образом, прослеживается система в вынесении Военной коллегией определенных приговоров по определенным видам преступлений: уход с караула и совершение кражи карались ссыл-

¹³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. С. 100 об. – 101.

¹⁶ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 43. Л. 52 – 114 об.

¹⁷ KA. VeSa. Nrot. 2996. F. 101v.

¹⁸ Ibid. F. 102.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. F. 102v.

²¹ Ibid. F. 92–92v.

кой; уход с караула и совершение кражи из артиллерии – шпицрутенами и ссылкой; четвертая и пятая кражи – шпицрутенами (табл. 2).

Таблица 2

Приговоры полкового суда и Военной коллегии
по делам о кражах в 1720-е гг. *

Table 2

The Sentences of the Regimental Court and the College of War
on the Cases of Theft in the 1720s

Чин и имя	Год и вид деяния	Наказание по Артикулу воинскому	Приговор полкового криссрехта	Приговор Военной коллегии
Солдат Максим Давыдов	1721 г. Кража церковного имущества	Статья 186: Смертная казнь	1721 г. Смертная казнь	1722 г. Ссылка на каторгу
	Оставление караула	Статья 192: Смертная казнь		
Солдат Григорий Тихонов	1721 г. Кража церковного имущества	Статья 186: Смертная казнь	1721 г. Смертная казнь	1722 г. Ссылка на каторгу
	Оставление караула	Статья 192: Смертная казнь		
Солдат Матвей Агафонов	1725 г. Кража из артиллерии	Статья 192: Смертная казнь	1725 г. Смертная казнь	1725 г. Шпицрутены; ссылка на каторгу на три года
	Оставление караула			
Барабанщик Авдей Опочинин	1725 г. Четвертая кража	Статья 191: Смертная казнь	1725 г. Смертная казнь	1725 г. Шпицрутены (3 раза)

* Сост. по: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161, 165; Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. 100 об. – 101; КА. VeSa. Nrot. 2996. F. 92–92v, 101–102v.

Нередко преступления совершались военнослужащими в нетрезвом состоянии. В конце февраля 1737 г. петербургские власти организовали инспекцию Выборга и Кексгольма с целью выявления случаев незаконного винокурения и виноторговли. В феврале – марте того года проверяющим удалось установить, что выборгскую виноторговлю вели солдаты, их жены, солдатские вдовы, а также отставные служащие. Непосредственно в солдатских квартирах Выборга работало пять кабаков²². По итогам инспекции майор лейб-гвардии Преображенского полка И. И. Альбрехт установил вину в незаконном промысле семерых унтер-офицеров и рядовых Выборгского гарнизона²³. По приговору генерала А. И. Ушакова те из них, кто участвовал и в винокурении, и в торговле вином, были приговорены к прогону сквозь полковой строй шпицрутенами (по пять раз) и штрафу в пять рублей. Унтер-офицеров также разжаловали в солдаты до выслуги²⁴.

²² РГВИА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 69. Л. 15–16.

²³ Там же. Л. 174–176.

²⁴ Там же.

В Кексгольме военнослужащие скупали вино у жителей уезда и затем перепродавали в трактирах («корчемство»). И. И. Альбрехт выявил девятнадцать случаев содержания кабаков в квартирах унтер-офицеров и солдат Кексгольмского гарнизонного полка²⁵. По показаниям местных, некоторые кабаки работали давно. Например, солдат Ананья Сума держал трактир на протяжении четырех лет: «Допросом показал, шинок он имеет у себя тому года с четыре и вино продавал даже сего 737 году Великого посту по первую неделю»²⁶. Жена другого солдата – Клина Медведева – Маланья Никитина дочь нелегально торговала вином на протяжении двух лет: «Допросом показала, шинок-де она у себя имела года з два и вино продавала до первой недели сего 737 году Великого поста, а муж ее обретається в Смоленску для приему рекрут 736 году декабря з 24 дня и про ту продажу не ведал»²⁷. И. И. Альбрехт обвинил шестнадцать человек в приобретении спиртных напитков у жителей уезда и незаконной перепродаже вина. Лейб-гвардии майор включил в число виновных сержанта Андрея Воробьева, капрала Ефима Шептунова и капрала Семена Иванова, одиннадцать солдат, барабанщика и флейтиста²⁸. По решению генерала А. И. Ушакова унтер-офицеры были приговорены к наказанию шпицрутенами и разжалованию в солдаты, тогда как остальные служащие были наказаны только шпицрутенами²⁹. Ни в приговоре служащим Выборгского гарнизона, ни в приговоре служащим Кексгольмского гарнизона нет ссылок на законодательную норму, на основании которой выносилось решение. В самом Артикуле воинском не содержится отдельной статьи о винокурении и корчемстве: пьянство упоминалось лишь какотягчающее вину в ином преступлении обстоятельство, а также как последствие «слабой команды» со стороны старших чинов (Российское законодательство, 1989, с. 336). Однако наказание, вынесенное за винокурение и виноторговлю в 1737 г., обосновали так: «Понеже всякое пьянство, зернь и корчемство в великия слабости, непотребства и беспорядки приводят...»³⁰.

Ненадлежащее исполнение служебных обязанностей («слабая команда») было довольно распространенным видом правонарушений в крепостях. К их числу могут быть отнесены такие проступки, как «слабая команда в карауле»; «слабая команда на почте»; побег арестованного из-под караула; неправильное заполнение книг по сбору податей; самовольное оставление караула и пьянство; «слабая команда» над солдатами; неправильный подсчет денег (табл. 3).

Таблица 3

Наказания за «слабую команду» в 1710–1740 гг. *

Table 3

The Punishments for the “Weak Command” in 1710–1740

№	Чин и имя	Время и характер преступления	Наказание
1	Мушкетер Семен Малой	1718 г. «Слабая команда на карауле»	Шпицрутены (3 раза)
2	Подпрапорщик Степан Конев	1723 г. Утрата государственного имущества и «слабое смотрение, быв на почте»	Освобожден без наказания
3	Гренадер Прокофей Журавлев	1724 г. Побег арестанта из-под караула	Освобожден без наказания

²⁵ РГВИА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 69. Л. 176 – 176 об.²⁶ Там же. Л. 21.²⁷ Там же.²⁸ Там же. Л. 176 об.²⁹ Там же.³⁰ Там же. Л. 8.

Окончание табл. 3

№	Чин и имя	Время и характер преступления	Наказание
4	Капрал Иван Гусев	1724 г. Побег арестанта из-под караула	Битие батогами и разжалование в солдаты на месяц
5	Мушкетер Никита Карпенков	1727 г. Побег арестанта из-под караула	Шпицрутены
6	Солдат Иван Яковлев	1731 г. Утрата подушных денег (40 рублей)	Шпицрутены и каторга
7	Солдат Дементий Кузнецов	1732 г. Утрата казенных денег	?
8	Мушкетер Михаил Очишалов	1733 г. Ошибочное заполнение «книг»	Шпицрутены (3 раза)
9	Мушкетер Григорий Воронин	1734 г. Неверный подсчет денег	Шпицрутены (3 раза)
10	Капрал Михаил Кононов	1736 г. Уход с караула и пьянство	Битие батогами
11	Сержант Петр Плотников	1737 г. Незаконное взятие сена («насильно»)	Битие батогами и бессрочное разжалование в солдаты
12	Мушкетер Семен Котов	1738 г. Неверный подсчет денег	Шпицрутены (3 раза)
13	Солдат Иван Синогин	1739 г. Побег арестанта из-под караула	Шпицрутены (7 раз)
14	Мушкетер Федор Федоров	Не позднее 1740 г. Незаконное взятие сена («насильно»)	Битие батогами
15	Мушкетер Яков Поташев	Не позднее 1740 г. Побег арестанта	Битие батогами

* Сост. по: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 556; Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 53 об. – 54, 56 об. – 57, 63 об. – 64, 87 об. – 88, 90 об. – 91, 98 об. – 99, 100 об. – 101; Д. 198. Л. 10 об. – 11, 79 об. – 80; Д. 199. Л. 5 об. – 6, 33 об. – 34, 51 об. – 52, 62 об. – 63, 65 об. – 66, 67 об. – 68, 108 об. – 109, 112 об. – 113.

Суровые наказания применялись к служащим, виновным в «слабой команде», в редких случаях. Например, это могло произойти при утрате значительных денежных сумм. Так произошло в 1731 г. с солдатом Выборгского гарнизонного полка Иваном Яковлевым. Он участвовал в сборе подушной подати с жителей Галицкого уезда Архангелогородской губернии. Находясь у сбора денег, И. Яковлев получил приказ доставить из Галицкой провинциальной канцелярии на полковой двор в Яренске 40 руб. на нужды полка³¹. Сначала И. Яковлев на допросах утверждал, что по дороге из Галича в Яренск в одной из деревень, будучи на празднике, он напился до беспамятства и был ограблен: «...будучи в пути в приходе церкви Фрола и Лавра в день того торжественного праздника в деревне, которая имеетца от той церкви в близости, а как званием того не знает, у пьяного и к тому ж <...> у сонного оные денги выняли и, убоясь того, не явсья на полковом дворе, бежал...»³². В дальнейшем следствию удалось выяснить, что И. Яковлев ездил по окрестным деревням и пил в течение четырех недель, растратив не менее 20 руб.: «...будучи в пути недели с четыре, ходя по кабакам, також

³¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 556. Л. 1 – 1 об.

³² Там же. Л. 1 об.

в день праздника Фрола и Лавра у церкви, которая от деревни верстах в две, а как звание той деревни не знает, пил с неделю ж и пропил из оных денег, на вине издержал, на лакомстве и на пиве рублей з дватцать или более, а достальные обронил, или у пьяного кто вынял, того он не знает и, убоясь того, бежал»³³. Арестованный солдат был признан виновным в преступлениях по статье 95-й о дезертирстве и статье 194-й о хищении казенных денег и имущества (Российское законодательство, 1989, с. 344, 363). По этим нормам полковые судьи 29 апреля 1732 г. приговорили Яковлева к «политической казни» (50-ти ударам кнута и вырезанию ноздрей) и ссылке в Охотск³⁴. Однако 18 сентября 1732 г. Военная коллегия заменила «политическую казнь» на шпицрутены и ссылку на каторгу, принимая во внимание невиновность И. Яковлева в других преступлениях и отсутствие злого умысла совершить кражу: «...сии деньги прямо тайно не украл, но его погрешение в том состоит, что он деньги, которые он в охранении у себя имел, себе издержал и пропил...»³⁵.

Ни в одном из изученных документов о наказаниях за «слабую команду» нет ссылок на конкретную правовую норму. Вероятнее всего, в упомянутых выше случаях применялась статья 28-я, требовавшая разжалования в солдаты за неисполнение приказа из-за лени, глупости и медлительности (Российское законодательство, 1989, с. 333). Зачастую виновные носили чин рядового, поэтому власти применяли к ним телесное наказание. Служащие, виновные в побегах арестантов и неверном заполнении книг и журналов, наказывались шпицрутенами. И только унтер-офицеров приговаривали к двойному наказанию: шпицрутенам или батогам и разжалованию в солдаты.

Довольно распространены были ложные доносы и ложное произнесение «слова и дела». Эта формула означала, что служащий готов сообщить властям о фактах, имеющих высочайшее значение: об опасности для жизни императора или опасности для империи, или преступлениях лиц высокого ранга (ПСЗ-I, 1830, т. 5, № 2877, с. 137–138; № 3143, с. 531–532; № 3261, с. 603–604; т. 8, № 5528, с. 261–264). Всего выявлено 16 случаев ложного произнесения «слова и дела». Самые ранние сведения о попытке военных использовать формулу относятся к 1718 г., к делу о хищении таможенной казны в Кексгольме. Судьи обвинили в краже казны бурмистра Кексгольмской таможни Игнатия Долгополова и нескольких служащих местного гарнизона. И. Долгополов на одном из первых допросов произнес: «слово и дело»³⁶. После пытки он признал, что не имел важных сведений, а свои предыдущие показания объяснил страхом перед расследованием хищения. Далее И. Долгополов утверждал, что произнести формулу ему посоветовал солдат Никита Парфенов, охранявший его в тюрьме. Н. Парфенов заверил бывшего бурмистра, что расследование кражи будет остановлено, пытки отменены, а его отошлют в Санкт-Петербург для допросов: «...научал-де ево и велел сказать о том, будучи у него на карауле, первой роты салдат Никита Парфенов того ради, что-де отошлют в Санкт-Питербурх и пытать впредь не станут»³⁷. По словам И. Долгополова, он согласился, стремясь оградить себя от сурового приговора по делу о хищении. Однако он не смог реализовать план и ухудшил свое положение. К обвинению в хищении казны прибавилось обвинение в ложном доносе. В конце концов И. Долгополов был приговорен петербургскими властями к ссылке в Сибирь, но умер до отправки к месту наказания³⁸.

По данным за 1735 и 1740 гг. ложный донос можно считать довольно распространенным явлением в Выборге и Кексгольме. Так, среди служащих Ивангородского полка 1735 г. три человека были виновны в ложном доносе³⁹. Пять лет спустя в том же полку четыре человека имели приговоры к различным наказаниям за аналогичное преступление⁴⁰. В Артикуле су-

³³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 556. Л. 11.

³⁴ Там же. Л. 11 об.

³⁵ Там же. Л. 11 об. – 12.

³⁶ КА. VeSa. Nrot. 2996. F. 103; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 706. Л. 173.

³⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 706. Л. 174.

³⁸ КА. VeSa. Nrot. 2996. F. 92v, 130.

³⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 57 об. – 58, 64 об. – 65, 67 об. – 68.

⁴⁰ Там же. Д. 199. Л. 11 об. – 12, 72 об. – 73, 99 об. – 100, 115 об. – 116.

ществовала лишь одна статья о ложном доносе: статья 148-я. Однако она не декларировала конкретных мер «штрафования» преступника (Российское законодательство, 1989, с. 353). На практике наказанием, как правило, становились шпицрутены. В 13 из 16 эпизодов виновных приговорили к шпицрутенам. В двух случаях виновные были наказаны как физически, так и ссылкой на каторгу (табл. 4).

Таблица 4

Наказания за ложный донос в 1710–1740 гг. *

Table 4

The Punishments for the False Denunciation in 1710–1740

Наказание	Количество приговоров
Шпицрутены	13
Наказание кнутом и ссылка на каторгу	1
«Политическая казнь» и ссылка на каторгу	1
Нет данных	1
Всего	16

* Сост. по: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 706. Л. 173–174 об.; РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 177; Ф. 490. Оп. 1. Д. 34, 54, 198, 199.

Меньше всего сведений удалось найти о тяжких преступлениях: среди них попытка самоубийства, покушение на убийство, нанесение тяжелых побоев, повлекших смерть, подстрекательство к убийству. Больше всего данных удалось найти по делу мушкетера Ивангородского полка Владимира Клюкина 1733 г. (или по данным второго источника 1736 г.)⁴¹ Он совершил преступление во время сбора подушной подати в Вологодском уезде. Мушкетеру вместе с другими выборгскими служащими поручили взыскать недоимки. В ходе пражения денег В. Клюкин избил монаха, который скончался от полученных травм. Действия мушкетера подпадали под статью 158-ю, устанавливавшую смертную казнь за убийство, совершенное в порыве гнева (Российское законодательство, 1989, с. 357). Вопреки законодательной норме В. Клюкина приговорили к наказанию шпицрутенами (пятикратному прогону сквозь строй)⁴².

Сведения о половых преступлениях также немногочисленны: они касаются трех эпизодов. В 1721 г. жительница деревни Новая кирка обвинила в насилии служащего Выборгского гарнизона Якова Зуева⁴³. Несмотря на требование статьи 167-й наказать насильника отсечением головы или вечной ссылкой на галеры (Российское законодательство, 1989, с. 359), судьи приговорили Я. Зуева к битию батогами перед полком: «Был в фергере и криксрехте <...> 721-го году по челобитью Новой кирки девки чюхонки за бесчестье и ругательство, бит перет полком батоги»⁴⁴. В 1722 г. такому же наказанию подвергли солдата Ивана Козлова. Его обвинили в умысле «со скотом блудить»⁴⁵. В этом случае приговор полностью соответствовал закону. Согласно статье 165-й, военный, виновный в половой связи с животным («скотоложество»), должен был быть приговорен к жестокому телесному наказанию (Российское законодательство, 1989, с. 358). В 1732 г. мушкетер Степан Москалев был судим за соращение чужой жены: «...во взятые себе от живаго мужа жены»⁴⁶. Преступление

⁴¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 66 об. – 67; Д. 199. Л. 65 об. – 66.

⁴² Там же. Л. 66 об. – 67; Д. 199. Л. 65 об. – 66.

⁴³ Там же. Д. 198. Л. 20 об. – 21.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 106 об. – 107.

⁴⁶ Там же. Д. 54. Л. 40 об. – 41.

С. Москалева должно было караться по статье 170-й, признающей виновным лицо, замеченное в половой связи с замужней женщиной (Российское законодательство, 1989, с. 359–360). За это предусматривалось наказание шпицрутенами, отставка и каторга. С. Москалев был приговорен к трехкратному проходу сквозь полковой строй под ударами шпицрутен, что соответствовало законодательной норме. Однако после тяжелого телесного наказания он продолжил службу ⁴⁷.

Итак, наиболее распространенными преступлениями служащих нижних чинов в Выборге и Кексгольме были побеги и кражи. Нередко военные также обвинялись в плохом исполнении служебных обязанностей и пьянстве. Такие преступления, как ложное доношение, покушения на жизнь и половую неприкосновенность, происходили значительно реже. Как правило, все правонарушения унтер-офицеров и рядовых рассматривались полковым судом, а затем Военной коллегией в сжатые сроки (не более года). Если судьи полкового суда, вынося приговор, строго руководствовались нормами Артикула, то Военная коллегия почти никогда не следовала им. Смертные приговоры, вынесенные в Выборге и Кексгольме, отменялись в ходе повторного рассмотрения дела. Обычно казнь заменяли различными телесными наказаниями, реже – каторгой. За совершение кражи наказывали так же, как и за любой дисциплинарный проступок: виновного приговаривали к шпицрутенам. Таким образом, в повседневной судебной практике первой половины XVIII в. нормы Артикула были существенно скорректированы, и действовал иной свод неписаных правил, значительно менее строгих.

Список литературы

- Азнабаев Б. А.** Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 101–114.
- Дмитриев А. В.** Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: Официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83.
- Дмитриев А. В.** Правонарушения в сфере семейной жизни военнослужащих регулярной армии России XVIII в. с позиций истории повседневности // Гуманитарные науки в Сибири. 2020а. Т. 27, № 1. С. 50–56.
- Дмитриев А. В.** Правонарушения офицеров нерусского происхождения в частях русской регулярной армии на территории Сибири в XVIII в. // Aus Sibirien – 2019: Науч.-инф. сб. Тюмень, 2020б. С. 44–48.
- Дмитриев А. В.** Преступления военнослужащих регулярной армии России XVIII в. в сфере семейной жизни: Имперское законодательство и реальная практика наказаний // Вестник Ом. гос. ун-та. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 13–22.
- Лупанова Е. М.** Офицерский корпус русского флота: норма и девиация повседневной жизни. 1768–1812 гг. СПб.: ЛЕМА, 2011. 251 с.
- Письмак Д. А.** Процедуры судопроизводства в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века // МНСК-2022: Материалы 60-й Междунар. науч. студ. конф. Археология. История. Этнография. Новосибирск, 2022. С. 147–148.
- Проскурякова М. Е.** «От смертной казни освободить...». Борьба с преступностью в Выборгском гарнизоне в начале XVIII века // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 68–71.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 40 об. – 41.

- Проскурякова М. Е.** «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 8. С. 82–92.
- Серов Д. О.** Ревизионно-решающий порядок в уголовном процессе России конца XV – первой четверти XVIII в. // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 102–109.
- Серов Д. О.** Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. 2013. Февраль. № 2 (Т. LXXV). С. 113–121.

Список источников

- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 5. 780 с.; Т. 8. 1022 с.
- Российское законодательство X–XX вв. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4: Российское законодательство периода становления абсолютизма. 511 с.

References

- Aznabaev B. A.** Voinskie pravonarusheniya sluzhashchikh dvoryan Orenburgskogo korpusa vo второй половине XVIII v. (po smotrovym i formulyarnym spiskam polkov i batal'онов Orenburgskoi gubernii) [Military Offenses of the Serving Nobles of the Orenburg Corps in the 2nd Half of the 18th Century (According to the Inspection and Service Records of the Regiments and Battalions of the Orenburg Province)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow State University Bulletin. Series 8: History], 2004, no. 1, pp. 101–114. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Voennoe sudoproizvodstvo v armeiskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII v.: Ofitsial'nyi mekhanizm i real'naya praktika [Military Proceedings in the Army Units at the Territory of Siberia in the 18th Century: Official Mechanism and Real Practice]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2018, no. 1, pp. 74–83. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Pravonarusheniya ofitserov nerusskogo proiskhozhdeniya v chastyakh russkoi regul'arnoi armii na territorii Sibiri v XVIII v. [Offences Committed by Officers of Non-Russian Origin in Units of the Russian Regular Army in Siberia in the 18th Century]. In: *Aus Sibirien – 2019: Nauchno-informatsionnyi sbornik* [Aus Sibirien – 2019: Scientific Information Compendium]. Tyumen, 2020, pp. 44–48. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Pravonarusheniya v sfere semeinoi zhizni voennosluzhashchikh regul'arnoi armii Rossii XVIII v. s pozitsii istorii povsednevnosti [Crimes in the Family Life of Military Personnel of the 18th Century Russian Army from the Perspective of the History of Everyday Life]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2020, vol. 27, no. 1, pp. 50–56. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Prestupleniya voennosluzhashchikh regul'arnoi armii Rossii XVIII v. v sfere semeinoi zhizni: Imperskoe zakonodatel'stvo i real'naya praktika nakazanii [Crimes of 18th Century Russian Regular Army Servicemen in Their Family Life: The Imperial Legislation and Real Practice of Punishments]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series: Historical Studies], 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 13–22. (in Russ.)
- Lupanova E. M.** Ofitserskii korpus russkogo flota: norma i deviatsiya povsednevnoi zhizni. 1768–1812 gg. [Officer Corps of the Russian Navy: Norm and Deviation of Everyday Life. 1768–1812]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2011, 251 p. (in Russ.)
- Pismak D. A.** Protsedury sudoproizvodstva v chastyakh Sibirskogo korpusa vo второй половине XVIII veka [The Procedure of Legal Proceedings in the Units of the Siberian Corps in the 2nd Half of the 18th Century]. In: *MNSK-2022: Materialy 60-i Mezhdunarodnoi nauchnoi*

- studencheskoi konferentsii. Arkheologiya. Istoriya. Etnografiya [ISSC-2022. Proceedings of 60th International Scientific Student Conference. Archaeology. History. Ethnography]. Novosibirsk, 2022, pp. 147–148. (in Russ.)
- Proskuryakova M. E.** “Bezhev is polku...”: fenomen dezertirstva v kontekste istorii sudebnoi praktiki pervoi poloviny XVIII veka [“Having Escaped from the Regiment...”: Phenomenon of Desertion in Context of History of Judicial Practice during the 1st Half of the 18th Century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, iss. 8, pp. 82–92. (in Russ.)
- Proskuryakova M. E.** “Ot smertnoi kazni osvobodit’...”. Bor’ba s prestupnost’yu v Vyborgskom garnizone v nachale XVIII veka [“To Release from the Death Penalty...”. The Fight against Crime Committing in the Vyborg Garrison in the Early 18th Century]. *Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]*, 2012, no. 10, pp. 68–71. (in Russ.)
- Serov D. O.** Revizionno-reshayushchii poryadok v ugovnom protsesse Rossii kontsa XV – pervoi chetverti XVIII v. [The Revision and Decision Procedure in Criminal Proceedings in Russia in the Late 15th – 1st Quarter of the 18th Century]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2008, no. 6, pp. 102–109. (in Russ.)
- Serov D. O.** Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i “Kratkogo izobrazheniya protsessov ili sudebnykh tyazheb” (Iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel’sтва Rossii XVIII v.) [Forgotten Versions of the Military Article and the “Brief Description of Processes or Legal Proceedings” (From the History of the Codification of Military Legislation in Russia in the 18th Century)]. *Lex Rossica*, 2013, Feb., no. 2 (vol. LXXV), pp. 113–121. (in Russ.)

List of Sources

- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 5, 780 p.; vol. 8, 1022 p. (in Russ.)
- Rossiiskoe zakonodatel’svo X–XX vv. [The Russian Legislation of 10th – 20th Centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986, vol. 4, 511 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Евгеньевна Проскурякова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222101505
WoS Researcher ID S-5426-2016

Information about the Author

Mariya E. Proskuryakova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222101505
WoS Researcher ID S-5426-2016

Статья поступила в редакцию 05.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 01.10.2024
The article was submitted on 05.09.2024;
approved after reviewing on 18.09.2024; accepted for publication on 01.10.2024

Научная статья

УДК 94(47).06+316.472

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы)

Дмитрий Алексеевич Редин ¹

Сардаана Николаевна Копырина ²

^{1,2} Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

¹ volot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3431-1662>

² sandaleyk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6306-4333>

Аннотация

В статье, написанной в русле историографической проблемы социального дисциплинирования как знаковой практики формирования раннемодерных обществ, исследуются дисциплинарные процессы, реализовавшиеся в первые десятилетия существования Екатеринбурга – крупного металлургического предприятия и центра экстерриториальной административной единицы ведомственного подчинения на востоке Российского государства. Отчасти развивая мысль В. М. Живова о возможности социальной дисциплинаризации без конфессионализации, авторы, между тем, не склонны считать такой вариант дисциплинаризации абсолютно лишенным духовных оснований, если понимать под духовностью не религиозность, а ту квазирелигиозную, морализаторскую модель построения «полицейского» государства, которую создавал Петр I. Социальная среда, возникшая вокруг промышленного производства в Екатеринбурге, объективно создавала благоприятные условия для проведения последовательного, тотального и жесткого дисциплинирования, результаты которого еще предстоит оценить.

Ключевые слова

социальное дисциплинирование, Новое время, Екатеринбург, В. И. Геннин, В. Н. Татищев

Благодарности

Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 24-18-00080, <https://rscf.ru/project/24-18-00080/>

Для цитирования

Редин Д. А., Копырина С. Н. Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 127–143. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

The Practice of Social Discipline in Early Yekaterinburg and in the Factories of the Yekaterinburg Department (1720s – 1750s)

Dmitry A. Redin ¹, Sardaana N. Kopyrina ²

^{1,2} Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation

¹ volot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3431-1662>

² sandaleyk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6306-4333>

Abstract

The article, written in the context of the historiographic problem of social discipline as a significant practice in the formation of societies in the early modern period, examines the disciplinary processes implemented in the first decades of the existence of Yekaterinburg, a large metallurgical enterprise and the center of an extraterritorial administra-

© Редин Д. А., Копырина С. Н., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 127–143
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 127–143

tive unit of departmental subordination in the east of the Russian state. Partially developing the idea of V. M. Zhivov on the possibility of social disciplinarization without confessionalization, the authors, however, are not inclined to consider this version of disciplinarization absolutely devoid of spiritual foundations if we understand spirituality not as religiosity but as a quasi-religious, moralizing model of building a “police” state created by Peter the Great. In Yekaterinburg, due to the fact that the life of its population was closely connected with ensuring a continuous production cycle, the problem of a high level of discipline was most acute, not only in the factory shops and during working hours but also beyond them. At the same time, these pragmatic considerations were reinforced by the moralizing attitudes of the city's founding fathers: V. I. Hennind and V. N. Tatishchev, who convinced supporters of the idea of building a “regular” state and rationally organized social relations. They, who personified secular power in Yekaterinburg and the Yekaterinburg department, were the true leaders of all processes, including disciplinary ones, having subordinated the church authorities in this regard. Yekaterinburg, thus, represented an almost ideal model for the embodiment of Peter the Great's “police pathos.” Although practically all disciplinary measures of the local administration met resistance from the population in one way or another, the social environment that developed around industrial production in Yekaterinburg objectively created favorable conditions for the introduction of consistent, total and strict discipline, the results of which have yet to be assessed.

Keywords

social disciplining (disciplinarization), New Time, Yekaterinburg, V. I. Hennind, V. N. Tatishchev

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation grant no. 24-18-00080, <https://rscf.ru/project/24-18-00080/>

For citation

Redin D. A., Kopyrina S. N. The Practice of Social Discipline in Early Yekaterinburg and in the Factories of the Yekaterinburg Department (1720s – 1750s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 127–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

Как известно, тема социального дисциплинирования (или социальной дисциплинаризации) в качестве историографической проблемы сформировалась в лоне западноевропейского, даже точнее – немецкого, историописания второй половины XX в. [Oestreich, 1969; Schulze, 1987; Bucholz, 1991; Winkelbauer, 1992; Weber, 1995]. Если говорить несколько упрощенно, то основной идеей исследователей этого направления стало постулирование исключительно важной роли церковной организации, в первую очередь реформатской (кальвинистской), в воздействии на всестороннее регулирование общественной жизни: от интеллектуальной сферы и частных отношений до публичных практик и экономической деятельности в протестантских государствах Европы XVI – начала XVIII в. *Sozialdisziplinierung* (букв. «социальная дисциплина») как комплекс мер по жесткому навязыванию обществу норм и предписаний, направленных на установление контроля над населением в целях упорядочивания социальных отношений, было тесно связано с процессом конфессионализации: распространением религиозных (теологических, литургических, сотериологических, в целом – морально-нравственных) установок на государственно-политические институты. Светские государи, поддержавшие Реформацию и, став главами «своих» церквей, избавившиеся от давления со стороны католической ортодоксии, получили более широкие возможности в реализации собственной власти над подданными, благодаря строгому религиозному послушанию, требуемому протестантским учением от своих последователей. Социальное дисциплинирование, таким образом, рассматривается изучающими его историками в прямой связи с Реформацией как определяющий фактор формирования государств современного типа и яркий маркер перехода от Средневековья к Новому времени в Европе. Филипп Горски, автор, пожалуй, наиболее масштабного и концептуально последовательного труда на эту тему, предпочитает говорить даже о *дисциплинарной революции* в странах Северной Европы, в известной степени расценивая ее, а не так называемую «военную революцию» и / или экономические инновации, как определяющую силу процесса модернизации [Gorski, 2003]. Знакомство с работами по социальному дисциплинированию в Европе раннего Нового времени обращает внимание на тесную связь идеологии дисциплинирования с законодательными практиками установления «полицейских порядков» (см., например: [Weber, 1995, S. 420]): разнообразных нормативных актов, очень близких, между прочим, по своей сути к идее *Polizeistaat*, сформулированной во второй половине XVII в. ранними немецкими камералистами, понимавшими

под «полицейскими» комплекс регулируемых государством мер по организации рациональной общественной деятельности.

Изучение процессов и практик социального дисциплинирования на примерах протестантских государств Северной Европы стимулировало в дальнейшем дискуссии о том, насколько аналогичные явления были характерными и определяющими для других, непротестантских европейских стран того времени. И если первоначально речь шла о католических странах эпохи Контрреформации (например, южных германских княжествах или Франции) [Po-chia Hsia, 1989, p. 39–52; Brunet, 2007], то по крайней мере с 2010-х гг., с подключением к дискуссии отечественных специалистов, в историографии сформировался вопрос о наличии или отсутствии признаков социального дисциплинирования в ареале православного христианства, как в контактных зонах (на территории Польско-Литовского государства и Речи Посполитой XVI–XVII вв.), так и в России допетровского периода. Весьма резонансной в этом направлении стала статья В. М. Живова «Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия», опубликованная в 2012 г. [Живов, 2012]¹. В дальнейшем тема исследований процессов социального дисциплинирования в компаративном ключе с активным привлечением российского материала получила развитие в серии семинаров и круглых столов, организованных на базе Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Высшей школы экономики в 2021–2022 гг.²

Не вдаваясь глубоко в содержание дискуссий, отметим лишь то, что имеет отношение к нашему дальнейшему повествованию. Рассматривая социальное дисциплинирование в контексте православной культуры, исследователи отмечали либо его незавершенный характер (провал дисциплинарной революции в России в XVIII в., по мнению В. М. Живова), либо его отсутствие ввиду принципиально иных черт православной антропологии, отличавшей ее от католической и протестантской, по заключению М. В. Дмитриева. Если В. М. Живов видел в действиях и «ревнителей древлего благочестия», и официальной церкви (от патриарха Никона до патриарха Адриана) не только потенциал, но и практику социального дисциплинирования, качественно трансформированных Петром I, то М. В. Дмитриев доказывает, что и в допетровский период (в XVI–XVII вв.) дисциплинарные процессы в Русском государстве отвечали лишь критериям церковной дисциплины (*Kirchenzucht*), но никак не социальной. Наверное, с аргументацией М. В. Дмитриева следует согласиться. Но означает ли это, что в раннее Новое время социальное дисциплинирование в России было возможно только через церковь, с помощью церкви и в результате проникновения религиозных идей и практик в систему светского государственного (правового и неправового) воздействия на население? Иными словами, так ли уж фатально социальное дисциплинирование связано с конфессионализацией?

В этом отношении нам ближе позиция В. М. Живова. Рассуждая о крахе дисциплинарной революции в России XVIII в. (а М. В. Дмитриев вообще не распространяет свои наблюдения на перспективу XVIII в.), Виктор Маркович отмечал петровские реформы и изменения взаимоотношений церкви и государства лишь как начальный (хотя и принципиально значимый) момент на пути к этому краху. Но автор не отрицал наличия социального дисциплинирования как такового. По его мнению, царь, мечтавший с середины 1710-х гг. о построении «регулярного» государства, по определению не мог отказаться от дисциплинарных практик, поскольку «сама идея («регулярности». – Д. Р., С. К.) требовала социального дисциплинирования, в том числе и в сфере религиозной». В силу этого «политика религиозного дисциплинирования *апроприируется*³ государством» и проводится им на протяжении всего столетия, лишь в конце периода заканчиваясь полным провалом [Живов, 2012]. Справедливо ли говорить о провале дисциплинарной революции в России к концу XVIII в. – вопрос, на наш

¹ Полемику с положениями автора см.: [Дмитриев, 2022].

² Дискуссии 22.10.2021, 10.12.2021 и 02.03.2022. URL: <https://medieval.hse.ru/discussMA> (дата обращения 08.09.2024, 19.09.2024).

³ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Д. Р., С. К.

взгляд, открытый и требующий дополнительных эмпирических знаний и интеллектуальных рефлексий⁴. Но в этих рассуждениях важно признание того, что сама дисциплинарная практика как инструмент формирования современного государства и общества оказывается присуща России не меньше, чем другим европейским странам, хотя, как кажется, питается иными идейными истоками (мы не случайно упомянули выше учение камерализма, воспринятое Петром I и его преемниками (подробнее об этом см.: [Редин, 2021a]). Была ли она напроцуж лишена духовной составляющей? Стала ли она абсолютно секулярной? Думается, на эти вопросы вполне удовлетворительно ответил в свое время Ю. М. Лотман, констатирующий создание Петром «светской религии государственности»: «Государственно-религиозная модель не исчезла, а подверглась интересным трансформациям <...> Практическая деятельность из области “низкого” была поднята на самый верх ценностной иерархии» [Лотман, 2000, с. 39–40]⁵. Служение «общему благу», тождественное, по представлениям эпохи, служению государству, требовало едва ли не религиозного самоотвержения, а спасение души становилось одной из необходимых *добродетелей* в этом служении⁶. Вызывало ли «светское» социальное дисциплинирование отторжение, чувство протеста, стремление уклониться от навязываемых норм и предписаний? Несомненно, но такая реакция была присуща не только российским подданным (см., например: [Weber, 1995, S. 421–437]). Пожалуй, единственное, хотя в итоге определяющее, кроется в вопросе о результатах социального дисциплинирования: насколько усилия элитных групп в этом направлении приводили к усвоению дисциплинарных норм, к формированию самодисциплины общин и индивидов? Отечественная история как будто дает на это неутешительный ответ, и именно на этом обстоятельстве делал акцент В. М. Живов, утверждая провал дисциплинарной революции в России: ослабив дисциплинарную хватку в конце XVIII столетия, власть, не добившись воспитания сознательных подданных и консолидированного общества, получила вместо этого разобщенные социальные группы и культурно фрагментированное общество [Живов, 2012]. Было ли это следствием провала практики дисциплинирования или произошло в результате более глубоких и разнообразных, часто разновекторных процессов, характерных для огромного и *постоянно расширявшегося гетерогенного государства*, – тоже проблема особая, требующая невероятных по времени и трудозатратам исследовательских усилий. Среди них и накопление нового эмпирического *регионального* материала (ибо исторические процессы в России нельзя понять *вообще*, в некотором «усредненном» формате), и интерпретация его в рамках дисциплинарного дискурса. Наше исследование выполнено в этом русле. Материалом для него послужили источники, характеризующие ситуацию в Екатеринбурге и Екатеринбургском ведомстве 1720–1750-х гг.

Ранний Екатеринбург – идеальный объект для тех, кто хотел бы ознакомиться с дисциплинарными практиками в их «петровском изводе». Само по себе крупное многопрофильное металлургическое предприятие с его технологиями и непрерывным производственным циклом требовало высокого уровня рабочей дисциплины как с точки зрения производительности, так и с точки зрения минимизации травматизма и материальных издержек. Но мануфактурное производство являло собой нечто большее, чем технико-технологический феномен.

⁴ В. М. Живов снова сводит проблему к сотериологическому аспекту. Признавая, что причины провала русской дисциплинарной революции не могут быть объяснены каким-либо одним фактором, ученый, тем не менее, делает акцент именно на идее спасения души как основе «индивидуальной религиозной чувствительности» и самодисциплины; государство, ставшее главным проводником процесса, ставило дисциплину как таковую выше религиозных ценностей. Избрав своим инструментом исключительно принуждение, светская власть и в известной степени и подчиненная ей церковная иерархия не сумели добиться от населения «интериоризации духовных ценностей». Такой вывод представляется нам излишне категоричным.

⁵ Ср.: «“Полицейское государство” есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность... Не только политическая, но и *религиозная* установка» [Флоровский, 2000, с. 351].

⁶ Изменник «интересам государственным и всего народа» не только преступник светских законов, но и «душегубитель»: не эта ли идея наиболее массово и очевидно ощущается в текстах и самой практике петровских присяг, приносимых подданными на Евангелии при вступлении в любую службу?

Оно становилось моделью рационально устроенного общественного организма, а руководство его функционированием служило школой управления иного, отличного от аграрного, общества, формировало особые компетенции. «Искусство распределения индивидов в пространстве... контроль над деятельностью (распределение времени, функционализация и механизация телесности индивида), организация генезисов (переподготовки, предшествующего развития), сложение сил (на основе разделения труда, узкой специализации и стандартизации базовых навыков и операций), нормализующие наказания... тотализация проверок и инспекций» [Литошенко, 2012, с. 291], – всё это оказывалось немыслимым вне организованной системы дисциплинарного принуждения, выходящего за рамки заводского цеха и рабочего времени.

Специфика раннего Екатеринбурга определялась тем, что вся власть в нем сосредоточивалась в руках отраслевой горнозаводской администрации. Высшим органом регионального управления в 1723–1734 гг. был Сибирский обер-бергamt, переименованный в дальнейшем в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов (или, как часто его называли в делопроизводстве для краткости, Канцелярию главного заводов правления). Именно он и возглавлявшие его «командиры» являлись источником абсолютно всех нормативных и исполнительных инициатив как в Екатеринбурге, так и в подчиненных ему казенных заводах, на рудниках, пристанях, в существовавших при них поселениях и крестьянских деревнях, жители которых были приписаны к горнометаллургическим предприятиям для исполнения вспомогательных работ.

Меры, которые можно охарактеризовать как дисциплинирующие, буквально пронизывали все важнейшие стороны жизни екатеринбургских жителей, охватывая те же сферы организации быта и поведения, что и в других европейских странах того времени. Остановимся лишь на некоторых из них. Резонно начать с того, что всесторонней регламентации подлежала жилищная застройка [Редин, 2021б; Екатеринбург в 1733 году..., 2023]. Дом и подворье, по определению частное пространство, в Екатеринбурге контролировалось жесткими предписаниями: унификацией самих построек (жилых и хозяйственных), размерами прилегающего двора и огорода, внутренней планировкой. Едва ли не первым в ряду нормативов, касавшихся жилой застройки в новопостроенном заводе, стал наказ, данный В. Н. Татищевым заводскому комиссару Федору Неклюдову от 15 октября 1723 г. Дома следовало строить по чертежам, присланным от Горного начальства, не далее чем в 120 саженьях от завода, «для того, что, когда на работу бьют, в дальних домах не слышит, да и ходьба мастеровым и работникам далекая большего времени требует». Застройщики не должны были отступать ни от установленных габаритов жилья, ни от их расположения в уличных порядках: «Ежели где усмотрите, что строит дом свой не по чертежу, – назидал Татищев, – а особливо выше другаго, захватит или уступит [от] улицы, оному велеть немедленно перестроить». Запрещалось также самовольно организовывать интерьеры жилища (Татищев, 1990, с. 73). До наших дней сохранился более поздний чертеж типового подворья, разработанный лично В. И. Генниным. Эти предписания касались не только казенных жилищ (а именно в них на первых порах размещались все категории местного населения), но и частной застройки, которая довольно скоро стала преобладать. Уже 27 января 1725 г. своим указом В. И. Геннин требовал от подчиненных «накрепко смотреть с прилежным радением в строении заводских и в собственных домовых строениях, чтоб отнюдь никто не дерзал дворов строить без ведома и чертежа, никто бы не прибавлял и не убавлял, тако ж внутри строения никто самовольно без показания не строил же»⁷. Размеры подворий и их благоустройство зависели от служебного статуса обитателей. Базовым вариантом можно считать дворы рядовых жителей – мастеровых и солдат. Дом представлял собой деревянный сруб с сенями и двумя комнатами («горницей» и «малой горницей»); на хозяйственном дворе располагался погреб с напосребницей-кладовой и сарай для скота⁸. Так называемые «командирские» дома для горных офицеров и упра-

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Д. 354. Л. 294–297.

⁸ Там же. Д. 354. Л. 295 об. – 296.

вителей были просторнее (в частности, число жилых комнат-горниц могло достигать до четырех)⁹, надворные постройки включали черную избу, баню, конюшню, погреб и амбар, а отведенные приусадебные участки отличались большими размерами. Но в целом и им был присущ исходный минимализм. При этом надо заметить, что подобные требования не распространялись на усадьбы главных командиров Сибирских и Казанских заводов в Екатеринбурге. Даже крайне неприхотливый в быту В. И. Геннин проживал в двухэтажной резиденции с обширным садом и конюшнями. Впрочем, жилище главного командира, несомненно, несло репрезентативные функции и, в известной степени, может быть отнесено к административной и общественно значимой застройке, располагаясь напротив здания Сибирского обер-бергамта в парадной западной части города. Официальный статус усадебного комплекса подчеркивался еще и тем, что в его ограде находилась гауптвахта.

Строгий надзор за единообразием внешнего облика и локализации жилых дворов, поддержанием их в чистоте, запреты на «самострой» и захламление бытовым мусором второстепенных улиц-линий и переулков между усадьбами, конечно, во многом диктовались заботами прагматического характера – например, поддержанием высокого уровня противопожарной безопасности. Но, знакомясь с разнообразными нормативными и распорядительными документами региональных властей, трудно избавиться от ощущения, что не только этим. Тесным образом утилитарные мотивы и требования противопожарного, санитарного или общественного порядка, в общем-то разумные и могущие вызывать понимание жителей, переплетались с предписаниями морализаторского свойства, устремленными к воспитанию в екатеринбургских обывателях нормативно предписанных стандартов поведения в быту.

Например, подозрения начальства вызывало неконтролируемое нахождение мастеровых и работных людей вне производства; руководители горной администрации переживали вечные опасения от того, что подобное «шатание» непременно будет использовано обывателями во зло. В известном наказе комиссару Уктусского завода Тимофею Бурцову от 27 февраля 1721 г. В. Н. Татищев, убежденный в том, что «здесьней народ безмерным леностям подвержен», вследствие чего «не токмо определенными неделями (воскресными днями. – Д. Р., С. К.) и господскими праздниками довольствуются, но еще от обычая и лености *празнования умыслили*», приказывал не отпускать никого с заводских работ в неуставленные (невоскресные и непраздничные) дни, обещая исхлопотать в Берг-коллегии «особливый указ» о регламентации поведения и в выходные («о гулящих днях и часах») (Татищев, 1990, с. 62)¹⁰. Прибывший на Урал в следующем году В. И. Геннин, вероятно, относил к подобным «празнованиям» и некоторые хозяйственные обычаи, уходившие корнями в глубокое аграрное прошлое, но неизбежно вступающие в противоречие с его представлениями о производственной дисциплине и нравственности. Например, нескрываемое раздражение В. И. Геннина вызывал обычай так называемых «помочей» – традиции коллективной помощи соседям, обычно в строительстве дома, но также и при осуществлении некоторых других работ [Громыко, 1991, с. 73–85]. Поскольку такой совместный труд неизменно сопровождался угощением «помочан», генерал не видел в нем ничего, кроме повода для бесчинств: «...созывая соседей на работу, – досадовал Вилим Иванович, – а оное ни для чего иного, токмо что для пьянства, понеже надобно ему наварить пива, убить скотину – и в том токмо более пропьют и прогуляют, переезжая из дома в дом»¹¹.

Вполне логичным продолжением практики ограничения «праздных шатаний» обывателей выглядел указ Сибирского обер-бергамта от 17 октября 1726 г., фактически вводивший для них комендантский час. В соответствии с ним екатеринбуржцам запрещалось покидать свои дома «по пробитии вечерней зари». Власти были уверены, что вечерние вылазки за пределы

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.

¹⁰ Подробное расписание рабочего времени, выходных и праздничных дней можно обнаружить уже в наказе В. Н. Татищева екатеринбургскому заводскому комиссару Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г. (Татищев, 1990, с. 81).

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 588–589.

дома совершаются только ради пьянства «в компании собравшихся». Нарушителей следовало «брать под караул и по изобретении вины (т. е. по установлении степени вины. – Д. Р., С. К.), смотря по персоне штрафовать, дабы стыдное житие пресечь и превратить в благое, ибо от пьянства рождается в мастерствах худоба». Вскоре указ был продублирован (11 января 1727 г.) и разослан по всем подчиненным заводским конторам¹². Полагаем, что в этом же ряду следует расценивать и более ранний, уже упоминавшийся указ В. И. Геннина от 27 января 1725 г., одна из норм которого запрещала строительство жилья за пределами крепостной стены, «понеже в таких местах бывают всегда курвяжные дома и шинки»¹³. Дисциплинарный мотив этого указа вполне очевиден, но равно очевидно и то, что он едва ли оказался эффективен: в силу естественных экономических и демографических причин завод-крепость очень быстро начал обрастать слободами.

Тщательно регулировались вопросы противодействия пожарам. Профилактика возгораний и пожаротушение – тема, актуальная для всех русских городов с их преимущественно деревянной застройкой, – в Екатеринбурге приобретала особое значение. Поселение находилось в плотном окружении лесов, а промышленное производство само по себе являлось постоянным источником повышенной пожароопасности. Поэтому неудивительно обилие нормативных документов, издававшихся горнозаводскими властями по этому поводу. Они стали появляться с первых дней основания Екатеринбурга, унифицируя противопожарный надзор на имеющихся заводах и лесных «дачах». В уже цитировавшемся наказе В. Н. Татищева Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г. руководство тушением пожаров и в целом поддержание противопожарной безопасности, в том числе в заводских поселениях, возлагались на лесного надсмотрщика (надзирателя). Он отвечал за то, чтобы при всех хозяйственных и жилых постройках имелись средства пожаротушения. Он должен был распределять жителей на десятки и инструктировать, какой инструмент кому из них следовало нести на пожар. В его ведении находились система оповещения о пожарах и меры их профилактики, согласно которым устанавливались режим топки печей в летнее время, приготовления пищи, курения, содержания в чистоте дворов и улиц, сверка людей, участвовавших в тушении пожара, наказание «тридневною работою безденежно» тех, кто от этой обязанности уклонялся, и т. п. (Татищев, 1990, с. 85–87). В дальнейшем, во второй половине 1720-х гг. и позже, при В. И. Геннине, требования к екатеринбуржцам в этой сфере лишь усиливались. Так, например, с 1729 г. на все обывательские дома в Екатеринбурге и в заводских поселках ведомства следовало прикрепить «железные дощечки» с обозначением на них наименований инвентаря, с которым жители данного дома должны прибыть на пожар. Ужесточалось наказание тех, кто по каким-то причинам не принимал участие в тушении пожаров: вместо трехдневной бесплатной работы виновные подлежали штрафам или телесным наказаниям¹⁴.

И в нормативах о противопожарных мерах, и в регламентации облика и содержания домов, и в правилах, определявших время пребывания жителей Екатеринбурга вне работ / службы и вне жилищ, приведенных нами выше, заметно стремление властей поставить под контроль всякие отклонения от неких единых правил со стороны обывателей. Наказанию подлежали шумное поведение (крики), громкое пение, сквернословие не только в кабаках, но и на улицах. Особенно следовало пресекать подобные поступки и просто «шатание по улицам» в воскресные и праздничные дни во время церковной службы; тем более каралось пребывание в это время в корчмах, «хотя б [кто] и тихо сидел» (Татищев, 1990, с. 90–91).

Но, конечно, самые недюжинные усилия горные командиры прилагали к борьбе с употреблением алкоголя во всех его проявлениях. И в этой истории тоже отчетливо проявляются тесно взаимосвязанные, но исходно различные мотивы социального дисциплинирования – и вполне утилитарные («ничто так ремесла не вредит, как пьянство»¹⁵), и морализаторские:

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 109–110.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 169.

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 29–53, 155–161; Д. 1094. Л. 294–299, 420–435, 470–496; Д. 1138. Л. 421–418.

¹⁵ Из наказа В. Н. Татищева Ф. Неклюдову (Татищев, 1990, с. 82).

«...понеже всем известно, что непрестанное и без меры пьянство какую мерзость и пакость человеку приносит, и в какие болезни и смерти, и в помрачение ума, и в убожество приводит, и не токмо доброго жития лишаются, но и детей свои губят...»¹⁶. Но не то что искоренить, даже обуздать пьянство на заводах было делом практически невозможным. Мастеровые, солдаты и приказные, от 10 до 14 часов в сутки (в зависимости от времени года) проводившие на работе или на службе, имея один выходной день в неделю и очень ограниченные формы досуга, охотно коротали его за распитием спиртного, что зачастую заканчивалось скандалами и драками. Проблема усугублялась тем, что продажа спиртных напитков, как известно, составляла одну из важных статей государственного дохода и, соответственно, поощрялась короной. Но потребление алкоголя напрямую вредило промышленному производству и сводило на нет все усилия горных командиров по поддержанию производственной и общей дисциплины. На решение этой дилеммы и Геннин, и Татищев не жалели сил. Наиболее радикально покончить с винной продажей попытался В. И. Геннин, почти добившись успеха в 1731 г. В сенатский указ о продлении его полномочий в качестве главного командира Сибирских заводов от 14 июня был внесен пункт о кабаках на казенных заводах: «...где оным надлежит быть и не быть, учинить ему, генерал-лейтенанту и кавалеру, *по своему рассмотрению*»¹⁷. Окрыленный успехом, генерал поспешил воспользоваться своим правом и 24 декабря того же года распорядился как в Екатеринбурге, так и на всех предприятиях ведомства «кабаки снести и нигде им от заводов ближе 20, а от рудников 5 или 10 верст не быть». Казенную винную продажу он разрешил для лучших мастеров, подмастерьев и приказных ради семейных торжественных случаев: родин, крестин и свадеб, причем только с ведома управителей и в количестве не более четверти ведра. Обнаруженные излишки следовало отбирать, а виновных наказывать батогами. Разослав приказ по заводам, Геннин обязал поручика Карла Бранта, командира Екатеринбургских рот, по сути исполнявшего тогда функции начальника полиции, во время ночного патрулирования «прислушивать, в какой квартире есть пьянство, крик и драки, и таких людей, кто б какого звания... ни был, не взирая ни на кого, таких брать и приводить на гаубтвахту под караул»¹⁸. Впрочем, действия Виллима Ивановича оспаривались местными гражданскими властями, ответственными за казенную винную продажу. Намерения генерала вызвали опасение падения доходов от реализации винной монополии в губернии, и уже 17 сентября губернская тобольская канцелярия предостерегала, чтобы он не торопился сносить кабаки, поскольку по указу из Сибирского приказа, которому подчинялась губернская администрация, для окончательного решения вопроса следовало ждать общего сенатского определения. Несомненно, в данном случае в ход пошла «подковерная» борьба между ведомствами. Отправив 5 января нового, 1732 г. в Москву и Санкт-Петербург своего нарочного поручика А. Лазарева с отчетами о состоянии заводских дел, В. И. Геннин, между прочим, вновь подал прошение о подтверждении права закрывать кабаки в заводских поселках¹⁹. Лишь 27 ноября 1732 г. Сенат принял по этому поводу соломоново решение: похвалив генерала за добрые намерения, кабаки ему велели оставить в покое. Но, учитывая специфику жизни при заводах, ограничили винную продажу. «Вино, вотку, пива и меды казенные» можно было продавать в торжественные и воскресные дни, исключительно после дневной литургии и только малыми порциями – чарками и кружками (правда, количество таких отпусков не оговаривалось). Ведерную и полуведерную продажу для особых случаев можно было осуществлять по письменным разрешениям (билетам) от «заводского правления». Уличенных в пьянстве в рабочие дни следовало подвергать

¹⁶ Высказывание принадлежит А. Ф. Томилову, главе Сибирского обер-бергамта с 1729 г., в будущем – президенту Берг-коллегии, одному из наиболее последовательных борцов с пьянством в Екатеринбургском ведомстве (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 61 об.).

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 53.

¹⁸ Там же. Д. 331. Л. 616–619, 657–658; Д. 1068. Л. 497.

¹⁹ Там же. Д. 375. Л. 63, 66.

штрафам и телесным наказаниям²⁰. В общем, Сенат вернул состояние дел на исходные позиции, а Сибирскому обер-бергамту и подчиненным ему конторам оставалось, как и ранее, лишь «смотрение иметь, как пить будут люди»²¹.

Горные власти проиграли войну с казенной винной продажей, но не она как таковая оказывалась главным злом. Гораздо большую проблему представляли «неуказный» отпуск спиртного казенными целовальниками (в неположенные дни и время суток), домашнее винокурение и особенно корчемство. Указы В. И. Геннина 1726 и 1727 гг., запрещавшие вечернее нахождение екатеринбуржцев и жителей других поселков при казенных заводах вне их домов, мотивировались прежде всего стремлением пресечь такое нелегальное пьянство. Именно оно процветало всегда, даже в тот короткий период, когда официальная продажа алкоголя была приостановлена, и это приводило в ужас генерала-трезвенника, так описавшего ситуацию в одном из своих указов 1732 г.: «...мастеровые люди и приказные служители... в безмерном пьянстве обращались и так в городе было страшно, что от происходимого крику, и песен, и драк странно было и слушать, что чинитца более от шинков», «ибо кабаков хотя и нет, а все пьяны не от чего иного, что от корчемного вина...»²². Никаких иных средств, кроме принуждения, в арсенале отраслевого руководства не было ни в 1730-е, ни в 1740-е, ни в 1750-е годы. Архивные дела полны «запретительных» указов подобной направленности: «накрепко в народ публиковать, дабы здесь шинки и блятские дома отнюдь пресечены и искоренены были» (определение Сибирского обер-бергамта, 18 сентября 1731 г.); «дабы жены их (офицеров. – Д. Р., С. К.) никаких шинков и корчемства не токмо в квартирах своих мужей, но и в посторонних ни под каким видом не имели и для продажи винной и корчемства никому во услугу не вступали» (указ Военной коллегии, распространенный на территорию Екатеринбургского ведомства, 31 мая 1737 г.); «кому вино курить не дозволено, [а] про себя вино курить станут и в том по следствию уличены будут, за то годным в военную службу чинить наказание – бить плетми и писать в солдаты без зачета в рекруты» (из указа Канцелярии главного заводов правления 1754 г.) и т. п.²³ Непосредственное исполнение всех этих распоряжений в Екатеринбурге возлагалось на командиров местной драгунской команды, осуществлявшей патрулирование, а с появлением в 1734 г. должности полицмейстера – на местную полицию. Инструкция первому полицмейстеру поручику С. Г. Сикорскому, содержащая в том числе обязанность «смотрения» за незаконной виноторговлей и наказаниями виновных в изготовлении, реализации и употреблении спиртного²⁴, стала нормативным актом, на основании которого полиция действовала и в последующие годы.

Борьба с пьянством – по сути, за нравственный облик екатеринбуржцев (если рассматривать ее с точки зрения социального дисциплинирования) – смыкалась с попытками властей контролировать сексуальное поведение жителей. Речь идет о наказаниях за то, что на казенном языке того времени именовалось «блудным делом» («блудом», «блудным воровством»). Под эту категорию подпадал широкий спектр преступлений против нравственности. Наиболее часто встречающиеся в источниках включали: незаконное сожительство, прелюбодеяство, двоеженство / двоемужие²⁵, содержание притонов («курвяжных», или «блядских», домов) и сводничество, принуждение управителями жен подчиненных к «блудному делу» и словесные оскорбления сексуального характера (напоминающие «урекание бляднею» русского средневекового права (Княжеские уставы, 1984, с. 149, 158)).

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1068. Л. 497.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 372. Л. 221 об.

²³ Там же. Д. 1112. Л. 89–94, 192–197; Д. 1397. Л. 807; Д. 1418. Л. 385–390; Д. 1422. Л. 425–430; Д. 1425. Л. 387–403, 458–467.

²⁴ Там же. Д. 499. Л. 55–60.

²⁵ Редкий случай двоемужия известен нам из разбирательства в КГЗП в 1754 г. Жена, оставшаяся с ребенком при живом муже, взятом в рекруты, снова вышла замуж. Ее первый муж, узнав об этом, подал прошение в Канцелярию о рассмотрении дела, но разбирательство не состоялось, потому что обвиняемые бежали (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 33–37, 96–103).

Судебно-следственные дела по преступлениям против нравственности документально фиксируются с первых лет существования Екатеринбурга. Примечательно, что в каждом случае они подлежали рассмотрению светского суда, в роли которого выступал Сибирский обер-бергamt / Канцелярия главного заводов правления (КГЗП). Этот же орган издавал нормативные документы, регулировавшие сексуальное поведение горнозаводских жителей, отдавал распоряжения о наказаниях виновных. Правда, в некоторых случаях (прелюбодеяние, двоеженство²⁶) дело параллельно рассматривалось и в рамках канонического права²⁷; порой уличенные светскими властями в сожительстве отправлялись «для тонкости исследования и увещания» к екатеринбургскому протоиерею²⁸.

Неисследованным остается вопрос: существовала ли в Екатеринбурге проституция как масштабное социальное и коммерческое явление? Были ли в городе места, хоть отдаленно напоминавшие известное «заведение» Дрезденши в Санкт-Петербурге [Ролдугина, 2016]? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, да и анализ самой проблемы показывают, что, скорее всего, таковых не существовало, поскольку для их появления в Екатеринбурге, пожалуй, еще не было объективных условий²⁹. Тем не менее, указы местных властей 1720-х – 1740-х гг. в первую очередь оказывались направленными на искоренение «курвяжных» и «блядских» домов и «вылавливание курв»³⁰. Но, поскольку «блядские дома» в этих указах неизменно находятся в прямой связи с «шинками», нетрудно догадаться, что речь шла об искоренении питейных притонов, обстановка в которых, естественно, располагала и к сексуальному разврату или непотребству, «простонародному блуду», которое трудно отнести к проституции, даже если в каких-то случаях имела место материальная подоплека³¹. Надо заметить, что в промышленном Екатеринбурге нравы были заметно свободнее, чем в традиционной сельской среде или даже в старых провинциальных городах европейской части России. Источники свидетельствуют, что женщины были такими же участницами застолий (и в шинках, и в семейном праздничном кругу во время приема гостей), как и мужчины.

Пожалуй, наиболее полно объект контроля и способы борьбы с непотребствами описаны в определении Канцелярии главного заводов правления от 8 мая 1735 г. «Об искоренении на заводах подозрительных бляцких домов и блядей». В нем содержалось поручение екатеринбургской полиции «для конечного оных мерзостей пресечения» брать под арест «девок и вдов», «кто в таковых бляцких приводах явятся» и, в качестве смирения, насильно выдавать замуж за холостых и вдовых ссыльных. Уличенных в прелюбодеянии надлежало наказывать «как указы повелевают» и вычитать месячный заработок в пользу богадельни (не получавшие жалованья должны были бесплатно отработать на заводе месяц). Определение предусматривало ответственность родителей за поведение дочерей, поскольку члены Канцелярии были уверены, «что такие в девках продерзости наиболее происходят от нерадения, а может быть и с позволения родителей». За «нерадение» родителям полагалось «жестокое наказание» – вероятно, традиционные плети и батоги или штрафы (если речь шла о лицах,

²⁶ Каноническое право в качестве особого преступления знало не одновременное, а последовательное двоеженство: даже второй брак после вдовства предполагал епитимью (Василий Великий. Пр. 4, 12). Одновременное двоеженство может рассматриваться классифицирующим признаком прелюбодеяния – второй брак в этом случае браком не признавался. В рамках канонического права прелюбодеям назначалось 15 лет отлучения от причастия (Василий Великий. Пр. 4, 12). Все известные нам случаи двоеженства в Екатеринбурге карались именно как прелюбодеяние; светским приговором виновные наказывались кнутом (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 142 – 142 об.; Д. 1414. Л. 1–54).

²⁷ На основании синодального указа от 4 сентября 1722 г. (ПСЗ-I, 1830, т. 6, № 4081, с. 764–767).

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1399. Л. 313–318.

²⁹ Об организованной проституции и социальной среде, стимулирующей возникновение этого явления в России XVII–XVIII вв., кроме упомянутой статьи И. Ролдугиной, см., например: [Бошкова, 2014; Мартыненко, 2009].

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Д. 560. Л. 202–203; Д. 1030. Л. 1–5.

³¹ «Непотребство – не проституция, и с формализацией российского законодательства в XIX в. юристы четко разводили два понятия. Да и Устав благочиния уже в 1782 г. определял проститутку как тех, “кто непотребством имеет ремесло” (ст. 263), а не как самих по себе “непотребных женщин”» [Ролдугина, 2016, с. 44].

освобожденных от телесных наказаний), а за «позволение», т. е. поощрение к блуду и сводничеству, – год каторжных работ³². Указ распространял свое действие на все казенные заводы Екатеринбургского ведомства, управителям которых следовало зорко следить, «кто с кем живет блудно», вылавливать «курв» и присылать их в Екатеринбург. Помимо наказаний, предусмотренных в цитированном указе, всех, уличенных в преступлениях сексуального характера, как правило, подвергали телесным наказаниям разной степени тяжести (кроме иностранцев-контрактеров, офицеров, управителей и мастеров), а женщин-прелюбодеек могли подвергнуть еще и позорящему наказанию: публичному изгнанию из города метлами³³.

Горнозаводские власти следили и за внешним обликом подведомственного населения. Речь шла о соблюдении инициированных Петром I норм об обязательном ношении «немецкого платья» и бритье бород. В целом о непростой истории с внедрением этого новшества в России, об региональных особенностях реализации его на практике, об изменениях взглядов самого царя на этот вопрос можно найти исчерпывающую информацию в новейшей и очень обстоятельной монографии Е. В. Акельева [2022]. Соблюдение указов о брадобритии и ношении одежды иностранного покроя (а они подтверждались и после смерти царя-реформатора) в Екатеринбурге и в подведомственных ему поселках имело свои особенности. Они выявляются при сопоставлении письменных и изобразительных источников того времени, хотя реконструируются пока не полностью. На иллюстрациях в известном сочинении В. И. Геннина – «Абрисах» – можно заметить, что все мастеровые и работные люди в цехах Екатеринбургского завода выглядят в соответствии с правительственными узаконениями. Они выбриты и одеты в короткие кафтаны или даже куртки и в штаны-кюлоты с чулками и башмаками; головы их покрыты шляпами с круглыми полями или колпаками. Насколько изображения соответствовали действительности, а насколько отражали представления генерала о том, как *должны* выглядеть его подчиненные? Повседневное ношение «немецкой» одежды в условиях уральского климата было едва ли возможным. Это понимал и сам Петр. Еще в 1706 г., в ответ на просьбу первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, царь разрешил «всяких чинов жителям сибирских городов» носить «платье, також и седла, и протчее подобное тому, как хто что похочет». Такое великодушие было проявлено монархом в ответ на резонные челобитья сибиряков о том, что «им в немецком де платье от великих стуж ходить никоими меры невозможно и за нуждою сделать нечем» (цит. по: [Акельев, 2022, с. 399–400]). Урал, и административно, и в представлениях современников относившийся тогда к Сибири, несомненно, подпадал под действие этого указа, а уральская погода мало чем отличалась от сибирской. В силу этого обитатели уральских заводских поселков вполне могли рассчитывать на послабления, прописанные в указе 1706 г., – ведь его никто не отменял. С другой стороны, в 1722 г. (6 апреля) Петр написал новый именной указ, в котором «накрепко» подтверждал необходимость брить бороды «всем чинам мирским *без выемки*, кроме крестьян подлинных пашенных, а не промышленных». В прямой связи с наличием или отсутствием бороды оказывались и правила ношения соответствующей одежды. «Убежденные» бородачи, упорно не желавшие бриться, не только были обязаны платить бородовую пошлину (50 руб. в год), но и одеваться исключительно в традиционную одежду: «зипун с стоячим клееным козырем, фerezи и однорядку с лежащим ожерельем». За появление с бородой, но не в предписанной – по сути стигматизирующей – одежде с виновных следовало взыскивать единовременный штраф в 50 руб. и отказывать в приеме челобитных [Там же, с. 406–407]. Таким образом, ориентируясь на эти и последующие указы и имея в виду климатические особенности региона, горнозаводское руководство должно было найти какой-то компромиссный выход. Похоже, он нашелся в том, что ношение «немецкого» платья стало обязательным во время работы или службы, в то время как в частном обиходе не преследо-

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 560. Л. 202–203. При этом известен случай, когда штрафу (вычету месячного жалования) был подвергнут муж женщины, уличенной в «блудном воровстве» с холостым любовником, «за невоздержание оной жены от прелюбодения» (Там же. Д. 678. Л. 1152–1153).

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 678. Л. 1152–1153; Д. 1420. Л. 142 – 142 об.

валось использование традиционной одежды. Нам известны случаи, когда даже высокопоставленные горные офицеры, такие, например, как начальник монетного двора гиттенфервальтер А. М. Хрущев, ходили вне службы в национальной одежде³⁴. Некоторую информацию о практике ношения «немецкого» платья и брадобрития на казенных заводах Урала дает история, случившаяся в 1744 г. на отдаленном Лялинском заводе, расположенном почти в трехстах километрах к северу от Екатеринбурга. Подканцелярист местной заводской конторы Василий Пушкарев написал донос в КГЗП на управителя завода шихтмейстера Василия Томилова «в непорядочных поступках». Среди четырех пунктов обвинения Пушкарев сообщал, что почти все работники и служители завода, вопреки указам, ходят в русском платье и не бреют бород и усов (так!), а заводской управитель тому не препятствует и тем самым поступает «противу указов». Развернутое по доносу тщательное расследование показало, что местные власти стараются следовать указам, для чего на заводе даже назначен специальный надзиратель за внешним обликом земляков, плавильщик Митрофан Мальцев, а с лялинских портных взяты подписки о том, чтобы «кроме немецкого платья ничего русского и черкесского не шили». Тем не менее, признавал управитель, «немецкое» платье действительно носят не все, поскольку не могут сшить требуемую одежду «за скудостью и за дачю малого жалования». Впрочем, стремясь следовать указу, некоторые жители носят «резаное» русское платье (видимо, укороченное по европейскому образцу), но для тех, кто занят «в работе при огне» (при плавке меди) ни европейская одежда, ни ее русское подобие не годны, поскольку быстро изнашиваются, сгорают. Что же касается бритья бород и усов, то, по уверению Томилова и Мальцева (который, кстати, одежду европейского кроя носил), эта норма соблюдается³⁵. К сожалению, И. фон Баннер, проводивший следствие, не оставил собственных свидетельств о том, как же все-таки выглядели лялинцы. В дополнение к истории с «немецким» платьем можно добавить еще и то, что в некоторых паспортах, выдаваемых отставным заводским работникам во второй половине 1740-х – начале 1750-х гг., встречаются требования, чтобы после отставки они жили благопристойно, не чинили своевольт, насилия и обид, не просили милостыни, содержали себя в чистоте, а также носили «немецкое» платье и брили бороду³⁶.

Какие выводы можно сделать, опираясь на приведенные примеры? Во-первых, несомненно, контроль за внешним обликом заводских жителей являлся одним из приоритетов горных властей. Во-вторых, если даже на отдаленных от Екатеринбурга заводах в 1740–1750-х гг. начальство старалось следить за выполнением подобных предписаний, то в самом Екатеринбурге, особенно в 1720-е гг., когда был жив император, а его указы о брадобритии и «немецком» платье периодически им обновлялись, контроль за их исполнением мог быть еще строже. Поэтому, вполне возможно, что В. И. Геннин, приводивший в своих «Абрисах» изображения заводских работников в соответствующей одежде, действительности не приукрашивал. Наконец, совершенно очевидно, что «немецкое» платье и бритое лицо, помещенные в один ряд с опрятностью и благопристойностью, обретали в представлениях горнозаводской администрации ценностное значение и считались обязательной чертой благонамеренного дисциплинированного обывателя.

Во всех приведенных примерах социального дисциплинирования, практиковавшегося в раннем Екатеринбурге и на подчиненных ему заводах, видна доминирующая роль светской

³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 901. Л. 542–543. Занятно, что описание одежды Хрущева – «в бурлацком зипуне, в маленькой шапке и в ко́тах» – содержится в рапорте форстмейстера (надзирателя лесов) И. фон Баннера, избитого Хрущевым. При этом сам фон Баннер был одет в привычную ему одежду: камзол и кафтан (явно европейского кроя), которые Хрущев на нем «изодрал» вместе с рубашкой.

³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 241–309.

³⁶ Там же. Д. 1140. Л. 478; Д. 1310. Л. 28, 30 об., 35 об., 38, 39 и др. Надо заметить, что формуляр паспортов, выдаваемых в Екатеринбургском ведомстве, не отличался устойчивостью. Нам встречались по меньшей мере три формы паспортов, различных по структуре и содержанию, и не во всех из них прописано требование о ношении европейской одежды и брадобритии. Таким образом, эта разновидность источников еще нуждается в дополнительном изучении.

власти – ведомственной горнозаводской администрации, особенно ее первых лиц. Главными инструментами дисциплинирования в руках этой власти были принуждение и репрессии. Хотя издаваемые ею ограничительные и запрещающие нормативы не были лишены более или менее ярко выраженных морализаторских сентенций, их дидактическое воздействие имело не больший эффект, чем назидательные пассажи в указах самого царя. Призванные убедить подданных с помощью сухой рациональной логики, они не трогали душу и не несли подлинно воспитательной функции, поскольку не предполагали *практики* воспитания.

А как же церковь? Насколько была важна в этих процессах роль духовенства? Прежде всего следует заметить, что духовное окормление заводчан на протяжении всего исследуемого периода было затруднено крайним дефицитом кадров священно-церковнослужителей, содержание которых зависело от горнозаводской администрации и долго не имело сколько-нибудь оптимального решения. Первый священник, присланный в еще строящийся Екатеринбург в 1723 г., Иоанн Ефимов получал от горных властей какое-то жалованье, «как дается при полках... другим священникам»³⁷, но это было юридически сомнительное решение, действовавшее лишь до тех пор, пока на стройке находился значительный воинский контингент. Впоследствии, с 1730 (по другим источникам, с 1728 г.) по 1734 г. Сибирский обер-бергамт установил сбор на содержание клира и притча по 1 коп. с рубля жалованья, запретив при этом брать плату за отправления треб, чем хоть как-то могло перебиваться духовенство. Но этот сбор вызывал ропот мастеровых и работных людей и в итоге не нашел поддержки в Сенате³⁸. Церковные дела, в первую очередь кадровые и финансовые вопросы, постепенно всё больше попадали под контроль отраслевой администрации (даже утверждение священников на должности при церквях на казенных заводах с 1735 г. оказалось во власти Канцелярии главного заводов правления, а местная богадельня – институция традиционно церковная, была построена на казенные деньги и содержалась на отчисления со штрафов, собираемых горным управлением), что породило затяжные конфликты между нею и сибирскими архиереями в 1740-х – начале 1750-х гг. Разумеется, всё это не могло благотворно сказываться на авторитете клира при горных заводах и не повышало его роли в процессе социального дисциплинирования. Сложное материальное положение духовенства не способствовало и тому, чтобы в Екатеринбург и на заводы ведомства попадали самые достойные его представители. Архивные дела предоставляют множество свидетельств о неблаговидном поведении священников, уличаемых в пьянстве, рукоприкладстве и поборах с населения, что могло бы стать темой отдельного исследования.

Но и паства в Екатеринбурге не отличалась кротостью и благонравием. Проблема заключалась не в том, что в городе изначально концентрировались какие-то особенно нравственно испорченные люди, а в характере труда и быта, отчетливо контрастировавшего с традиционным, имевшим место в сельской местности и в старых провинциальных городах. Как уже отмечалось, специфика заводской работы и привязанной к ней канцелярской службы формировала крайне напряженный бюджет времени. В годовом цикле на воскресные и праздничные дни выпадало около 3-х месяцев – этого было слишком мало для организации сбалансированной частной жизни, если учесть, что значительная часть свободного времени неизбежно уходила на различные домашние дела. Потребности производства вынуждали отраслевое начальство даже отступать от иных норм общего законодательства, в частности от соблюдения правила укороченного рабочего дня по субботам, предусмотренного Уложением 1649 г. и гласившего об окончании «всякия работы и торговли» за три часа до вечера (гл. X, ст. 26). В 1734 г. группа «лучших» людей из мастеровых обратилась в Канцелярию с просьбой вернуть эту норму в практику заводского распорядка, мотивируя прошение необходимостью подготовки в субботный день к вечерней службе и «для исправления необходимых домашних нужд»³⁹. Как видим, даже вполне почтенные жители сочетали в своей просьбе как стремле-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2, 236, 266.

³⁸ Там же. Д. 328. Л. 178–210; Д. 331. Л. 587–588.

³⁹ Там же. Д. 532а. Л. 684–685.

ние к благочестию, так и желание выкроить лишний час для работ по дому⁴⁰. Стоит ли говорить, что многие екатеринбуржцы предпочитали тратить имевшееся свободное время не на воскресную литургию и даже не на домашние работы, а на нехитрые развлечения в виде пьянства и азартных игр. Такое положение дел приводило в негодование генерала Геннина, гневно писавшего о том, что «здесь мастеровые люди и некоторые приказные служители, забыв страх Божий, уклонились к безмерному проклятому пьянству, в ни во что обращающему человека, и не токмо чтоб в церковь к вечерне и заутрене ходить, но и к литургии мало ходят и более упражняются в самые те церковные службы и мольбы в пьянстве»⁴¹. В результате по его указу заводским управителям вменялось в обязанность принудительно водить подчиненных к воскресной службе, «невзирая ни на какие отговорки, и того б за ними смотрели накрепко, чтоб как до службы, так и ко времени оной пьян никто не был, а кто явитца пьян, таковых наказывать от Обер-бергамта... дабы тем удобнее было опровергнуть проклятое и Богу мерзкое пьянство»⁴². Но и в 1750-е гг. ситуация не сильно изменилась к лучшему, несмотря на дополнительное введение специальных штрафов за бесчинное поведение во время крестных ходов и церковных служб. Как видно из этого короткого обзора, роль церкви в социальном дисциплинировании жителей раннего Екатеринбурга была весьма скромна.

Традиционно ограниченный объем статьи вынуждает оставить за ее рамками еще много важного для полного раскрытия темы. Было бы целесообразным рассмотреть не только то, *как* реализовывалась практика социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге, но и *кто* ее реализовывал, кем были они, эти агенты дисциплинирования по своему воспитанию, воззрениям, собственному жизненному опыту и убеждениям. Было бы заманчивым, например, поискать в местных дисциплинарных процессах «протестантский след», учитывая, что В. И. Геннин был кальвинистом, В. Н. Татищев в разные годы проходил обучение и стажировки в Пруссии, Саксонии и Швеции, среди горных офицеров, занимавших различные руководящие должности в горнозаводской администрации в 1720–1734 гг., 71 чел. являлся выпускником столичных и зарубежных (Швеция) военно-учебных заведений [Цеменкова, Черноухов, 2022, с. 437–442], а корпус управителей и мастеров, находившихся в Екатеринбурге в эти же годы, включал в свой состав значительное по местным меркам число иностранцев, в подавляющем большинстве – лютеран. Отдельного исследования заслуживает анализ поведенческих характеристик офицеров и мастеров иностранного происхождения – картина окажется весьма отличной от стереотипно-ожидаемой. Наконец, важным, если не ключевым остается вопрос *о результатах* социального дисциплинирования, столь настойчиво и жестко проводившегося на протяжении нескольких десятилетий. Но, очевидно, всё это остается на дальнейшее.

Подводя же промежуточный итог, зафиксируем следующее. Пример раннего Екатеринбурга ясно показывает, в каких вариантах и формах могла проходить социальная дисциплинаризация без конфессионализации; как «полицейский пафос» (определение Г. Флоровского), свойственный Петровской эпохе, мотивировал элитные группы на жесткое дисциплинирование населения в условиях новой социальной реальности, формировавшейся в поселениях при крупных промышленных предприятиях. Картину социального дисциплинирования в Екатеринбурге при этом было бы, наверное, неправильным экстраполировать на всю Россию первой четверти XVIII в. Реконструированная в настоящей статье реальность могла бы, скорее, послужить своеобразным контрольным образцом, пригодным для компаративных исследований в рамках заявленной историографической проблемы.

⁴⁰ Их просьба была удовлетворена с оговорками: «правило субботнего дня» не распространялось на работавших в доменных и медеплавильных цехах и лишь отчасти касалось работников молотовых цехов в силу специфики производственного цикла.

⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 372. Л. 221.

⁴² Там же. Л. 221 об.

Список литературы

- Акельев Е. В.** Русский Мисопогон: Петр I, бранение и десять миллионов «москвитов». М.: НЛО, 2022. 624 с.
- Бошковска Н.** Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб.: Алетей, 2014. 535 с.
- Громыко М. М.** Мир русской деревни. М.: Мол. гвардия, 1991. 446 с.
- Дмитриев М. В.** От христианской антропологии восточнославянских православных культур XV–XVI вв. к «провалу» социальной дисциплинаризации? // *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2022. Vol. 2, no. 2. P. 14–32.
- Живов В. М.** Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du Monde russe*. 2012. No. 53 (2–3). P. 349–374.
- Екатеринбург в 1733 году: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция [С. И. Цеменкова] // *Историко-географический журнал*. 2023. Т. 2, № 4. С. 94–97.
- Литошенко Д. А.** Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков. Университетский опыт образовательной метатрадиции на заре Нового времени. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 374 с.
- Лотман Ю. М.** Очерки по истории русской культуры XVII – начала XIX века // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 4. С. 13–348.
- Мартыненко Н. К.** Проституция в императорской России: от запрета к легализации // *Новый исторический вестник*. 2009. № 19. С. 30–37.
- Ролдугина И.** Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69.
- Редин Д. А.** Очарование «регулярства»: еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 2. «Российское имперское государство» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2021а. Вып. 75. С. 315–334.
- Редин Д. А.** Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения городского «текста» // *Quaestio Rossica*. 2021б. Т. 9, № 3. С. 1042–1063.
- Флоровский Г. В.** Петербургский переворот // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 4. С. 349–424.
- Цеменкова С. И., Черноухов А. В.** Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20–50-е гг. XVIII в. СПб.: Алетей, 2022. 446 с.
- Brunet S.** Les prêtres des campagnes de la France du XVIIe siècle: la grande mutation // *Dix Septième Siècle*. 2007. No. 59 (234). P. 49–82.
- Buchholz W.** Anfänge der Sozialdisziplinierung im Mittelalter. Die Reichsstadt Nürnberg als Beispiel // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1991. Bd. 18. S. 129–147.
- Gorski Ph.** *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: Uni. of Chicago Press, 2003. 264 p.
- Oestreich G.** *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin: Duncker and Humblot, 1969. 355 S.
- Po-chia Hsia R.** *Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750*. London; New York: Routledge, 1989. 218 p.
- Shulze W.** Gerhard Oestreich Bergiff “Sozialdisziplinierung” in der frühen Neuzeit // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1987. Bd. 14. S. 265–302.
- Weber M.** *Disziplinierung und Widerstand. Obrigkeit und Bauern in Schlesien 1500–1700 // Guts-herrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneu-zeitlicher Agrargesellschaften*. Beiheft 18. München, 1995. S. 419–438.
- Winkelbauer Th.** *Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung durch Grundherren in den öster-reichischen und böhmischen Ländern im 16. und 17. Jahrhundert // Zeitschrift für historische Forschung*. 1992. Bd. 19. S. 317–339.

Список источников

Княжеские уставы и уставные грамоты // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 133–298.

ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 6. 817 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. 436 с.

References

Akeliev E. V. Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov “moskovitov” [Russian Mesopogon: Peter I, the Beard-shaven and Ten Million “Muscovites”]. Moscow, NLO Publ., 2022, 624 p. (in Russ.)

Boshkovska N. Mir russkoi zhenshchiny semnadtsatogo stoletiya [The World of Russian Women of the Seventeenth Century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, 535 p. (in Russ.)

Brunet S. Les prêtres des campagnes de la France du XVIIe siècle: la grande mutation. *Dix Septième Siècle*, 2007, no. 59 (234), pp. 49–82.

Buchholz W. Anfänge der Sozialdisziplinierung im Mittelalter. Die Reichsstadt Nürnberg als Beispiel. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1991, Bd. 18, S. 129–147.

Dmitriev M. V. Ot khristianskoi antropologii vostochnoslavianskikh pravoslavnykh kul'tur XV–XVI vv. k “provalu” sotsial'noi distsiplinarnizatsii? [From Christian Anthropology of East Slavic Orthodox Cultures of the 15th – 16th Centuries to the “Failure” of Social Disciplinarization?]. *Chinese Journal of Slavic Studies*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 14–32. (in Russ.)

Ekaterinburg v 1733 godu: istoriko-antropologicheskaya i arkhitekturno-prostranstvennaya rekonstruktsiya (S. I. Tsemenkova) [Yekaterinburg in 1733: Historical-anthropological and Architectural-spatial Reconstruction]. *Istoriko-geograficheskii zhurnal [Historical-Geographical Journal]*, 2023, vol. 2, no. 4, pp. 94–97. (in Russ.)

Florovsky G. V. Peterburgskii perevorot [The St. Petersburg Revolt]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of the Russian Culture]. Moscow, 2000, vol. 4, p. 349–424. (in Russ.)

Gorski Ph. The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2003, 264 p.

Gromyko M. M. Mir russkoi derevni [The World of the Russian Village]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, 446 p. (in Russ.)

Litoshenko D. A. Evolyutsiya universitetskogo obrazovaniya v Evrope XVI – kontsa XVIII vekov. Universitetskii opyt obrazovatel'noi metatraditsii na zare Novogo vremeni [The Evolution of University Education in Europe of the 16th – Late 18th Century. University Experience of Educational Meta-tradition at the Dawn of Modern Times]. Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2012, 374 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVII – nachala XIX veka [Essays on the History of Russian Culture of the 17th – Early 19th Centuries]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of the Russian Culture]. Moscow, 2000, vol. 4, p. 13–348. (in Russ.)

Martynenko N. K. Prostitutsiya v imperatorskoi Rossii: ot zapreta k legalizatsii [Prostitution in Imperial Russia: From Prohibition to Legalization]. *Novyi istoricheskii vestnik [The New Historical Herald]*, 2009, no. 19, pp. 30–37. (in Russ.)

Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, Duncker and Humblot, 1969, 355 S.

Po-chia Hsia R. Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750. London, New York, Routledge, 1989, 218 p.

Redin D. A. Ocharovanie “regulyarstva”: eshche raz o “mental'nom gosudarstve” Petra Velikogo. Chast' 2. “Rossiiskoe imperskoe gosudarstvo” [The Charm of “Regularity”: Once Again About the “Mental State” of Peter the Great. Pt. 2. “The Russian Imperial State”]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2021, iss. 75, p. 315–334. (in Russ.)

- Redin D. A.** Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya gorodskogo “teksta” [General Henning’s Yekaterinburg: An Attempt at Reading the “Urban Text”]. *Quaestio Rossica*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 1042–1063. (in Russ.)
- Roldugina I.** Otkrytie seksual’nosti. Transgressiya sotsial’noi stikhii v seredine XVIII v. v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoi komissii (1750–1759) [The Discovery of Sexuality. Transgression of Social Elements in the mid-18th Century in St. Petersburg: Based on Materials from the Kalinkin Commission (1750–1759)]. *Ab Imperio*, 2016, no. 2, pp. 29–69. (in Russ.)
- Shulze W.** Gerhard Ostrreich Bergiff “Sozialdisziplinierung” in der frühen Neuzeit. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1987, Bd. 14, S. 265–302.
- Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V.** Rukovoditeli apparata gornozavodskoi vlasti Urala v 20–50-e gg. XVIII v. [Heads of the Apparatus of the Mining and Metallurgical Authorities of the Urals in the 20s – 50s of the 18th Century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2022, 446 p. (in Russ.)
- Weber M.** Disziplinierung und Widerstand. Obrigkeit und Bauern in Schlesien 1500–1700. In: *Gutsherrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneuzeitlicher Agrargesellschaften*. Beiheft 18. Munich, 1995, S. 419–438.
- Winkelbauer Th.** Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung durch Grundherren in den österreichischen und böhmischen Ländern im 16. und 17. Jahrhundert. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1992, Bd. 19, S. 317–339.
- Zhivov V. M.** Dva etapa distsiplinarnoi revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya [Two Stages of the Disciplinary Revolution in Russia in the 17th and 18th Centuries]. *Cahiers du Monde russe*, 2012, no. 53 (2–3), pp. 349–374. (in Russ.)

List of Sources

- Knyazheskie ustavy i ustavnye gramoty [Princely Statutes and Charters]. In: *Rossiiskoe zakonodatel’sтво X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Moscow, 1984, vol. 1, pp. 133–298. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 6, 817 p. (in Russ.)
- Tatishchev V. N.** Zapiski. Pis’ma, 1717–1750 gg. [Notes. Letters, 1717–1750]. Moscow, Nauka, 1990, 436 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Дмитрий Алексеевич Редин**, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 55838143300
WoS Researcher ID AA0-2947-2020
- Сардаана Николаевна Копырина**, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID DQ-8133-2017

Information about the Authors

- Dmitry A. Redin**, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 55838143300
WoS Researcher ID AA0-2947-2020
- Sardaana N. Kopyrina**, Candidate of Sciences (History)
WoS Researcher ID DQ-8133-2017

Статья поступила в редакцию 04.10.2024;
одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 24.10.2024
The article was submitted on 04.10.2024;
approved after reviewing on 14.10.2024; accepted for publication on 24.10.2024

Научная статья

УДК 94(57)+323.2+316.4

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация раннесоветского сельского социума? К переосмыслению подходов

Евгения Андреевна Игнатьева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

Аннотация

«Революция сверху» в СССР как широкомасштабный социально-политический эксперимент продолжает требовать своего теоретического осмысления. В публикации предлагается рассмотрение данного феномена комплексно, через опыт его изучения в зарубежных и отечественных социально-гуманитарных науках. Сделан вывод о том, что «революция сверху» являлась логическим завершением шедшего с 1917 г. всеобъемлющего процесса этатизации социума. Форсированная и мобилизационно осуществленная этатизация социума на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. при использовании партийным государством радикализма в политической и социально-экономической сферах вызвала ответную радикализацию позиций и действий со стороны прежде всего сельского социума. В статье с использованием в том числе регионального материала установлены деструктивные последствия данного способа преобразования социума.

Ключевые слова

СССР, сталинизм, коллективизация, «революция сверху», этатизация, радикализация, кризис легитимности

Для цитирования

Игнатьева Е. А. Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация раннесоветского сельского социума? К переосмыслению подходов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 144–155. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Stalin's "Revolution from Above" or the Radical Etatization of the Early Soviet Rural Society? To Rethink Approaches

Evgeniya A. Ignatieva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

Abstract

The concept "revolution from above" as a large-scale socio-political experiment demands a nuanced theoretical understanding. This article examines a model that provides a comprehensive analysis of this experience through the lens of social and humanities sciences. The "revolution from above" was an ambitious project that was realized from a "seeing like a state" perspective. However, it led to destructive consequences for both society and the system as a whole. The study highlights several "traps" encountered during the implementation of "socialist transformations", such as limited transformations, lack of necessary financial resources, normalization of emergency measures, limited potential, unintended consequences. These factors played a pivotal role in the negative effects observed. To explore the

© Игнатьева Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 144–155

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 144–155

transformation of rural Soviet society at the turn of the 1920s – 1930s, the article proposes a model of radical etatization. It concludes that the “revolution from above” was a natural culmination of the comprehensive process of etatization that had been underway since 1917. The forced and etatization of society during this period was executed by the party state through radical measures in both the political and socio-economic spheres. Consequently, this provoked a corresponding radicalization of positions and actions from rural society. The radical etatization project in rural areas was characterized by significant social conflict between the interests of the party state and those of early Soviet society. This article, which incorporates regional examples, delineates the destructive consequences of such societal transformations.

Keywords

USSR, stalinism, collectivization, “revolution from above”, etatization, radicalization, legitimization crisis

For citation

Ignatieva E. A. Stalin’s “Revolution from Above” or the Radical Etatization of the Early Soviet Rural Society? To Rethink Approaches. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 144–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Кампания по «сплошной коллективизации» отечественной деревни, получившая в дискурсе эпохи именование «революции сверху» (Краткий курс, 1946, с. 290) затронула фундаментальные основы жизнедеятельности раннесоветского социума, став ключевой составляющей глобального процесса социоструктурной трансформации в стране в последующие десятилетия.

«Революция сверху» – эвфемизм эпохи, посредством которого большевики перерабатывали реальность. Данная формулировка транслирует масштабность и прогрессивный характер осуществлявшихся властью преобразований в деревне, все тенденции которых будто бы формировались «снизу», получив поддержку и опору «сверху». Однако при анализе политической практики большевиков накануне и в ходе реализации «революции сверху» устанавливается, что ни о «революции», ни о «поддержке снизу», ни о «единстве сверху» речи быть не может. Об отсутствии поддержки «снизу» свидетельствуют материалы партийно-государственного делопроизводства о протестах в деревне (Трагедия, 2000; Советская деревня, 2000; 2003)¹; в публичном поле обнаруживаются декларации о развернувшейся «классовой борьбе» и «бешеном кулацком сопротивлении» и т. д.

Проблема сопротивления деревни «революции сверху» обстоятельно освещена в работах отечественных и зарубежных исследователей [Виола, 2010; Ивницкий, 1994; 2000; Тепляков, 2020; Фицпатрик, 2001]; об отсутствии консолидации «сверху» свидетельствует внутреннее партийное, советское и чекистское делопроизводство, сохранившее информацию о противоречиях и спорах различных политических акторов внутри системы (Коллективизация, 2009), эта проблема нашла отражение и в исследовательской литературе [Озерова, 2004]. Об отсутствии революционного компонента в преобразованиях данного типа, носивших мобилизационно-охранительный характер, – далее в тексте.

Спорным является анализ подобных преобразований с модернизационной точки зрения, популярной в современных исследованиях [Дудник, 2019; Данилов, 2011; Сенявский, 2001; Кара-Мурза, 2004] (подробнее об уязвимости данной концепции – далее).

Под модернистскими лозунгами «социальной реконструкции» деревни и «коллективизации» реализовывался масштабный процесс этатизации сельского социума, являясь частью трансформации утверждавшегося в стране сталинского режима. Деревня тем самым переводилась на новый тип хозяйствования, крестьянство как социальная общность заменялось новой – сельским пролетариатом. Эти процессы призваны были ликвидировать слабость политической власти большевиков в деревне, расширить социальную базу режима, дать ресурсную возможность для реализации форсированной индустриализации.

Для нашего исследования важнейшее концептуальное значение имеет вклад американского исследователя традиционных обществ в XX в. Дж. Скотта в разработку данной тематики.

¹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13, 17, 17а, 17б, 17в; Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846; Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 408, 1224.

Ученый на значительном массиве материалов компаративного характера проанализировал опыт реализации «благих намерений» (преобразований «сверху») тем или иным государством по отношению к обществу при его переходе от традиционного к современному. Его подход и методы анализа такого рода социальных процессов стадийного характера актуален и для раннесоветского общества. Коллективизация советского сельского хозяйства характеризуется автором как чрезвычайный, но показательный пример деструктивного по своим целям и результатам авторитарного высокомодернистского планирования [Скотт, 2005, с. 318]².

Дж. Скотт показал, что сталинские «преобразования» сопровождала особо губительная комбинация из трех элементов: административное рвение; безудержное использование власти современного государства как инструмента для реализации этих проектов; ослабленное, обессиленное гражданское общество, которое не имеет возможности сопротивляться претворению подобных планов в жизнь [Там же, с. 151]. В оригинальном издании монография называется «Seeing Like a State», что более адекватно отражает замысел автора и смысл его исследований, поскольку государственные институты оказываются акторами преобразований и основными его бенефициарами. В нашем исследовании для изучения процесса трансформации советской деревни на рубеже 1920–1930-х гг. предлагается сходная с этим модель радикальной этатизации сельского социума.

Советский модернизационный «рывок» приобрел доктринальную, идеократическую окраску в виде плана построения «социализма в отдельно взятой стране». Он предполагал осуществление форсированных социально-экономических преобразований, осуществляемых по некапиталистическому пути и в экстремальных внешних условиях враждебного окружения («СССР – осажденная крепость»). Такого рода программа как раз предусматривала в своей реализации слитность трех основных компонентов сталинской системы – идеократия, мобилизация, охранительность, «точкой сборки» которых выступило именно партийное государство, выстроенное как централизованная сила, способная к осуществлению широкой массовой социальной мобилизации с применением охранительно-репрессивного сопровождения «строительства социализма».

«Революция сверху» – это большое социальное действие, со всеми вытекающими из этого последствиями (в том числе непреднамеренными). Ключевым актором преобразований выступала партия (слившаяся с государственными институтами и функционально заменившая их). Именно партийные директивы определяли цель, ход и характер преобразований (в частности работа комиссии, регулирующей ход коллективизации, осуществлялась в высших партийных органах (Трагедия, 2000, с. 35–86), ключевые документы, регламентирующие реализацию коллективизации издавались от имени ЦК ВКП(б) (Трагедия, 2000, с. 85–86, 126–130; Коллективизация, 2009, с. 201)). Партия же (в том числе через не партийные, но подконтрольные ей институты) контролировала и обеспечивала процесс «преобразования» сельского социума.

Обратимся к анализу реализации глобального преобразовательного проекта на наличие в нем декларируемого модернизационного потенциала. Потребность преобразований «сверху» возникает, когда становится очевидным отставание, угрожающее (или кажущееся угрозой) целостности политической системы. Правящая элита берет на себя обязательства по ликвидации подобного отставания. Только политическая элита определяет, *какие черты социума и тенденции его развития являются приемлемыми для будущего развития*, а какие – нет. Инициативы правящей элиты не являются ответом на потребности общества; наоборот, они направлены на регулирование развития общества и его потребностей [Дудник, 2019, с. 397]. Между социумом и институтами власти в такой ситуации нет конструктивной обрат-

² Определение «высокого модернизма» Дж. Скотт заимствует у Дэвида Харви: «Вера в линейный прогресс, в абсолютные истины и рациональное планирование идеального социального порядка при стандартизированных условиях знания и производства...» (см.: The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Social Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989, p. 35; цит. по: [Скотт, 2005, с. 169]).

ной связи, социум является объектом преобразований, может претендовать только на ограниченное проявление своей субъектности, границы которой к тому же задаются самой властью. Это *первая «ловушка»*³ «революции сверху» – точечность преобразований.

«Революция сверху» в деревне реализовывалась параллельно с начавшимся ранее процессом индустриализации в городе, требующим громадных финансовых ресурсов. Внешние заимствования были для СССР практически недоступны, внутри страны накоплений капитала в достаточной мере не было. «Донорский» статус деревни по отношению к городу признавался публично на высшем уровне начиная с лета 1928 г.: «Наша страна <...> не может заниматься грабежом колоний и ограблением чужих стран <...> наша страна не имеет кабальных займов извне <...> Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет внутреннего накопления <...> оно [крестьянство] платит государству не только обычные налоги <...> но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности <...> недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты <...> Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии <...> Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога...» (Сталин, 1949, с. 157).

Так мы обозначаем *вторую «ловушку»* «революции сверху» – отсутствие достаточного объема денежных ресурсов для радикальных преобразований в городе, положение ресурсного донора деревни по отношению к городу, что предполагало дисбаланс развития базовых отраслей экономики.

Декларируемая большевиками модернизационная модель должна была быть реализована в краткие сроки (Сталин, 1951, с. 39), из чего вытекала необходимость использования инструментов *чрезвычайности* и *мобилизации*. Эти меры превращаются из способа решения и преодоления экстремальных и экстраординарных проблем в *основную и необходимую составляющую сталинской системы*. Подобная организация партийно-государственного управления становилась носителем и источником институционального кризиса [Данилов, 1999, с. 15], находившего выражение в постоянном воспроизводстве однажды введенных чрезвычайных мер, требовавших преодоления конкретного кризиса, что влекло за собой порождение очередного.

Политика чрезвычайных мер в определенных ситуациях действительно является единственно возможной, в то время как состояние «чрезвычайщины» вызывается стремлением того или иного режима *любой ценой удержать власть*. Главными критериями перехода этой границы являются: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа» [Бордюгов, 2011].

Своеобразная нормализация чрезвычайности становится *третьей «ловушкой»*. Эта «ловушка» имеет еще одно последствие – неуправляемость. Маховик «чрезвычайщины» раскручивается сильнее при движении вниз по «вертикали» власти и по мере удаления от центра к периферии. В то же время «чрезвычайщина» не могла надолго переступить через определенный предел, не могла не откатываться периодически назад, создавая ощущение нормализации общественной жизни [Бордюгов, Козлов, 1992, с. 182]. Хрестоматийным примером таких «откатов» следует считать статью Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) (Советская Сибирь, 1930, 4 марта, с. 1). То, что в дискурсе власти обозначалось как «перегибы», будучи эвфемизмом, маскировало эксцессы исполнителей, агентов власти на местах, предоставляло партийному государству значительный ресурс для манипулирования и снятия социально-политической напряженности в кризисных ситуациях.

Чрезвычайность выгодна институтам власти тем, что она открывает для последних ряд возможностей, *при нормальном положении дел недоступных*. «Чрезвычайщина» формирует правовую и правоприменительную основы для «новой реальности». Чрезвычайность актуализирует практику мобилизации. Практика мобилизации, *изначально предназначенная для*

³ «Ловушки» в данном контексте означают те препятствия, которые предопределили архаичное исполнение, казалось бы, модернистского проекта большевиков.

решения частной проблемы, требующей дополнительных ресурсов, также рутинизировалась, превращаясь в один из ключевых методов строительства «социализма». Ключевыми характеристиками социальной мобилизации сталинского образца являлись экстраординарность, ресурсозатратность, масштабность и массовость, высокая степень милитаризма и антагонизма.

В то же время «революция сверху» имеет ограниченный потенциал – и это ее *четвертая «ловушка»*. Выше отмечалось, что именно элиты определяют, какие черты социума и тенденции его развития являются приемлемыми для будущего развития, а какие – нет. Те же элиты определяют и «границы» преобразований – такая управляемая (и направляемая) *«революция» останавливается там, где сохранение господствующего положения элит оказывается под угрозой*.

Монополия на «реформирование» остается у большевистской элиты, а в условиях ожидаемой войны со стороны «капиталистического окружения», в условиях переформатирования политической системы на тоталитарных началах любое инакомыслие и инакодействие по отношению к большевистским планам представляется в качестве угрозы как по отношению к элитам, так и по отношению к социуму вообще. Такая ситуация приводила к информационному вакууму принимающих ключевые решения политических акторов и, как следствие, к принятию политических решений, не всегда релевантных по отношению к текущим социально-экономическим реалиям.

Обозначенные выше «ловушки» «революции сверху» приводят к *пятой – непредвиденным последствиям*. Р. К. Мертон [2009] выделяет четыре фактора, приводящих к непреднамеренным результатам преднамеренного социального действия: «знание / незнание» ситуации; ошибки оценки ситуации; императивность ближайшего интереса; выход действий за пределы той области / сферы, для которой оно предназначалось.

Первый фактор свидетельствовал о недостатке имевшегося у политической элиты к 1930 г. опыта в том, как организовать массовое и в то же время эффективное сельскохозяйственное производство на обобществленных началах. Так, форсированное формирование ранее не существовавшего в деревне коллективного животноводства в сочетании с крестьянским протестным поведением (убой личного скота) привело к громадным потерям поголовья скота и лошадей, что был вынужден признать сам Сталин в отчетном докладе на XVII Съезде в 1934 г., правда, списав это прежде всего на действия «кулаков» (Сталин, 1951, с. 282–379). Однако и после «ликвидации» последних урон в сфере животноводства не был восстановлен до конца 1930-х гг.

Второй фактор проявился в попытке воспроизводства на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. натиска города на деревню путем мобилизационных кампаний для воздействия на крестьянство (командирование членов партии, рабочих, 25-тысячников, уполномоченных и т. д.). Л. М. Каганович в выступлении на XVI Съезде летом 1930 г. сообщал, что партия с 1928 г. направила для работы в деревню на различные сроки около 250 тыс. чел. (XVI Съезд, 1930, с. 67). В то же время современные исследования показывают, что агенты власти из города в немалой степени отторгались крестьянской средой как «чужие» [Троценко, 2013; Игнатьева, 2023].

Третий фактор – императив ближайшего интереса («здесь и сейчас», «всё и сразу»), возможно, в наибольшей степени аккумулировал в себе задачу достижения чрезвычайной в самой постановке цели «сплошной коллективизации» в кратчайшие сроки, в чрезвычайной обстановке, чрезвычайными методами, не считаясь с реальными ресурсами и возможностями, которыми власть располагала, приступая к радикальной этатизации деревни.

Четвертый фактор – это деструктивное воздействие радикальной этатизации аграрной экономики на другие секторы экономики и жизненный уровень населения: деградация сельского хозяйства влияла на недобор сырья и продуктов для легкой и пищевой промышленности, на объемы и структуру экспортных поставок, на устойчивую текучесть кадров в индустриальных секторах экономики, на неизбежность введения и длительного действия карточной

системы для городов, на снижение общего жизненного уровня населения в 1930-е гг. и т. д. [Кесслер, 2003; Ханин, 2022].

В силу специфики преобразований (действие «ловушек») последние имеют специфическую реализацию: формируется крайне уязвимая и полностью зависимая от партийного государства экономическая система, происходят катастрофические социальные и демографические последствия, трансформируется (в недемократическую плоскость) политический режим. Такой опыт «модернизации» имел лишь поверхностный характер, консервируя и архайзируя ряд тенденций развития социума. Модернизация не осознавалась во всей ее сложности, как многосторонняя и глубинная перестройка всего социального тела, а становилась чуть ли не синонимом одного лишь промышленно-технического прогресса, который можно было сочетать с сохранением социальной архаики [Вишневский, 1998, с. 32].

В то же время существуют и более гибкие в своем объяснении модернизационных процессов построения, вводящие понятие множественной модерности, т. е. вариативности процессов в зависимости от специфики ее реализации в разных странах. Сторонники данной концепции оперируют более удачным понятием – «модерность», а не «модернизация» и предлагают альтернативный путь в рассмотрении дихотомии модерн / архаика применительно к оценке советского опыта в ходе трансформации от традиционного к индустриальному типу общества. Так, М. Дэвид-Фокс в дискуссии о наличии / отсутствии модерности в советском проекте предлагает «третий путь», рассматривая советский коммунизм как «альтернативный» капитализму, но провалившийся проект («несостоявшаяся модерность») [Дэвид-Фокс, 2020]. Опыт преобразований в СССР он определяет как *интеллигентско-этатистскую модерность* [Там же, с. 27].

Применительно к «революции сверху» как исходной точке преобразований, вне зависимости от приведенных выше трактовок – от модернизационных до контрмодернизационных, на наш взгляд, корректнее говорить о *процессе форсированной этатизации*, логично вписывающемся в канву общей логики перестраивания всех сфер социума с конца 1920-х до начала 1940-х гг. Под этатизацией мы понимаем процесс усиления государственного вмешательства в духовную, социальную, экономическую сферы общества. Такие тенденции присущи развивающимся обществам, которые характеризуются всепроникающей способностью государства контролировать все стороны жизнедеятельности человека.

На микроуровне процесс этатизации мы понимаем, следуя неомарксистской концепции Анри Лефевра (цит. по: [Шихардин, 2008]). Лефевр рассматривает этатизацию как процесс, усиливающий отчуждение индивида в сфере политических отношений. Политическое отчуждение определяется Лефевром как «отчуждение в государстве и при помощи государства», суть которого заключается в разрушении целостности, фрагментации человека. В процессе такой этатизации индивид перестает интересоваться делами государства, не обнаруживает стремления контролировать государственные институты, принимать участие в политическом процессе. Должностные лица отождествляют себя с государством, стремятся использовать его в собственных интересах либо служат ему как некому безликому механизму, а вовсе не индивидам, образующим гражданское общество. Бюрократическая система «узурпирует идентичность», выдвигая национальную (государственную / партийную) идею и добиваясь от граждан самоидентификации с ней.

Этатизация на микроуровне коррелирует с процессом *атомизации* социума. Процесс усиления государства в жизни социума снижает значение / разрушает горизонтальные связи, лишает индивидов и социальные группы гражданской и правовой субъектности, что вкупе с соответствующей пропагандистской работой приводило к снижению потенциала консолидации «снизу» и противостояния власти.

Для установления причин и методов реализации этатизации необходимо принимать во внимание одну из ключевых проблем власти большевиков в 1920-е гг., лежащую в плоскости легитимности. Противоречие / разрыв между самолегитимацией / легальностью власти и ре-

альной ее легитимностью было стержнем процессов и событий 1920-х гг. [Красильников, 2021, с. 47].

Авторы, исследующие данную тематику (О. В. Великанова, О. С. Березкина), формулируют следующие признаки кризиса легитимности власти: ограниченные возможности всеохватной индоктринации общественного сознания населения; состояние разрыва между пропагандой и социальной реальностью, между верхами и партийной массой, между ожиданиями преференций для пролетариата и реальным положением рабочих; кризисные явления в настроениях и поведении не только пролетарского «ядра власти», но и внутри самой партии (цит. по: [Красильников, 2021, с. 48]).

К вышеизложенным признакам кризиса легитимности власти следует добавить: проявления институционального кризиса (противоречия и конфликты между различными политическими акторами на местах, кадровый кризис на местах); доминирование императива ближайшего интереса, который вкупе с санкцией на вседозволенность в реализации директив также снижал авторитет власти и приводил к проявлениям произвола со стороны агентов власти; неумение политической элитой признавать собственные ошибки и провалы.

Кризис легитимности власти стал одной из причин перехода к *радикальному* характеру этатизации деревни. Процесс этатизации был масштабным и форсированным. Реализовать такой процесс стало возможно при использовании следующих инструментов:

- радикализация как процесс обострения социальных отношений;
- радикализм как политика.

В большинстве современных политических и социальных исследованиях радикализация рассматривается в рамках изучения экстремизма и терроризма. Иначе на этот процесс смотрит Алекс Шмид⁴, американский политолог, сотрудник Международного центра по борьбе с терроризмом [Schmid, 2013]. Предложенное им понимание радикализации мы будем использовать далее.

Сам процесс радикализации Шмид определяет следующим образом: индивидуальный или коллективный процесс, при котором, как правило, в ситуации политической поляризации, становятся невозможны нормальная практика диалога, компромисса и терпимости между политическими субъектами и группами с расходящимися интересами. Одной или обеими сторонами в конфликтной диаде отбрасываются возможности конструктивного взаимодействия в пользу растущей приверженности конфронтационной тактике ведения конфликта. Существующая система власти в процессе радикализации больше не признается приемлемой или законной (для большевиков неприемлема существующая система единоличных хозяйств в деревне, для большинства крестьян – неприемлемы формы коммунистического хозяйства (или же методы перехода к ним)).

Отмечает Шмид и то, что радикализация происходит не только «снизу». Использование механизмов карательно-репрессивной системы и внесудебных решений для достижения политических целей приводит к тому, что актором радикализации становятся *государственные субъекты* [Ibid., p. 5]. Шмид дает определение процессу радикализации как социальному процессу и определяет акторов радикализации. Мы же предлагаем расширить понимание этого термина и рассматривать радикализацию не только как процесс, но и как политику.

Под радикализацией как социальным процессом мы понимаем данное выше определение Шмида. Тот же процесс описан в теории социального конфликта американского социолога Льюиса Козера. Он делает различие между конфликтами по поводу общих базовых принципов и конфликтами при наличии общих базовых принципов [Козер, 2000, с. 97] (нереалистичные и реалистичные конфликты соответственно). В условиях радикальной этатизации противоречия между институтами власти и социумом разворачивались по первому типу, что лишало возможности конструктивного развития такого вектора отношений. Разрешение нереалистичных конфликтов невозможно, поэтому становится актуальна роль так называемых «защитных клапанов» [Там же, с. 60–71] – институтов, которые канализируют враждебные

⁴ Подробнее об исследователе: <https://www.icct.nl/people/prof-em-alex-p-schmid>.

чувства (образ «врага» как константа политического дискурса, практика регулярных «чисток», остракизм по отношению к отдельным социальным группам и индивидам, нетерпимость к инаковости и пр.). Однако такая ситуация неизбежно ведет к фрустрации, накоплению оснований для конфликтов, враждебных чувств, представляющих собой *реальную угрозу* (прежде всего легитимности власти) базовому консенсусу.

Радикализация социальных отношений приобрела размах «квазигражданской» [Виола, 2010, с. 8] войны (в публичном дискурсе «классовой борьбы») – конфликта культур, в котором политические власти стремились установить свое господство над деревней. Радикализация социальных отношений проявлялась в аномии, высокой степени фрустрации членов социума, росте криминогенного фактора, росте численности самоубийств (в том числе агентов власти), социальной эксклюзии, депривации, высоком уровне тревожности индивидов и пр.

Радикализм (как политика) – это специфическая форма разрешения социальных конфликтов, форма трансформации социальной системы на качественно новый уровень / создания новой социальной системы. Радикализм в политике выражался в следующем: «чрезвычайщина», конфронтация, дискриминация определенных социальных групп, социальный инжиниринг, форсирование преобразований, отречение от предшествующего исторического опыта, игнорирование текущих социальных и экономических реалий, императив ближайшего интереса в достижении поставленных целей, санкция на вседозволенность в процессе реализации партийных директив.

Акторами радикализации социальных отношений являлись в первую очередь партийные и советские органы власти (на всех уровнях «вертикали» власти), а также органы ОГПУ. Органы власти способствовали радикализации этатизации по следующим направлениям: направление тенденциозного информационного потока в высшие органы власти; формирование нормативной базы преобразований, допускающей злоупотребления и широкие правоприменительные рамки; исполнение директив с применением чрезвычайных и мобилизационных мер.

Радикализм нетерпим к обсуждениям и дискуссиям, не признает альтернативности «инаковости», не считается с ошибками и следствиями волюнтаристской политики. Радикализм как способ преобразования вполне соответствовал сложившейся системе (мобилизация, охранительность, индоктринация, монополия на информационное пространство) и идеологическому наполнению.

Практика революционного насилия во имя установления социальной справедливости сначала всячески поддерживалась и разжигалась большевистской властью, а потом была использована ею для своего укрепления. Насилие со стороны власти вызывало ответную реакцию – ожесточенное крестьянское сопротивление в различных его формах. В ответ на это разворачивался новый виток репрессий по отношению к деревне. И так до тех пор, пока «социалистическая реконструкция деревни» не завершится.

«Революция сверху» оказала деструктивное влияние на социальную структуру: конфликтность, высокий показатель социальной напряженности, возрастающая динамика конфликтов с применением физического насилия, физическая / социальная ликвидация социальных групп населения, провоцирование конфликтов в социуме, искусственная и насильственная дифференциация населения, жесткое и жестокое подавление протестного потенциала, перевод последнего в пассивные формы, оказывающие более травмирующее влияние как на отдельного индивида, так и на социум в целом. Деревня была возвращена в дорыночные времена, в эпоху внеэкономического принуждения, личной зависимости, полного бесправия крестьянина. Крестьяне превратились в сельских пролетариев, а сельское хозяйство – во внутреннюю колонию, обеспечивающую нужды индустриализации.

В силу чрезвычайности, экстраординарности и преобладающей мобилизационности «сверху» о конструктивности и эффективности сталинской системы власти говорить не приходится. Последняя оказалась невероятно ресурсозатратной, немобильной и нежизнеспособной в длительной перспективе.

Проект радикальной этатизации деревни содержал в себе *масштабный социальный* конфликт между интересами институтов власти и раннесоветского социума, конфликт нереалистический и априори не имеющий конструктивного вектора решения проблемы, что и предопределило радикальный характер преобразований. Что касается вопроса о цене социально-аграрных преобразований и их последствиях, то они оказывались деструктивны не только для социума, но и для формировавшейся сталинской системы власти, поскольку для ее утверждения и воспроизводства непрерывно требовались мобилизационно-охранительные факторы в избыточных формах и масштабах.

Список литературы

- Бордюгов Г. А.** Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 62–72.
- Бордюгов Г. А., Козлов В. А.** История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Госполитиздат, 1992. 352 с.
- Виола Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.
- Вишневский А. Г.** Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с.
- Данилов В. П.** Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. (Шестой) Междунар. симпозиум, 15–16 янв. 1999 г. М., 1999. С. 11–27.
- Данилов В. П.** К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: В 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 724–741.
- Дудник С. И.** Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник С.-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 3. С. 394–405.
- Дэвид-Фокс М.** Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛЮ, 2020. 456 с.
- Ивницкий Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
- Ивницкий Н. А.** Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, Ун-т Торонто, 2000. 350 с.
- Игнатьева Е. А.** Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти в сибирской деревне в 1929–1930-х годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 105–115.
- Кара-Мурза С. Г.** Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М.: Эксмо, 2004. 637 с.
- Кесслер Х.** Коллективизация и бегство из деревни – социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзор. М., 2003. Вып. 9. С. 77–79.
- Козер Л.** Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.
- Красильников С. А.** Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4 (562). С. 45–70. DOI 10.30680/ЕСО01317652-2021-4-45-70
- Мертон Р. К.** Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
- Озерова О. А.** Внутрипартийное сопротивление чрезвычайной политике в Западной Сибири (1928–1930 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 231 с.
- Сенявский А. С.** Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век: к 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова. М., 2001. С. 283–297.
- Скотт Дж.** Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. 566 с.
- Тепляков А. Г.** ОГПУ–НКВД против крестьянства: общее и особенное в «массовых операциях» начала 1930-х гг. и «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // 1929: «Великий перелом»

и его последствия: Материалы XII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М., 2020. С. 221–230.

Троценко Н. Д. Двадцатипятилетники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 109–177.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

Ханин Г. И. Три варианта первого пятилетнего плана: от реализма к утопии // Terra Economicus. 2022. № 20 (3). С. 52–71.

Шихардин Н. В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 3. С. 166–171.

Schmid A. P. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague Research Paper. March 2013. Vol. 4, no. 2. 97 p. DOI 10.19165/2013.1.02

Список источников

XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 786 с.

Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.: Сб. док. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.

Краткий курс истории ВКП(б). М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946. 352 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: 1923–1929. 1168 с.; 2003. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1. 864 с.

Советская Сибирь. 1930. № 52. 4 марта.

Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1949. Т. 11. 382 с.; 1951. Т. 13. 448 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.

References

Bordyugov G. A. Politika chrezvychainykh mer v resheniyakh Politbyuro TsK VKP(b) mezhdru “revolyutsiei sverkh” i bol’shim terrorom. 1930–1936 gg. [The Emergency Policies in Decisions of the Communist Central Committee Politburo between “Revolution from above” and the Great Terror, 1930–1936]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]*, 2011, no. 2, pp. 62–72. (in Russ.)

Bordyugov G. A., Kozlov V. A. Istoriya i kon’yunktura: sub’ektivnye zametki ob istorii sovet-skogo obshchestva [History and Conjuncture: Subjective Notes on the History of Soviet Society]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1992, 352 p. (in Russ.)

Danilov V. P. K probleme al’ternativ 20-kh godov [On the Alternatives of the 1920s]. In: Danilov V. P. Istoriya krest’yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy [History of Russian Peasantry in the 20th Century. Selected Works]. In 2 parts. Moscow, 2011, pt. 2, pp. 724–741. (in Russ.)

Danilov V. P. Padenie sovetского obshchestva: kollaps, institutsional’nyi krizis ili termidorianskii perevorot? [The Fall of Soviet Society: Collapse, Institutional Crisis or Thermidorian Reaction?]. In: Kuda idet Rossiya?.. Krizis institutsional’nykh sistem: Vek, desyatiletie, god. (Shestoi) Mezhdunarodnyi simpozium, 15–16 yanvarya 1999 g. [Where is Russia Going?.. Crisis of Institutional Systems: Century, Decade, Year. (Sixth) International Symposium, January 15–16, 1999]. Moscow, 1999, pp. 11–27. (in Russ.)

David-Fox M. Peresekaya granitsy: modernost’, ideologiya i kul’tura v Rossii i Sovetskom Soyuze [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow, NLO Publ., 2020, 456 p. (in Russ.)

Dudnik S. I. Stalinskaya modernizatsiya kak istoricheskii opyt [Stalin’s Modernization as a Historical Experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Vest-*

- nik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*], 2019, vol. 35, iss. 3, pp. 394–405. (in Russ.)
- Fitzpatrick Sh.** Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 422 p. (in Russ.)
- Ignatieva E. A.** Deyatel'nost' v mobilizatsionnom rezhime: agenty vlasti v sibirskoi derevne v 1929–1930-kh godakh [Activity in the Mobilization Regime: Agents of Power in the Siberian Village in 1929–1930]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2023, no. 1 (27), pp. 105–115. (in Russ.)
- Ivnitsky N. A.** Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh gg.) [Collectivization and Dispossession in the Early 1930s]. Moscow, Interpraks Publ., 1994, 267 p. (in Russ.)
- Ivnitsky N. A.** Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [The Repressive Policy of the Soviet Government in the Countryside (1928–1933)], Moscow, IRI RAN, Uni. of Toronto, 2000, 350 p. (in Russ.)
- Kara-Murza S. G.** Sovetskaya tsivilizatsiya ot nachala do Velikoi Pobedy [The Soviet Civilization from the Beginning to the Great Victory]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 637 p. (in Russ.)
- Kessler H.** Kollektivizatsiya i begstvo iz derevni – sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Collectivization and Fleeing from Countryside – Socio-Economic Indicators, 1929–1939]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* [Economic History Review]. Moscow, 2003, vol. 9, pp. 77–79. (in Russ.)
- Khanin G. I.** Tri varianta pervogo pyatiletnego plana: ot realizma k utopii [From Realism to Utopia: The Three Versions of the Soviet Union's First Five-year Plan]. *Terra Economicus*, 2022, no. 20 (3), pp. 52–71. (in Russ.)
- Kozer L.** Funktsii sotsial'nogo konflikta [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000, 205 p. (in Russ.)
- Krasilnikov S. A.** Krizisy vlasti i trudovye konflikty v period nepa [Power Crises and Labor Conflicts during the NEP Period]. *ECO*, 2021, no. 4 (562), pp. 45–70. (in Russ.) DOI 10.30680/ECO01317652-2021-4-45-70
- Merton R. K.** Neprednamerennye posledstviya prednamerennogo sotsial'nogo deistviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2009, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)
- Ozerova O. A.** Vnutripartiinoe soprotivlenie chrezvychainoi politike v Zapadnoi Sibiri (1928–1930 gg.) [Internal Party Resistance to Extraordinary Policy in Western Siberia (1928–1930)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2004, 231 p. (in Russ.)
- Schmid A. P.** Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague Research Paper*. March 2013, vol. 4, no. 2, 97 p. DOI 10.19165/2013.1.02
- Scott J.** Blagimi namereniyami gosudarstva [Paved with Good Intentions of State]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005, 566 p. (in Russ.)
- Senyavsky A. S.** Sotsial'naya dinamika Rossii v XX veke [Social Dynamics of Russia in the 20th Century] In: *Etot protivorechivyi XX vek: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu. A. Polyakova* [This Controversial 20th Century: To the 80th Anniversary of the Birth of Academician Yu. A. Polyakov]. Moscow, 2001, pp. 283–297. (in Russ.)
- Shikhardin N. V.** Kontseptsiya etatizatsii: A. Lefevr i L. Al'tyusser [Conception of Etatisation: H. Lefebvre and L. Althusser]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 3, pp. 166–171. (in Russ.)
- Teplyakov A. G.** OGPU–NKVD protiv krest'yanstva: obshchee i osobennoe v “massovykh operatsiyakh” nachala 1930-kh gg. i “kulatskoi operatsii” 1937–1938 gg. [Joint State Political Directorate (OGPU) – People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) against the Peasantry: General and Special in the “Mass Operations” of the Early 1930s and the “Kulak operation” of 1937–1938]. In: *1929: “Velikii perelom” i ego posledstviya: Materialy XII Mezhdunarodnoi*

nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019 g.). [1929: “Great break” and its Consequences: Proceedings of the 12th International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 26–28, 2019)]. Moscow, 2020, pp. 221–230. (in Russ.)

Trotsenko N. D. Dvadsatipyatitsyachniki v Sibiri (1929–1933 gg.) [The 25-thouthenders in Siberia (1929–1933)] In: Sotsial’naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.) [Social Mobilization in Stalinist Society (Late 1920s – 1930s)]. Novosibirsk, 2013, pp. 109–177. (in Russ.)

Viola L. Krest’yanskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul’tura krest’yanskogo soprotivleniya [Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 366 p. (in Russ.)

Vishnevsky A. G. Serp i rubl’: konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ., 1998, 429 p. (in Russ.)

List of Sources

XVI S’ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet [16th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, 786 p. (in Russ.)

Kollektivizatsiya sibirskoi derevni. Yanvar’ – mai 1930 g.: Sbornik dokumentov [The Collectivization of the Siberian Countryside. January – May 1930: Collection of Documents]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2009, 488 p. (in Russ.)

Kratkii kurs istorii VKP(b) [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)], Moscow, OGIZ Publ., 1946, 352 p. (in Russ.)

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [Soviet Village through the Eyes of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk) – Joint State Political Directorate (OGPU) – People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). 1918–1939. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2. 1923–1929, 1168 p.; 2003, vol. 3. 1930–1934, book 1, 864 p. (in Russ.)

Sovetskaya Sibir’ [Soviet Siberia], 1930, no. 52, Mar. 4. (in Russ.)

Stalin I. V. Sochineniya [Works]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat Publ., 1949, vol. 11, 382 p.; 1951, vol. 13, 448 p. (in Russ.)

Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2, 927 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Евгения Андреевна Игнатъева

RSCI Author ID 1077217

SPIN 6426-6450

Information about the Author

Evgeniya A. Ignatieva

RSCI Author ID 1077217

SPIN 6426-6450

Статья поступила в редакцию 06.08.2024;

одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted on 06.08.2024;

approved after reviewing on 30.08.2024; accepted for publication on 01.10.2024

Научная статья

УДК 94(571.14)+316.722

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-156-167

«Важнейшим из кино для нас является искусство»: общественное значение деятельности кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы)

Галина Михайловна Запорожченко

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Аннотация

Впервые рассмотрена история кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке, получившего общесоюзную известность. Принципы организации и деятельности идентифицировали его как собственно клуб культурных активистов, а не просто кинолекторий. Деятельность «Сигмы» на основе использования ресурсов Госфильмофонда способствовала нивелированию культурного разрыва между столицей и сибирским регионом, созданию коммуницирующей среды творческой актуализации отечественного и мирового кинематографа с обсуждениями и дискуссиями. Обеспечивая циркуляцию информации и идей, расширявших представления о социальной действительности в стране и за рубежом, при отчетливой этической доминанте кино клубная субкультура вносила вклад в формирование микроскопических, но реальных анклавов плюралистического общества, косвенно способствуя разрушению идеологической оболочки позднего социализма.

Ключевые слова

кино клуб «Сигма», новосибирский Академгородок, Л. А. Боярский

Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI в.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов»

Для цитирования

Запорожченко Г. М. «Важнейшим из кино для нас является искусство»: общественное значение деятельности кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 156–167. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-156-167

“The Most Important of Cinema for Us Is Art”: The Social Significance of the Activities of the “Sigma” Film Club in Novosibirsk Akademgorodok (1960s – 1980s)

Galina M. Zaporozhchenko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Abstract

The Soviet cities of science of the 1950s – 1980s are now studied as vibrant environments that encapsulate various social and cultural contexts. The article examines, for the first time, the history of the “Sigma” film club in Novosibirsk Akademgorodok. The club gained considerable fame throughout the USSR and continues to function today, albeit in a more intimate format. The methodological approach taken in this analysis combines modernization theory, new

© Запорожченко Г. М., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 156–167

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 156–167

political history, and social anthropology. This synthesis enables a comprehensive understanding of the history and socio-political significance of amateur leisure socio-cultural practices in the context of the relationship between power and society during the late Soviet period and conditions that led to its unexpected collapse during the period of Perestroika. The principles guiding the organization and activities of the “Sigma” film club identified it as a gathering of engaged individuals rather than merely a venue for film screenings. In addition to showcasing elite films, the club cultivated a communicative environment that facilitated significant cultural events. By promoting the exchange of information and ideas characterized by a distinct ethical focus, the cinema club subculture contributed to the formation of small but genuine enclaves of a pluralistic society, thereby indirectly contributing to the dismantling of the ideological shell of late socialism.

Keywords

film club “Sigma”, Novosibirsk Akademgorodok, L. A. Boyarsky

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the scientific project FWZM 2024-0008 “Society and power in Russia in the 20th – early 21st centuries: political participation, communication, identity of actors”

For citation

Zaporozhchenko G. M. “The Most Important of Cinema for Us Is Art”: The Social Significance of the Activities of the “Sigma” Film Club in Novosibirsk Akademgorodok (1960s – 1980s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 156–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-156-167

Исследование общественных процессов позднего социализма во всем их многообразии через призму коммуникации власти и общества предполагает изучение такой дистанцированной от идеологического официоза формы общественного движения, как киноклубы. Это международное явление получило в СССР широкое развитие в 1920-е гг., практически исчезнув затем до своего расцвета в 1960–1970-е гг. в числе других социально-культурных практик, характерных для этапа становления зрелого индустриального общества, открывавшего для себя аксиологический потенциал досуга как автономного социального института. Питательной почвой служили хрущевская «оттепель», среда социально-творческих людей в больших городах и наукоградах при мощном рывке вперед отечественного и мирового кинематографа, создававшего яркое, проблемное, интеллектуальное кино, отличавшееся новаторским киноязыком.

Неудивительно, что именно в эти годы киноклубы появились в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Казани, Риге, Томске, Свердловске, Харькове, Ростове-на-Дону, Новгороде, Фрунзе, Ярославле, Кемерово и других городах. В данной статье впервые рассмотрена история входящего в пятерку самых старых действующих клубов друзей кино – киноклуба «Сигма» в новосибирском Академгородке с акцентированием внимания на общественном значении его деятельности в 1960–1980-е гг. Научных исследований по этой теме относительно немного. Наиболее содержательно опыт отечественного любительского кинообразования в 1920–2020-е гг. представлен в исследовании К. Э. Разлогова и Е. В. Пархоменко [2021].

Глобальный процесс трансформации социогуманитарной парадигмы направляет сегодня исследовательский интерес к социально-антропологическому измерению науки. Изучение советских городов науки 1950–1980-х гг. как жизненных пространств с множеством социальных и культурных контекстов способствует пониманию человека академгородков. Какой дискурс, какую идеологию воспроизводил Академгородок среди своих обитателей? В чем специфика труда и досуга в городе науки? Какие смыслы продуцировала общественная активность ученых? [Пискунов, 2020, с. 142]. Методологический подход к изучению темы основан на синтезе логик модернизационной парадигмы социального знания, новой политической истории, социальной антропологии.

Модернизационная парадигма имплицитно изучение процесса генерации постиндустриальных отношений во второй половине XX в. с точки зрения формирования новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательных и коммуникационных сдвигов, нарастания социально-структурной дифференциации. Советская реальность представляла собой один из вариантов индустриального урбанистического общества. С конца 1950-х гг. в СССР формировался новый стиль отношений усложнявшегося социума и авторитарной власти. Произошла десакрализация власти. Расширялись рамки терпимости власти к идейному разно-

мыслию. Фрондерские настроения отхода от идеологического единообразия, надежд на перемены, смелых оценок социально-политических реалий СССР и его места в мире одновременно с острыми спорами о событиях недавнего прошлого облекались в историко-культурные одежды [Пихоя, 2000, с. 120, 258]. Хрущев обещал отмирание государства при коммунизме и расцвет общественных организаций [Шубин, 2008, с. 394]. В 1960-е гг. контроль со стороны режима значительно ослаб, наметился процесс появления элементов гражданского общества. И хотя его единого поля так и не сложилось, существовала богатая и сложная, непрерывно эволюционирующая социальная ткань с различными суб- и контркультурами, способствовавшими формированию умонастроений, стремлений и ожиданий вне и вопреки официальной пропаганде [Верт, 1992, с. 491]. Тон задавали журнал «Новый мир» и Академия наук. Отношение к инакомыслию ученых, особенно физиков, было наименее строгим [Шубин, 2008, с. 21].

С каждым месяцем «оттепели» всё четче осознавались возникавшие в советском обществе специфические интересы интеллигенции, специалистов и служащих среднего звена, игравших в СССР роль среднего класса, который субъектно возникал как фактор социально-политической жизни [Там же, с. 36]. Потребности в интеллектуальном развитии, склонность к критическому анализу действительности были движущими мотивами самоорганизации интеллигенции в культурно-досуговой сфере. Благоприятствовавшими факторами являлись рост уровня жизни, массовое жилищное строительство, создание новых наукоградов, амбициозная государственная политика в области науки и образования. При переходе от «оттепели» к «застою» признаки некоторого послабления в общественно-культурной жизни сменились усилением идеологического контроля [Пихоя, 2000, с. 254].

Адаптация рядовых акторов социального пространства к власти, поведение человека в тисках требований власти являются предметом исследования *новой политической истории*, которая сложилась во второй половине XX в. под влиянием «архивной революции», «лингвистического» и «культурного» поворотов как истории не политики, а политического. Центральным понятием становится не государство, а власть в широком смысле этого термина. Классическая событийная, «поверхностная» история государств уступает место истории «глубинной» как истории политического изнутри [Ле Гофф, 2001, с. 408]. Авторы, развивающие это направление, – Р. Уортман, Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, С. В. Яров, Е. Ю. Зубкова и др. – вписывают политическую историю глубже в социокультурную историю, смещая векторы исследования в область дискурсов, контекстов событий, рассмотрения в политической перспективе повседневных социокультурных практик, мотивов, мнений и поведения граждан, их понимания политической жизни и адаптации к ней. В фокусе внимания не события, а человек как главное действующее лицо исторического процесса, групповая и персональная самоидентификация акторов [Большакова, 2006, с. 8].

В ракурсе аналитической категории идентичности значение приобретает мировоззренческая платформа передовых общественно активных граждан («шестидесятничество»). Она включала прежде всего эмоциональное отрицание сталинизма как жестокой формы тоталитаризма с нравственных, гуманистических позиций, борьбу с фальшью, обманом, красивыми словами, лицемерием, культ правды и искренности [Алексеева, Голдберг, 2006, с. 363]. Движение инакомыслящих, по мнению его столпов, было не столько политической оппозицией, сколько этическим противостоянием. Идея неконформизма состояла не в расшатывании режима или свержении советской власти (они казались вечными), а в том, чтобы «говорить правду, быть порядочным человеком, жить по правилам права, вне политики и над политикой» [Там же, с. 353]. Движение «шестидесятников», затрагивавшее довольно большие слои прежде всего творческой, научной и технической интеллигенции, сделало много, но скорее в плане духовного освобождения [Там же, с. 347]. Оно укрепило в интеллигенции отличительную особенность ее этоса – стремление к познанию духовной культуры, ее созиданию, хранению и распространению [Зимянина, 2023, с. 27], что и вызвало расцвет как профессиональной культуры, так и самостоятельной творческой активности.

Через призму свойственного новой политической истории *социально-антропологического подхода* выявляется политический смысл неформальной общественной активности. А. Юрчак показал, что последняя создавала особые пространства свободы для личного творчества и воображения – пространства «внеаходимости» по отношению к системе, официально авторитетному дискурсу, касалось ли это научного общения или клубов по интересам. Не сводимое ни к сопротивлению политическим параметрам системы, ни к воспроизводству этих параметров, состояние «внеаходимости» вело к постепенному перерождению системы изнутри. Советская система казалась монолитной и мощной, но – благодаря появлению разнообразных форм реальности, не имеющих отношения к идеологии, – становилась всё более разнообразной, непредсказуемой, а потому потенциально неустойчивой [Юрчак, 2016, с. 16, 78–83, 93].

Сочетание вышеописанных подходов позволяет концептуализировать историю и общественно-политическое значение самостоятельных досуговых социально-культурных практик в контексте сосуществования власти и общества в позднесоветской системе и подготовки условий для ее неожиданного обвала в период Перестройки.

Источниковую основу составили документы из Открытого архива СО РАН¹ о деятельности киноклуба «Сигма»; материалы документального исследования И. С. Кузнецова [2015], касающиеся общественно-политической активности ученых новосибирского Академгородка. Используемые воспоминания и интервью М. С. Качана, Л. А. Боярского, Г. С. Яблонского, Л. А. Жуховицкого, В. Э. Матизена, И. И. Коршевера ценны как фактографическим контентом, так и отражением личностного восприятия тонких неформализованных общественных процессов, что существенно для реализации социально-антропологического подхода к изучению «политического».

В молодой новосибирский Академгородок, созданный как центральный локус Сибирского отделения АН СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., на волне энтузиазма эпохи научно-технической революции приехало много молодых перспективных ученых со всей страны, прежде всего из культурных столиц – Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Тбилиси, где они в одночасье оказались в культурном плане «отрезаны от всего мира и даже от Новосибирска» (И забыть..., 2007, с. 136). Кроме того, новому наукограду первоначально была свойственная негуманитарная направленность. Однако это было прекрасное время поздней «оттепели», когда культом жизни стало межличностное общение: «...единомышленники собирались, чтобы насладиться только что рожденным единомыслием, объединенные вдохновением первооткрывателей» [Генис, Вайль, 2018, с. 43]. Неудивительно, что жизнь забурлила «на всём плато культуры Академгородка высоко над равниной общего культурного уровня страны»². Патроном культурной жизни являлся Объединенный комитет профсоюзов СО АН, которым руководил М. С. Качан. Площадками для культурных инициатив, кроме конференц-зала Института геологии и жилых квартир, стали Дом культуры «Академия» (первоначально кинотеатр «Москва») и с 1966 г. Дом ученых, полтора года работавшие совместно под руководством директора В. И. Немировского.

Среди ученых старшего и среднего возраста оказались люди высочайшей культуры и страстные ее пропагандисты: А. А. Ляпунов, Л. В. Канторович, А. Д. Александров, В. В. Воеводский, Г. И. Будкер, В. А. Аврорин, А. И. Фет, А. Г. Аганбегян. Мало кому известно, что математик А. А. Ляпунов в 1964 г. надиктовал (без предварительной подготовки) текст для журнала «Смена» о роли искусства в развитии человеческого общества, что продемонстрировало широту его интересов и эрудиции, математик А. И. Фет прочел цикл лекций

¹ Созданное для введения в научный оборот широкого круга исторических источников специализированное информационно-коммуникативное пространство «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия». URL: <http://odasib.ru/openarchive/Default.cshtml> (дата обращения 03.08.2024).

² Качан М. С. Культурная республика соан – феномен городка. URL: <https://proza.ru/2017/04/03/473> (дата обращения 03.08.2024).

«Культура и искусство итальянского Возрождения» в Красноярском университете³. Прямой контакт между отцами-основателями и молодыми учеными Г. Яблонский назвал отличительной чертой Академгородка, вызывавшей в нем «восхищение и благоговейный трепет»⁴. Неудивительно, что среди научной молодежи выявились талантливые инициаторы – А. Бурштейн, Г. Яблонский, Г. Безносков, В. Виттих, А. Пономаренко, В. Шелепов, В. Хандрос, Л. Боярский, Е. Иоанесян, А. Синицкий, Б. Швецов, Ю. Кононенко, Н. Притвиц и многие другие. Благодаря «самоорганизации талантов в свободной среде» (по Г. Яблонскому) и возникли такие «пики на высокогорном плато культуры Академгородка» (по М. Качану), как Кофейно-Кибернетический Клуб (ККК), кафе-клуб «Под интегралом», киноклуб «Сигма», театр-студия А. Пономаренко и другие самостоятельные проекты, воспроизводившие в Сибири столичные культурные образцы.

Уже в ККК (1961–1963 гг.), из которого вышли и «Интеграл», и «Сигма», периодически происходили обсуждения кинофильмов: «народ изголодался по открытым разговорам, и хотелось высказаться, не боясь»⁵. Было о чем поспорить: в тот период Е. Евтушенко был награжден критиками званием духовного вождя стиляг, В. Аксенов – циников, а авторы фильма «Застава Ильича» – тунейдцев [Шубин, 2008, с. 78]. «Орбиты профессиональной киносреды и простого зрителя разошлись: журнал “Искусство кино” был адресован профессионалам, “Советский экран” – самой широкой публике» [Косинова, 2015, с. 297].

Л. А. Боярский, приехавший в 1961 г. в Академгородок после окончания университета в Харькове и работы в Москве, физик по профессии и гуманитарий в душе, быстро убедился, что единственный вид искусства, который был здесь представлен более-менее адекватно московской среде, – это кино, и надо брать инициативу в свои руки. «С 1962 г. мы начали вмешиваться в прокатную политику Дома культуры», – вспоминал он (Университетская жизнь. 1995. № 23–24 (484–485). 17 нояб.). Партком СО АН был не против этого, порекомендовал молодежи создать киносвет. В тот период кино было зоной государственного и партийного контроля, кинематограф имел аудиторию намного большую, чем литературные журналы [Шубин, 2008, с. 157], – самую широкую за всю историю существования отечественного кинематографа, около 4 млрд посещений в год [Косинова, 2015, с. 293].

На базе активно действовавшего при ДК «Академия» киносвета в 1965 г. по рекомендации приехавшего из столицы представителя Бюро пропаганды киноискусства И. Л. Сосновского инициативная группа в составе В. Хандроса (первого президента), Л. Мундещиес (журналистка из Риги, позднее она окончила ВГИК по классу С. Герасимова, работала в Германии как режиссер), Н. Притвиц и Л. Боярского зарегистрировала киноклуб «Сигма» в комиссии по киноклубам при журнале «Советский экран». Киноклуб стал официально получать из коллекции Госфильмофонда (Москва) каждый месяц две картины – отечественную и зарубежную, которых не было в новосибирском прокате, для некоммерческого показа (Боярский, 2007, с. 164).

М. С. Качан вспоминал: «Я сам готовил письмо в Госфильмофонд за подписью академика М. А. Лаврентьева и ходил к нему подписывать его. Он его внимательно прочитал. Пробурчав что-то вроде того, что кино больше двух часов не идет, он спросил:

– А что, это очень нужно?

– Можно будет посмотреть старые фильмы – шедевры кино.

Потом я добавил:

– Кино любят многие, а хороших фильмов мало. Мы делаем шаг, важный для всех – и молодых научных сотрудников, и академиков.

³ Открытый архив СО РАН. L5 422_177; Ft 322_111–Ft 322_145. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

⁴ Яблонский Г. Жизнь в Раю. Новосибирский Академгородок, ноябрь 1964 – май 1968 // Семь искусств. 2022. № 3. URL: <https://litbook.ru/article/16568/> (дата обращения 03.08.2024).

⁵ Качан М. С. Кофейно-кибернетический клуб – ККК. URL: <https://proza.ru/2017/02/21/642> (дата обращения 03.08.2024).

– А что, и академики ходят туда?

– Ходят.

Михаил Алексеевич подписал письмо в Госфильмофонд»⁶.

Сам М. А. Лаврентьев большим поклонником искусств не был, временами сердясь, что спорт и искусство отвлекают ученых от науки, но прекрасно понимал, что многие ученые, особенно члены их семей, без ярких культурных событий своей жизни не представляют, поэтому «самодержавие Лаврентьева было преимущественно просвещенное» [Ханин, 2019, с. 229].

Итак, кино клуб возник, заручившись поддержкой руководства СО АН⁷, и влился в возрожденную после многолетнего перерыва систему клубов любителей киноискусства советской страны. Тягу к хорошему кино лаконично обосновал кино клубник В. Зудов: «Люди хотели узнать о мире больше» (Мы родом..., 2014, с. 155). В газете «За науку в Сибири» был объявлен набор в члены клуба с членским взносом один рубль в квартал и ежеквартальной перерегистрацией (За науку в Сибири. 1965. № 46 (222). 22 нояб.), – в частности, сохранившийся членский билет № 083 Н. А. Притвиц был действителен лишь до 1 октября 1969 г.⁸ Вступительная анкета проверяла на знание кинофильмов и режиссеров, предлагала написать рецензию на фильм, выявляя самых подготовленных.

Нешуточный конкурсный отбор в первые годы (одного из десяти) был обусловлен не только «закрытыми» просмотрами, где демонстрировались неоднозначные с идеологической точки зрения картины исключительно для «своих», но и высокой в Академгородке планкой требований к интеллектуальному уровню культурных мероприятий. Поскольку студентов в «Сигму» не принимали по определению, вскоре они создали в НГУ свой кино клуб «Кадр» (Мы родом..., 2014, с. 132). Как исключение студент В. Зудов прошел отбор в «Сигму», поскольку регулярно читал «Советский экран», «Искусство кино», монографии о киноискусстве (Мы родом..., 2014, с. 155–156).

Первый директор ДК «Академия» В. Немировский сумел дать мощный импульс развитию «Сигмы» (Боярский, 2007, с. 165), дело тормозила лишь общая в то время нехватка помещений для клубного движения⁹. С 1969 г. техническую сторону «Сигмы» обеспечивала администрация Дома ученых (уютный зал, проекция, сервис), устоялся режим работы клуба по воскресным вечерам с конца сентября по конец апреля (Навигатор. 2015. № 16. 1 мая).

По итогам 1967 г. кино клуб «Сигма» был признан наиболее плодотворно работавшим среди других клубов по интересам (За науку в Сибири. 1968. № 5 (333). 30 янв.). «Сигма» регулярно делала обзоры прокатной афиши в газете «За науку в Сибири»; сотрудничала в области создания научно-популярного кино с Западно-Сибирской студией кинохроники¹⁰; тесные связи поддерживала с кафе-клубом «Под интегралом» и театром-студией А. Пономаренко с помощью взаимных льготных билетов¹¹.

Клуб приобрел общесоюзную известность. Автор статьи в газете «Комсомольская правда» журналист И. Кокорев отметил следующие черты, помимо наличия устава, которые отличали «Сигму» от простого кинолектория. Жизнь клуба не замирала от мероприятия к мероприятию, а продолжалась внутри семи секций (дискуссионной, кинокритики, кинопропаганды, документального кино, текущего проката, информации, социологических исследований), раз два в месяц могли состояться большая общеклубная дискуссия или праздничный вечер в Доме культуры. Благодаря перерегистрации в клубе не было пассивных членов, каждый раскрывался в творческой деятельности (Комсомольская правда. 1967. № 220. 19 сент.).

⁶ Качан М. С. Кино клуб «Сигма». URL: <https://proza.ru/2013/05/25/126> (дата обращения 03.08.2024).

⁷ Боярский Л. А. Школа кино – фильмы, люди, книги // Семь искусств. 2020. № 5. URL: <http://7i7iskusstv.com/y2020/pomer5/bojarskij/> (дата обращения 03.08.2024).

⁸ Открытый архив СО РАН. Pr 627_075. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

⁹ Там же. Ci 525_042. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

¹⁰ Там же. Im 636_005. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

¹¹ Там же. Ci 528_091; Ci 528_029. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

Само название «Сигма» было придумано в какой-то мере в противовес клубу «Под интегралом»: интеграл – сумма бесконечно малых величин, а сигма – «тоже сумма, но ого-го, каждый член клуба – это голова!» (Боярский, 2007, с. 164). При этом деятельность киноклуба – это не ТВП («твори, выдумывай, пробуй»), не интегральское «Пусть делают, что хотят!». Кино – это пассивное восприятие. «Я ленивый», – шутил Л. А. Боярский, глава клуба с 1967 г. Однако самоирония прикрывала серьезную интеллектуальную работу по освоению кино как синтетического искусства и его международного языка¹². Это отражал разделяемый членами «Сигмы» принцип – остроумно перевернутая ленинская фраза: «Из всех кино для нас важнейшим является искусство». В этот период как раз мировой кинематограф и кинематограф советский развивались в едином направлении превращения кино в серьезное искусство [Разлогов, Пархоменко, 2021, с. 262].

Киноклубный репертуар лежал в основе реализации социокультурных и художественно-эстетических потребностей. Интерес к классике – произведениям Ф. Феллини, И. Бергмана, Ф. Трюффо, Л. Бунюэля – сочетался с просмотром наиболее важных новинок западного и отечественного кино. Киноклубный репертуар понимался как «кино, имеющее мысль, авторское кино, не для массового зрителя» (Навигатор. 2004. № 6. 13 февр.). Специфика клубного кино не только в мастерстве его создателей. Главное в том, чтобы затрагивать общечеловеческие, общественно значимые проблемы, вопросы человеческих взаимоотношений¹³. Именно этим отличались фильмы итальянского неореализма, французской «новой волны», английских «рассерженных», советское «оттепельное» кино. Каждый раз, полагал Боярский, новации кинотехники отбрасывали искусство кино назад к уровню «зрелища». Так было, когда в кино пришел звук, затем – цвет, сложная машинерия, электроника, компьютерный дизайн, звуковая система Dolby. И всякий раз проходило некоторое время до тех пор, пока кино, ассимилируя новые возможности, вновь становилось искусством, выполняющим высокие функции человековедения (Наука в Сибири. 1998. № 43–44. 27 нояб.). «Мы следуем словам А. С. Пушкина, – говорил Л. Боярский, – завещавшего чувства добрые в людях пробуждать» (Навигатор. 2015. № 16. 1 мая).

Подобный подход давал возможность членам клуба смотреть хорошее кино, глубокое кино, трудное кино. «В киноклубе “Сигма” можно было посмотреть японского “Идиота” Акиры Куросавы или польский “Пепел” Анджея Вайды с Даниэлем Ольбрыхским в главной роли и еще много из того, что не шло в прокате», – вспоминала Н. Вайсман (И забыть..., 2007, с. 231). «В клубе мне было интересно. Там смотрели кино, обсуждали, встречались с актерами и режиссерами, – вспоминал В. Зудов. – Часто смотрели дипломные работы студентов ВГИКа. Очень запомнились работы А. Тарковского, В. Шукшина» (Мы родом..., 2014, с. 155–156). Яркие впечатления оставили дискуссии – «Серый зритель и серый фильм», «Тайны проката», «Существуют ли критерии искусства», «Провинциальность и искусство», лекции И. Л. Сосновского о Ч. Чаплине, Р. Клере, американском кино 1920-х гг., раннем творчестве М. Калатозова¹⁴. В течение 1960–1980-х гг. проходили встречи с выдающимися мастерами кино: А. Тарковским, Р. Быковым, А. Сокуровым, О. Иоселиани, Г. Полокой, К. Муратовой, С. Любшиным, М. Тереховой, К. Занусси, С. Герасимовым, Б. Баратовым; киноведами: Н. Клейманом, И. Рубановой, В. Деминим, Л. Козловым (Боярский, 2007, с. 165). С начала 1990-х гг. встречи с иногородними гостями прекратились: «просто перестали приезжать»¹⁵.

¹² Боярский Л. А. Штрихи к портрету времени. Мастерская. Журнал-газета истории, традиции, культуры. 2020. URL: <https://club.berkovich-zametki.com/?p=56586> (дата обращения 03.08.2024).

¹³ Боярский Л. А. Школа кино – фильмы, люди, книги // Семь искусств. 2020. № 5. URL: <http://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer5/bojarskij/> (дата обращения 03.08.2024).

¹⁴ Качан М. С. Киноклубу «Сигма» исполнилось три месяца. URL: <https://proza.ru/2013/12/19/346> (дата обращения 03.08.2024).

¹⁵ Боярский Л. А. Школа кино – фильмы, люди, книги // Семь искусств. 2020. № 5. URL: <http://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer5/bojarskij/> (дата обращения 03.08.2024).

Клуб был настолько популярен в Академгородке, что тогдашний студент НГУ, впоследствии известный украинский поэт М. Фишбейн написал пронзительные строчки: «...Сигма, Сигма – невыносимо» (Мы родом..., 2014, с. 128). Имея в виду тот факт, что, по сути, гуманитарный проект киноклуба осуществили физики и математики, Л. Жуховицкий восклицал: «Я, оголтелый лирик, стал наших “физиков” уважать: “технари” довели его до ума» (Жуховицкий, 2005, с. 85).

Как в авторитарной стране киноклуб вписывался в идеологические рамки? В Академгородке 1960-х гг. клубная самодеятельность развивалась в тесном контакте с комсомольскими структурами. Последние играли в общественной жизни неоднозначную роль: они могли быть проводниками молодежной инициативы, однако всё более и более становились инструментами бюрократического диктата [Муренко, 2022, с. 89]. Член бюро комитета ВЛКСМ Советского района г. Новосибирска И. И. Коршевер писал, что в Академгородке «на короткий период (1965–1970 гг.) молодежь и комсомол оказались вместе... в январе 1966 г. весь состав нового бюро райкома комсомола стал “реформаторским”» (И забыть..., 2007, с. 127). На VII Комсомольской конференции Советского района в декабре 1967 г. отмечалось, что в 1966–1967 гг. работа молодежных клубов «Под интегралом» и «Сигма» вызвала большой интерес. Видные комсомольцы С. Рожнова, Т. Винникова, Г. Безносков, Б. Лисинкер приняли в ней активное участие (За науку в Сибири. 1967. № 52 (328). 19 дек.).

Ограниченное членство в клубе и определенная закрытость его заседаний временами вызвали негативную реакцию у недоброжелателей в системе, поощрявшей доносы на всё, что выходило за рамки обычного. Боярский отмечал: «Отдельные лица, не вхожие в наше сообщество, писали в инстанции “телеги”. Мол, мы по ночам смотрим всякую порнографию или (даже!) антисоветчину». По его мнению, выручало (и неоднократно!) то, что секретарь райкома партии по идеологии Р. Г. Яновский был постоянным членом клуба: «Рудольф Григорьевич выбрасывал все это в корзину» (Боярский, 2007, с. 165). Качан же считал, что Яновский «не был и не мог быть по определению защитником клуба и не выбрасывал все это в корзину». Каждый донос обсуждался идеологическими работниками и докладывался «наверх», чтобы прикрыться от возможного гнева горкома и обкома¹⁶. Очевидно, что каждый мемуарист, исходя из личного опыта, имел весомые аргументы для собственной интерпретации ситуации хрупкого равновесия между инициативой «снизу» и строгим контролем партийных властей. По свидетельству Качана, до Р. Г. Яновского первые секретари райкома М. П. Чемоданов, а затем и Ю. Н. Абраменко только говорили об идеологической работе и ее важности, но никакого давления на сферу культуры не ощущалось¹⁷. К лету 1968 г. противостояние между клубами и местными властями обострилось, но главным образом из-за фрондерского темперамента руководства «Интеграла» и «отсутствия четких идейных позиций» руководителей литературного клуба «Гренада» [Борзенков, 2003, с. 137; Кузнецов, 2015, с. 76].

В свою очередь, с подозрением к специфической общественной атмосфере Академгородка относился ЦК ВЛКСМ из-за того, что любое положение в области политики учеными подвергалось анализу, туда поступал большой поток информации из-за рубежа [Кузнецов, 2015, с. 47–48]. Защитой клубов в то время служили лишь сильные позиции М. А. Лаврентьева, кандидата в члены ЦК КПСС (Жуховицкий, 2005, с. 85).

Тем временем, как отмечал Л. Боярский, «дискуссии-то касались не столько вопросов киноэстетики, сколько социально-политических проблем, в той или иной степени связанных с демонстрируемым материалом» (Боярский, 2007, с. 166). Член киноклуба В. Матизен на вопрос «Позволяет ли интерес к кино и к искусству в целом выразить свои взгляды, политические ориентиры, убеждения?» отвечал: «Позволяет в той мере, в какой это выражение связано с отдельными фильмами и кинематографом в целом»¹⁸. При этом культурные актив-

¹⁶ Качан М. С. Киноклуб «Сигма». URL: <https://proza.ru/2013/05/25/126> (дата обращения 03.08.2024).

¹⁷ Качан М. С. Черта свободы. URL: <https://proza.ru/2017/02/27/605> (дата обращения 03.08.2024).

¹⁸ Матизен В. Интервью Н. Сокиркину // Кинопресса. 13.09.2021. URL: <http://kinopressa.ru/5810> (дата обращения 03.08.2024).

сты не считали себя диссидентами или антисоветчиками, что позже ясно обозначил один из них: «Мы делали новое, даже небывалое, – в рамках существующей системы... ратовали за эволюционное развитие и выбрали путь компромиссов...»¹⁹.

До поры до времени, даже в переломном 1968 г., «когда атмосфера в Академгородке была наэлектризована, и обсуждение фильмов часто переходило в политический спор», участники не сталкивались с какими-либо запретами на кино клубные дискуссии (Мы родом..., 2014, с. 156). Однако в том же 1968 г. после дела 46-ти подписантов, фестиваля авторской песни идеологическое и организационное давление на клубы резко усилилось. «Нам просто перекрыли кислород, – писал Л. Боярский. – Мы лишились доступа к коллекциям Госфильмофонда. Нужно было искать другие формы работы. И о дискуссиях уже не могла идти речь – люди как воды в рот набрали. Клуб (как и многие другие кино клубы) съезжился, как дивизия в мирное время» (Боярский, 2007, с. 165), «мы не то, чтобы ушли в подполье, но рассыпались» (Университетская жизнь. 1995. № 23–24 (484–485). 17 нояб.).

В годы застоя лидеры «Сигмы» продолжали работу с прокатным материалом, периодически пользуясь контактами с бюро пропаганды искусства, получая из Москвы некоторые элитные фильмы. Новая волна оживления работы началась в перестроечное время с перспективой создания в 1988 г. Федерации кино клубов СССР. В 2015 г. «Сигма» под руководством Л. Боярского отметила 50-летний юбилей и продолжает работу по сей день в более камерном формате. Свой многолетний опыт любительского изучения киноискусства Л. Боярский обобщил в факультативном курсе «Киноведение и эстетика кино», который он вел на общественных началах в 1992–1997 гг. на физическом факультете НГУ²⁰.

Расцвет кино клубного движения в стране в 1960–1970-е гг. был обусловлен среди прочего тем обстоятельством, что 28 апреля 1965 г. на заседании президиума Оргкомитета Союза работников кинематографии СССР была поддержана инициатива создания клубов друзей кино, а это, в свою очередь, свидетельствовало о согласовании данного вопроса и на более высоком уровне [Разлогов, Пархоменко, 2021, с. 258]. По мере усиления контроля за кинорепертуаром и появления «полочных» фильмов всё большее число профессиональных кинематографистов искали свою аудиторию в кино клубах, в среде наиболее продвинутых кинозрителей, поскольку не находили ее в массовых кинотеатрах. Поэтому стихийно создававшееся по причине кино голода кино клубное движение, разрешенное, но не особенно поощрявшееся государством, приобрело довольно важную социокультурную функцию.

По мере возрастания по окончании «оттепели» идеологического контроля в СССР, обострения международной обстановки, поражения студенческих волнений на Западе и в результате ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию кино клубы приобрели статус негласной оппозиции тому, что происходило в стране и в мире [Там же, с. 262]. Как пространства свободы, пространства «вне нахождения» (по А. Юрчаку) они воспроизводили разрешенные властью формы активности, при этом наделяя их новыми, неожиданными смыслами и, по сути, особым «политическим потенциалом» – способностью подрывать существующие нормы, не участвуя в прямом сопротивлении им. Парадоксальным образом подобный вид социальности стал возможен благодаря советской политике – постоянно повторяющимся в государственной риторике тезисам о важности высокой культуры, коллективизма и нематериальных ценностей, вниманию к образованию, обеспечению государством базового минимума жизненных нужд, о которых можно было почти не заботиться [Юрчак, 2016, с. 276–277].

Пример деятельности «Сигмы» в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. с очевидностью демонстрирует, что достижения кино клубного движения состояли в приращении культурного пространства жизни общества, создании условий для развивающего, творческо-

¹⁹ Яблонский Г. Жизнь в Раю. Новосибирский Академгородок, ноябрь 1964 – май 1968 // Семь искусств. 2022. № 3. URL: <https://litbook.ru/article/16568/> (дата обращения 03.08.2024).

²⁰ Открытый архив СО РАН. Im 634_026, Im 633_195. URL: <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 03.08.2024).

го досуга. Киноклуб «Сигма» возник как сообщество представителей научной интеллигенции с особыми отношениями, атмосферой, критериями оценок, пространством общения. Его деятельность на основе использования ресурсов Госфильмофонда способствовала нивелированию культурного разрыва между столицей и далеким сибирским регионом, созданию коммуницирующей среды творческой актуализации отечественного и мирового кинематографа с обсуждениями и дискуссиями. Встречи с мастерами киноиндустрии становились культурными событиями в Академгородке.

Как считала Л. Алексеева, тоталитаризм разрушался прежде всего путем завоевания свободы информации: «Исторически это было расшатывание режима. Так получилось не потому, что мы этого хотели...» [Алексеева, Голдберг, 2006, с. 345]. С учетом этого следует признать, что клубные самодеятельные организации Академгородка 1960–1980-х гг. не только имели культурную и эстетическую ценность, но приобретали общественно-политическое значение. Г. И. Ханин отмечал, что их можно рассматривать как важный элемент демократизации советского общества [2019, с. 221]. Обеспечивая циркуляцию информации и идей, расширявших представления о социальной действительности в стране и за рубежом, при отчетливой этической доминанте киноклубная субкультура вносила вклад в формирование микроскопических, но реальных анклавов плюралистического общества. Источники содержат прямые указания на обсуждение в киноклубе, в числе прочих, связанных с кинематографическим материалом острых общественно-политических тем, публичное толкование которых не планировалось властью. В деятельности участников «Сигмы» как примета времени проявлялся свойственный модерности рост значимости ценностей активного индивидуализма – стремления к новизне, свободе самовыражения и самореализации, интеллектуальный гедонизм. Пресловутая «пассивность» зрительского увлечения кино может трактоваться как «протест против глупой деятельности», что становилось абсолютным принципом в годы «оттепели» и означало начало падения тотальной власти официоза [Генис, Вайль, 2018, с. 47]. Всё это позволяет полагать, что самодеятельные досуговые социально-культурные практики, подобные деятельности киноклуба «Сигма» в новосибирском Академгородке, косвенно способствовали постепенному разрушению дряхлеющей и сковывающей идеологической оболочки позднего социализма и формированию новых ценностей общественного сознания.

Список литературы

- Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. 432 с.
- Большакова О. В. Новая политическая история России: современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2006. 98 с.
- Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961–1991 гг. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 2. 246 с.
- Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992. 480 с.
- Генис А. А., Вайль П. Л. 60-е. Мир советского человека. М.: Corpus (АСТ), 2018. 432 с.
- Зимянина Е. В. Понятие интеллигентности и ее культурно-исторические контексты // Ценности и смыслы. 2023. № 5 (87). С. 15–29.
- Косинова М. И. Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «оттепели» в России // Проблемы филологии и искусствознания. 2015. № 4. С. 293–305.
- Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Док. исследование. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2015. 486 с.
- Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. М.: Прогресс, 2001. 440 с.
- Муренко Д. И. Социальная активность научной молодежи новосибирского Академгородка в 1958–1970 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2022. 314 с.
- Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 459. С. 140–147.
- Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Хронограф, 2000. 684 с.

- Разлогов К. Э., Пархоменко Е. В.** Метаморфозы кино клубного движения вчера и сегодня // Наука телевидения. 2021. № 17.2. С. 241–271.
- Ханин Г. И.** Честный и талантливый рассказ о новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4, ч. 1. С. 217–239.
- Шубин А. В.** Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 384 с.
- Юрчак А. В.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2016. 663 с.

Список источников

- Боярский Л. А.** Субъективные заметки // «И забыть по-прежнему нельзя...». Сборник воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск, 2007. С. 162–167.
- Жуховицкий Л.** Арьергардный бой «оттепели» // Как стать писателем за 10 часов. М., 2005. С. 80–95.
- За науку в Сибири. 1965. № 46 (222). 22 нояб.; 1967. № 52 (328). 19 дек.; 1968. № 5 (333). 30 янв.
- «И забыть по-прежнему нельзя...». Сборник воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. 336 с.
- Комсомольская правда. 1967. № 220. 19 сент.
- Мы родом из НГУ. ФФ НГУ 1964–1969: Лит.-худож. сб. / Под ред. Л. И. Злобинской, В. И. Сабина. Новосибирск: Сибпринт, 2014. 580 с.
- Навигатор. 2004. № 6. 13 февр.; 2015. № 16. 1 мая.
- Наука в Сибири. 1998. № 43–44. 27 нояб.
- Университетская жизнь. 1995. № 23–24 (484–485). 17 нояб.

References

- Alekseeva L., Goldberg P.** Pokolenie ottepeli [The Generation of the Thaw]. Moscow, Zakharov Publ., 2006, 432 p. (in Russ.)
- Bolshakova O. V.** Novaya politicheskaya istoriya Rossii: sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya [New Political History of Russia: Modern Foreign Historiography]. Moscow, INION RAN, 2006, 98 p. (in Russ.)
- Borzenkov A.** Molodezh' i politika: vozmozhnosti i predely studencheskoi samodeyatelnosti na vostoке Rossii, 1961–1991 [Youth and Politics: The Possibilities and Limits of Student Amateur Activity in the East of Russia, 1961–1991]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, pt. 2, 246 p. (in Russ.)
- Genis A. A., Vail P. L.** 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [1960s. The World of the Soviet Man]. Moscow, Corpus (AST) Publ., 2018, 432 p. (in Russ.)
- Khanin G. I.** Chestnyi i talantlivyi rasskaz o novosibirskom Akademgorodke, sovetskom narode i sovetskom obshchestve (vospominaniya Mikhaila Kachana) [An Honest and Talented Story about Novosibirsk Akademgorodok, the Soviet People and Soviet Society (Memoirs of Mikhail Kachan)]. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals], 2019, vol. 11, no. 4, pt. 1, pp. 217–239. (in Russ.)
- Kosinova M. I.** Kinorepertuar i zritel'skie predpochteniya v epokhu "ottepeli" v Rossii [Cinema Repertoire and Audience Preferences during the Thaw in Russia]. *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 4, pp. 293–305. (in Russ.)
- Kuznetsov I. S.** Novosibirskii Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti". Dokumental'noe issledovanie [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "Letter of Forty-six". Documental Research]. Novosibirsk, OFSET-TM Publ., 2015, 486 p. (in Russ.)
- Le Goff J.** Srednevekovyi mir voobrazhaemogo [The Medieval World of the Imaginary]. Moscow, Progress Publ., 2001, 440 p. (in Russ.)
- Murenko D.** Sotsial'naya aktivnost' nauchnoi molodezhi novosibirskogo Akademgorodka v 1958–1970 gg. [Social Activity of the Scientific Youth of Novosibirsk Akademgorodok in 1958–1970]. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2022, 314 p. (in Russ.)

- Pikhoya R. G.** Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991 [The Soviet Union: The History of Power. 1945–1991]. Novosibirsk, Khronograf Publ., 2000, 684 p. (in Russ.)
- Piskunov M. O.** “Bol’shaya” istoriya Akademgorodka: istoriograficheskoe pole i perspektivy kul’tural’noi istorii sovetskikh gorodov nauki [Akademgorodok’s “Big” History: Soviet Science Cities Historiography and Perspectives for Cultural History]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, no. 459, pp. 140–147. (in Russ.)
- Razlogov K. E., Parkhomenko E. V.** Metamorfozy kinoklubnogo dvizheniya vchera i segodnya [Metamorphoses of the Cinema Club Movement]. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television], 2021, no. 17.2, pp. 241–271. (in Russ.)
- Shubin A. V.** Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR [Dissidents, Informals and Freedom in the USSR]. Moscow, Veche Publ., 2008, 384 p. (in Russ.)
- Vert N.** Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [The History of the Soviet State. 1900–1991]. Moscow, Progress Publ., 1992, 480 p. (in Russ.)
- Yurchak A. V.** Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie [It Was Forever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, NLO Publ., 2016, 663 p. (in Russ.)
- Zimyanina E. V.** Ponyatie intelligentnosti i ee kul’turno-istoricheskie konteksty [The Concept of Intelligence and its Cultural and Historical Contexts]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2023, no. 5 (87), pp. 15–29. (in Russ.)

List of Sources

- Boyarsky L. A.** Sub’ektivnye zametki [Subjective Notes]. In: “I zabyt’ po-prezhnemu nel’zya...” Sbornik vospominanii starozhilov Akademgorodka [“And it is Still Impossible to Forget...” A Collection of Memoirs of Old Residents in Akademgorodok]. Novosibirsk, 2007, pp. 162–167. (in Russ.)
- “I zabyt’ po-prezhnemu nel’zya...” Sbornik vospominanii starozhilov Akademgorodka [“And it is Still Impossible to Forget...” A Collection of Memoirs of Old Residents in Akademgorodok]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2007, 336 p. (in Russ.)
- Komsomol’skaya pravda [Komsomol Truth], 1967, no. 220, Sept. 19. (in Russ.)
- Nauka v Sibiri [Science in Siberia], 1998, no. 43–44, Nov. 27. (in Russ.)
- Navigators, 2004, no. 6, Feb. 13; 2015, no. 16, May 1. (in Russ.)
- Universitetskaya zhizn’ [University Life], 1995, no. 23–24 (484–485), Nov. 17. (in Russ.)
- Za nauku v Sibiri [For the Science in Siberia], 1965, no. 46 (222), Nov. 22; 1967, no. 52 (328), Dec. 19; 1968, no. 5 (333), Jan. 30. (in Russ.)
- Zhukhovitsky L.** Ar’ergardnyi boi “ottepeli” [The Rearguard Action of the “Thaw”]. In: Kak stat’ pisatelem za 10 chasov [How to Become a Writer in 10 Hours]. Moscow, 2005, pp. 80–95. (in Russ.)
- Zlobinskaya L. I., Sabinin V. I.** (eds.). My rodом iz NGU. 1964–1969 [We Come from NSU. 1964–1969]. Novosibirsk, Sibprint Publ., 2014, 580 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Галина Михайловна Запороженко, доктор исторических наук
WoS Researcher ID K-1587-2018

Information about the Author

Galina M. Zaporozhchenko, Doctor of Sciences (History)
WoS Researcher ID K-1587-2018

Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 07.11.2024
The article was submitted on 14.08.2024;
approved after reviewing on 01.11.2024; accepted for publication on 07.11.2024

**Памяти Сергея Григорьевича
Скобелева
(08.10.1956 – 20.12.2024)**

Родные наши никогда не умирают,
Они лишь рядом быть перестают...

Г. Васина

20 декабря 2024 года после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований НГУ, доцент кафедры археологии и этнографии ГИ НГУ, ответственный секретарь журнала «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология» Сергей Григорьевич Скобелев.

Сергей Григорьевич родился 8 октября 1956 г. в Казахстане. После окончания школы в пос. Большая Мурта Красноярского края в 1973 г. работал учителем истории. В 1979 г. окончил историческое отделение гуманитарного факультета НГУ. С первых дней обучения Сергей Григорьевич выделялся своей целеустремленностью, усердием и трудолюбием, стремлением к новым знаниям. Эти качества стали для него главными ценностями в дальнейшей жизни и работе.

Сразу после окончания университета занялся организационной работой в комитете ВЛКСМ Советского района Новосибирска, в 1980 г. был призван в армию. После окончания службы и курсов офицеров запаса получил звание старшего лейтенанта. Вернувшись в университет, Сергей Григорьевич Скобелев с 1981 г. работал в должности заместителя директора, а затем директора студенческого городка. В 1986 г. под руководством академика А. П. Деревянко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Русские влияния на материальную культуру бассейна Среднего Енисея и прилегающих территорий в XVII веке: по данным археологии, этнографии истории».

С 1986 по 1988 г. исполнял обязанности заведующего учебным отделом НГУ, а в феврале 1988 г. основал и возглавил Лабораторию гуманитарных исследований НГУ, которой руководил до последних дней жизни, несмотря на болезнь.

Сергей Григорьевич Скобелев – автор более 200 научных публикаций, известный специалист в области археологии позднего Средневековья и Нового времени, исторической демографии Сибири, истории военного дела, один из пионеров этноархеологических исследований Южной Сибири. Благодаря его самоотверженному труду был сформирован обширный

корпус археологических источников по истории Хакасско-Минусинской котловины позднего Средневековья; раскопаны и изучены многие археологические памятники, особое место среди которых занимает Саянский острог на Енисее – первый русский форпост начала XVIII в. у границ Центральной Азии; введены в научный оборот и проинтерпретированы уникальные изображения древнетюркской богини плодородия Умай.

Сергей Григорьевич с энтузиазмом делился своим научным опытом с молодым поколением: на протяжении ряда лет он читал лекции для студентов-историков Новосибирского государственного университета, руководил студенческими полевыми археологическими практиками. Под его научным руководством были защищены более 15 выпускных дипломных работ и две кандидатские диссертации.

В 2017 г. Сергей Григорьевич Скобелев стал ответственным секретарем журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология», и на этой должности оказался незаменим его богатый научно-организационный опыт. За время работы Сергея Григорьевича журнал вышел на новый уровень, став одним из ведущих российских научных изданий в области гуманитарных наук.

Сергей Григорьевич Скобелев ушел от нас на шестьдесят девятом году жизни. Его безграничная преданность своему делу оставила неизгладимый след в душе тех, кто работал с ним. Только добрые и теплые воспоминания сохранятся в памяти всех его родных, близких, друзей, учеников и коллег. Сергей Григорьевич – яркий пример отважного и мужественного человека, который одновременно держал свой бой сразу на двух фронтах: сражался со своим недугом и активно участвовал в экспедиционной и организационной работе, научных проектах и грантах. Мы запоем его как отзывчивого, неравнодушного и понимающего человека, отдававшего все свои силы работе и ученикам.

Мудрый и благородный, со светлой улыбкой на лице – именно такой образ Сергея Григорьевича навсегда останется в сердцах всех, кто его знал!

Редакция журнала выражает искренние соболезнования всем родным и близким Сергея Григорьевича и благодарит его коллег за помощь в подготовке памятной заметки.

Список сокращений

ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАПК	– Государственный архив Пермского края
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов, Москва
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва
КА	– Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)
VeSa	– Venäläisiä sotilasasiakirjoja (Российские военные документы)

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь (№ 1) и октябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь предыдущего года, в № 8 с ноября предыдущего по апрель текущего года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History